

Татьяна Коростышевская

НЕВЕСТА КАЩЕЯ

ПРОЛОГ

О благородных спасителях, народных сказителях и конце света

Из лоскутков можно сшить одеяло.

Никто толком не заметил, как и откуда появился в деревне этот человек. Уже потом, перешептываясь и тайком складывая обережные знаки, рассказывали мужики, что-де нашли охотники за околицей лисьи следы, которые прямо у частокола превратились в человечьи. Бабы же клялись, что видели, как прилетел незнакомец верхом на черном коте, подгоняя того огненной семихвостой плеткой. Но все это было после. А сейчас деревенские, плотно набившиеся в трактирный зал, замороженно слушали бродячего сказителя, незрячего старца, который, подыгрывая себе на гусях, неспешно вел рассказ о делах любопытных, страшных, таинственных.

— Как во Рутенском славном княжестве, да во селище Мохнатовка...

Это была молва, это было очень приятно. Интерес к перипетиям истории подогревало и то, что дело-то было не так чтоб очень давнее, да вот буквально в том високосе все и произошло. И было оно так.

Жила-поживала в их окраинной деревеньке, под крылышком бабы Яги, девушка-простушка по имени Лутоня. И ведьмой она, конечно, была, с такой бабушкой иначе не бывает, только вот ведьмой несильной. Так, по мелочи могла что-то сотворить: заговор какой на удачу бормотнуть или травками болящего подлечить. А в один прекрасный зимний день пришла беда откуда не ждали: призвала Лутонюшка ветер. И не это-то бедой было. Подумаешь, эка невидаль — стихийный маг. Вон, сказывают, в соседней Полпудовке, лет эдак с десяток тому, огневик пошалил. Вот это было горе горькое для местных — десять дворов подчистую спалил, а сам сбежал, пока односельчане за дрекольем схватиться не успели. А тут, в Мохнатовке, всего-то и делов, что посрывало вихрем пару-тройку крыш. Так быстро же все починили. Да и Яга всем отступного дала за каждую полонку. Казалось, чего уж там — живи да радуйся, да вот только вещуны Лутонюшку заприметили. А про вещунов тех никто толком ничего не знает, только боятся все. Нет, конечно, — и десятину в храм справно несут, и поклоны, как положено, и уважение всяческое всем трем пресветлым ликам, только... Появились вещуны на земле рутенской будто ниоткуда. Научили людей богу своему трехликому поклоняться, храмов с золочеными куполами понастроили. А сами потихоньку-полегоньку всю исконную рутенскую волшебку под корень извести пытаются. И домовиков-то в славном княжестве совсем не осталось, и лешие попадаться стали уже не в каждом лесу, и мавки, а все тем вещунам мало. В Рутении народ послушный — вслух про это мало кто скажет, а про себя, конечно, подумают, только потом и лишний поклон от греха исполнить не забудут.

Вот отчего никто и не удивился, что Лутоня сбежала с заезжим элорийским студентом, чтоб только к вещунам в лапы не попасть. А что с девкой дальше случилось — про то никто не знал, не ведал, пока не напел про их землячку слепой сказитель.

Варвара захлебнулась криком и открыла глаза. Мутный страшный сон не хотел отпускать. Женщина, кряхтя, поднялась с лавки, на ощупь отыскала связку лучин и разожгла огонь. За оконцем едва брезжил рассвет. Выстуженная за ночь горница наполнилась дрожащими тенями. Варвара не торопилась; туго заплела косу, убрала постель, заварила в котелке душистого хинского зелья. Дело, которое ей предстояло, требовало спокойствия и сосредоточенности.

Когда первые красноватые лучи солнца показались из-за горизонта, ведьма достала из сундука плоское серебряное блюдо и решительно полоснула по руке ножом. Кровь заструилась причудливыми дорожками, следуя лабиринту вязевого узора. Голова начала кружиться, но Варвара терпела. Для исполнения задуманного требовалось, чтоб кровь полностью покрывала поверхность артефакта.

Наконец жидкость застыла, приобрела зеркальный блеск, и ведьма, зажав рану, проговорила заклинание вызова. Гость не заставил себя долго ждать.

— Ты отвлекла меня от размышлений, Ягиня. — Демон прищурился и выпустил из ноздрей дым. — Я был так близок к постижению...

— Ответишь на вопрос, — отрезала Яга, — и продолжишь постигать с того же места.

— Опаньки! — Рыжие брови поползли вверх. — Чего это мы сегодня не в духе?

— Да потому что у кого-то аппетиты день ото дня растут! Скоро и всей крови не хватит тебя вызвать.

— И правильно. — В урчащем голосе демона слышалось удовольствие. — Это чтоб по мелочам меня не тревожили, чтоб только в самом крайнем случае обращались. Ибо Радар могуч, грозен, и его услуги очень-очень дорого стоят! Ибо...

Больше всего огневолосый круглолицый демон в эту минуту был похож на орущего по весне кота.

— Воистину! — прыснула Варвара, подпортив своим смехом величие момента.

Радар грозно воззрился на собеседницу, будто упрекая в неуместности веселья, надулся, поджав губы куриной гузкой:

— Ну, что стряслось?

— Внучка у меня пропала, — посерьезнела Яга. — Лутонюшка. Разыщешь?

— А сама-то чего? За ниточки дернуть не в состоянии?

— Могла б сама, тебя, потвору, не вызывала бы.

— Значит, дело серьезное...

Демон подпер ладонью подбородок, его глаза, за мгновение до этого пылавшие лукавым огнем, опустели:

— Излагай!

— Я все сказала, — ошетибилась Яга.

— Ну чего ты сразу шипишь? Не могу я по такой куцей вводной девушку найти. Никак концы с концами не сходятся. Слушай! — радостно встрепенулся собеседник. — Может, это не настоящее имя, может, ты ее в целях конспирации как-нибудь по-другому назвала?

— Делать мне больше нечего, только прозвища непотребные внучкам сочинять! — Варвара стукнула кулаком по столу. — Настоящее имя, самое что ни на есть. Знаешь, сколько нитей судьбы я перевела, пока вплела в полотно доли именно такое простое рутенское имя? Ее же как родители назвали? Упасть — не встать! Лутеция! Чтоб папашке ее ни дна ни покрышки!

— А папа у нас кто? — прервал демон не на шутку разошедшуюся бабку.

Варвара осеклась и отвела взгляд.

— Ну ладно, нечего теперь ломаться. Мне для дела надо. Не просто так...

Варвара молчала.

— Ну я честно-честно ничего никому не скажу.

И в ответ на испытующий взгляд старухи провел пальцами у губ, будто запирая свои уста печатью безмолвия.

Яга думала недолго:

— Поближе придвинься. Я тебе на ухо прошепчу.

И сама склонилась к зеркальной поверхности блюда.

Радару даже на секунду показалось, что сухие старушечьи губы коснулись его подрагивающей от любопытства мочки.

Мэтр Пеньяте носился по своему кабинету, как поднятый на крыло вальдшнеп, взметая подолом мантии тучи пыли.

— Не пуцу! — вопил он, с чисто элорийским темпераментом потрясая кулаками перед лицом барона. — Ни за что! Ни-ког-да! Ни за какие коврижки!

К слову, для того чтоб потрясать именно перед лицом, а не где-то в районе солнечного сплетения, мэтру приходилось вставать на цыпочки или вовсе суетливо подпрыгивать.

Зигфрид старался держаться прямо и не смеяться. При любом напряжении грудной клетки все тело пронзала острая боль.

— Учитель, я должен вернуться. У меня обязательства...

— Прежде всего у тебя обязательства передо мной, перед университетом, перед Элорией, в конце концов. У меня каждый человек на счету! — Мэтр заложил очередной крутой вираж, остановился отдышаться у письменного стола, и обессиленно рухнул в кресло. — Об этом ты подумал?

— Тогда отправьте меня на стены, — упрямо проговорил барон.

— Ты слишком слаб после ранения. — Учитель налил вина из кувшина и дрожащей от нервного возбуждения рукой поднес бокал к губам. — Будешь сидеть здесь и...

Кадык мэтра несколько раз дернулся, конец фразы смазался за бульканьем.

Зигфрид понял, что буря миновала — мэтр Пеньяте выпустил пар и теперь готов к спокойному деловому разговору.

— Я читал твой отчет. — Мэтр зашуршал бумагами. — Тебя направляли в Романию на поиски заклинаний активации боевых големов. Напомни, почему именно туда?

— Следы докса Шамуила — величайшего специалиста в данной области, терялись в Шегешваре, столице княжества.

Учитель кивнул:

— Ты вышел из перехода в районе Варколара и явился в местную коллегию. Затем...

— Около двух месяцев я посещал все места, где отметился мятежный докс. Ни щедрые денежные вливания, ни шпионская сеть, предоставленная мне коллегией, не принесли результата. Мне ничего не оставалось, как попытаться пройти путь Шамуила от конца к началу, в надежде, что мудрейший обронил где-то по дороге крупницы своих знаний.

Пеньяте слушал Зигфрида с таким сосредоточенным вниманием, как будто не читал многостраничных докладов и не допрашивал своего ученика десятки раз перед этим. Барон старался говорить четко и по существу, но присутствие столь благодарного слушателя толкало на театральные эффекты.

— Таким образом, я оказался в соседнем княжестве.

Мэтр сверился с записями:

— Рутения. Выход к морю, две судоходных реки. Экспорт зерна и ценных пород дерева. Правитель — князь Славислав, узурпировавший трон во время третьей магической войны при активной поддержке адептов Трехликого. Выгодный династический брак, две дочери...

Барон утвердительно кивал головой после каждого предложения.

— Со Славиславом мне не довелось пообщаться. Мой путь лежал в провинцию, в

деревеньку Мохнатовка, где, по слухам, проживала ваша, мэтр, старинная подруга — донна Варвара Ягг.

— Ты все-таки встретил ее! — ожил Пеньяте, на впалых щеках ректора вспыхнул румянец.

— О да, — широко улыбнулся Зигфрид. — Но сначала я познакомился с ее внучкой...

Радар снова выпустил дым. На этот раз из ушей:

— Да что ты говоришь! Бедная девочка! И который из трех?

— Думаешь, если бы я это знала, была бы сейчас в живых?

Демон прикусил губу.

— И что, никаких мыслей на этот счет у тебя нет?

— Есть, но тебя они не касаются. Ищи давай!

Демон уставился в пространство, беззвучно шевеля губами. Варвара примолкла. Может, зря она так разоткровенничалась с потусторонним существом? Ведь ежу понятно, что информация теперь пойдет дальше. Радару, которого она на всякий случай связала клятвой молчания, ничто не помешает обсудить все со своими сородичами... А уж как охочи обитатели Тонкого мира до сплетен, Яга знала не понаслышке. От одного к другому по цепочке, обрастая по дороге кое-какими деталями, когда выдуманными, а когда и почерпнутыми из других источников, новость распространится с неотвратимостью лесного пожара. «И пусть! — решила Яга. — Самая лучшая тайна та, о которой всем известно».

Демон устало потер виски:

— Ничего не получается.

— Теряешь былую легкость? — За бравадой колдуньи скрывалось отчаяние.

— Такое впечатление, что кто-то очень аккуратно и последовательно стер всю информацию о твоей внучке. Понимаешь?

— Без надобности мне в твоих тонкостях разбираться. Я, наверное, зря к тебе обратилась. Поищу кого посильнее. Вот к вечеру восстановлюсь и пущу кровушку. Кто там у вас сейчас в верховных? Ленинел, Топот? Кого посоветуешь?

Радар зло смотрел на Ягу из зазеркалья. Его и без того красноватое лицо приобрело оттенок раскаленной лавы.

— Помрешь ведь, старая, от таких опытов. Не только кровь — жизнь отдашь.

— Мне уж все равно. Я свое пожила. Вот еще бы внучку разыскать, и можно в лучшие миры отправляться. Меня там, на кисельных берегах, уже давно дожидаются. А тебе позор на все времена будет. Позор и осмеяние. Я же первым делом всем твоим раззвоню, что Радар опростоволосился, не сумел задачу решить.

Варвара протянула руку к артефакту и приготовилась произнести отпускающее слово.

— Подожди! — закричал демон. — Не торопись. Я еще попробую...

— И что мне за мою доброту будет? Какая выгода?

Глаза ведьмы хитро блеснули, но Радар, кажется, ничего не заметил.

— Сможешь меня без кровавых жертвоприношений вызывать! Как тебе такая идея?

— Никак! Вдруг тебе вместо крови слезы невинных дев или пот грифона понадобится? Таких вещей, знаешь ли, не напасешься. Пока найдешь, пока запугаешь... А то вдруг

девка потеть станет, а грифон — реветь в три ручья? Короче, не согласная я!

— Ой, так свои же люди — сочтемся, — махнул когтистой рукой демон. — Чего там у вас, как снега зимой? Ну например... простокваша. Устраивает?

Пока Яга думала, Радар беспокойно ерзал и умильно складывал бровки домиком.

— Пусть будет молоко, — решила наконец ведьма. — А скислить и сам сумеешь, если захочется.

— По рукам! — Глаза демона горели восторгом от выгодной сделки.

Точно такой же азарт прятала от собеседника ушлая колдунья.

Демон размял руки, похрустев костяшками пальцев, встряхнулся, как выбравшийся из речки кобель:

— Ну что ж, приступим. Давай-ка, Ягиня, мне с самого начала о своей родственнице поведай, с самого рождения.

Варвара расслабила плечи, глаза затуманились, то ли от непролитых слез, то ли от воспоминаний:

— Ну с рождения-то я ее не знала. Я вообще не знала, что моя дочь меня внучкой решила осчастливить.

— Так, так... Тогда, пожалуй, сначала про дочь расскажи. Как ее зовут? Анна?

— Не зовут — звали... — Соленые капли все-таки покатались из разноцветных глаз старой колдуньи. — Анна, Аннушка, Анюта... смелая росла, непокорная. Как тот сухостой — не согнешь, только ломать. Я и не ломала. Как в силушку девка вошла, отправилась науки разные постигать...

Варвара всхлипнула и закрыла лицо руками.

— В Элорию? — Голос демона был полон сочувствия.

— А куда ж еще? Она же у меня ведьма была совсем никудышная. Не по ней ведовская доля оказалась. Мы же себя постичь можем только через бога, а она весь мир под себя переделать хотела.

— И как, получилось?

— Она стихию призвала...

— Какую именно? — Радар выхватил из воздуха потрепанную записную книжку. — Вода, ветер, огонь?

— Ветер. Смешной такой, жженым сахаром пах...

— Так и запишем — стихийница из нее тоже не получилась.

— Не скажи, — цыкнула зубом бабка. — Что от мага требуется? Нити силы видеть да из первоисточника черпать. А тут уж размер ладошек значения не имеет — умение важней.

Воздух спиралями закручивался вокруг тонких щиколоток танцовщиц. Звенели мониста, колыхались шелка, дудели дудки. Доблестное валашское воинство праздновало победу на Златом берегу. Последний город пал на заре. Разрушенная стена замка в великолепии разгорающегося утра выглядела почти непристойно — как беззубая улыбка молодой красавицы, как перебитое крыло птицы, как... Дракон прикрыл глаза, подыскивая более удачное сравнение, и хмыкнул. Какая, в сущности, разница? Он взял город без длительной осады, без дорогостоящих метательных машин и даже без решающей битвы, начало которой и должен был ознаменовать мощный взрыв установленной в основании стены бомбы. Влад откинулся на теплый подголовник трона. Бомба! Забавное звукоподражательное словечко пришлось как нельзя кстати. Потому что резко

высвобожденная магия делает сначала «бом!», потом «бах!» и разлетается в разные стороны, сметая все на своем пути. Активировать устройство можно мгновенно, а вот изготовить его — долгий и кропотливый труд. Дракон припомнил, сколько своей крови он отдал в обмен на технологию Тонкого мира. Демоны дорожили своими секретами, но устоять перед предложенной жидкостью были не в состоянии. Да кому вообще нужны големы, когда вести войну можно и так?!

Господарь рассеянно подцепил мизинцем ближайшую нить силы, натянул и послал легкий импульс в сторону хорошенькой танцовщицы. Девушка дернулась, сбилась с шага, остановилась, тяжело дыша. Смуглые груди под прозрачным шелком платья напряглись. Музыка, будто почувствовав ее состояние, ускорила, ритм барабанов стал яростным, настойчивым. В глубине темных глаз плескался ужас. Ее, будто канатом, притягивало к колдуну, с каждым мгновением она становилась на шаг ближе к трону. Дракон, казалось, наслаждался и своей властью, и страхом, который вызывал в несчастной девушке. Как приятно управлять людьми, будучи магом воды. Приятно и легко. Ведь человек большей частью состоит из жидкости. Ну что бы Влад смог сделать, если бы в свое время его призвала другая стихия? Забросал бы окружающих огненными шарами, или устроил небольшое землетрясение, или растрепал прозрачные шелка красотики шальным порывом ветра? Ветра... Влад прищелкнул пальцами, отпуская нить силы. Танцовщица упала на мозаичные плиты пола.

— Ты передумал? — Братчик, материализовавшийся у трона, склонился к плечу господаря. — Можно я тогда себе ее заберу?

Дракон резко встал. Музыка смолкла. Пирующие тоже поднялись, проявляя уважение. Влад обвел прощальным взглядом зал и вышел. В спину ему ударил возобновившийся шум праздника и разочарованный всхлип оставленной на полу танцовщицы.

Влад умел ориентироваться в незнакомых помещениях, поэтому повороты внутренних коридоров замка преодолевались быстрым шагом и почти без раздумий.

— Ты распорядился, чтобы мне подготовили комнату?

— Да, там уже вовсю суетятся, — ответил пыхтящий следом братчик. — Думаешь, их каждый день Драконы захватывают? Мажордом небось лично подушки взбивает. Чего еще пожелает мой господарь? Горячую ванну с парой смуглых прелестниц?

— Угу, — хмыкнул Влад, толчком открывая золоченые двустворчатые двери, безошибочно определив свои покои. — Только, прошу тебя, без девок. Мне еще работать надо. И двух ребятушек у входа поставь, чтоб никто под руку не лез.

Прислуги в огромной комнате не наблюдалось. Влад, мельком оценив аляповатую обивку стен и позолоченную мебель, устремился к кровати. Завалившись в постель не раздеваясь — в полном облачении и высоких верховых сапогах, господарь удовлетворенно вздохнул:

— Вот оно, счастье!

— Стариковское у тебя какое-то счастье, — решил Михай, обрушившись рядом. — На эдаком ристалище явно женского полу недостает. Такого, чтоб грудки, плечики, бедрышки...

На потолке опочивальни обнаружилось огромное зеркало, поэтому вожделенные части тела боярин Димитру обозначал еще и жестами, любуясь на свое отражение.

— Фу, как будто жареного фазана на блюде разделяешь, — зевнул господарь, несколько часов сна ему явно не помешали бы. — Ты же у нас вроде самый влюбленный кавалер недавно был?

— Чувства в Валахии, — даже не покраснел перевертыш, — а мужские потребности — тут, при мне. Так займешь мне балеринку?

— Да забирай ты кого угодно, кобель неутомимый. Там еще градоначальник дочерей привел.

— Зачем? — растерялся волкодлак.

— Улестить меня старается. Никому не хочется места прибыльного лишаться. Хочешь, хоть всех четверых забирай, только они мелкие еще совсем — старшей лет двенадцать, наверное.

Михай подобрался:

— И чего ты с этим детинцем делать намерен?

— Пороть.

— Девок?!

— Папашу. Завтра же на центральной площади. За содействие блуду.

— Так он же потом на дочерях отыграется.

— А нет у него больше дочерей. Отдал он их мне, понимаешь? Так что сразу после порки пусть катится на все четыре стороны.

— А ты тем временем...

— А я тем временем назначу им опекуна из местных дворян, а еще лучше опекунский совет под предводительством нового градоначальника. Вот и об этом подумать надо — кого здесь за главного оставить.

Михай кивал рассеянно — нюансы управления его не интересовали.

— Интересно, как там Ленута?

— Ты имеешь в виду Лутоню? — ядовито переспросил Влад. — Чудесно! Треплет бесценные фолианты из моей библиотеки в Араде, строит мелкие пакости приживалкам и учится драться под чутким руководством твоей невестки. Мне иногда кажется, что не нужно было ей память стирать — она бы Трисветлого Ива и без нашей защиты довела бы до белого каления.

— Ёжкин кот! — протянул с улыбкой Михай. — Соскучился я о нашей птице-синице...

Дракон молниеносно повернулся и столкнул братчика с кровати:

— Так называть ее могу только я. Напряги фантазию и придумай что-нибудь свое.

Перевертыш резво вскочил и ринулся в бой, вооружившись подушкой.

— Ревнивый деспот! — орал он. — Самодур! Душителъ свободы!

Ревнивый деспот отбивался другой подушкой и ржал в полный голос.

В таком виде — разгоряченных шуточной битвой, облепленных перьями и хохочущих, застал братчиков мажордом, заглянувший выяснить, не угодно ли чего страшному колдуну — новому повелителю Златого берега, валашскому князю Владу по прозванию Дракон.

Настойчивый стук отвлек Варвару от волшбы. Шепнув отпускающее слово, Яга спрятала блюдо и привычным пассом отперла дверь. В горницу ворвался клуб студеного воздуха.

— Хозяйка! Дай водицы испить, а то так есть хочется, что и переночевать негде.

На пороге, страшно вращая слепыми бельмами и постукивая посохом, появился старик. Гусли, закинутые за спину пришельца, жалобно тренькали в такт неуверенным шагам.

— Заходи, добрый человек, — повела носом ведьма. — Водицы дам, у меня ее хоть залейся, с харчем похуже будет, а с ночевкой совсем беда — светлый день на дворе.

Гость скинул у порога зипун и двинулся на ощупь через горницу, зацепившись при этом за табурет и тоненько, по-бабьи, охнув. Ведьма не сделала ни одного встречного

движения, ни единой попытки помочь. Наконец старец устроился за столом, переместив гусли на колени.

— Долго я к тебе, Яга, добирался. Через леса дремучие, горы высокие, болота топкие...

— Ну так, может, не стоило напрягаться? Поберегся б лучше, старче. Того и гляди преставишься...

— Про внучку твою хотел расспросить, — не обратив на издевку внимания, продолжал гость. — Слухом земля полнится.

— А тебе для каких дел, мил человек, мои рассказы понадобились?

— Песнь сложить хочу, да такую, чтоб ахнул люд...

Озвучить свои далекоидущие планы гость попросту не успел. Яга хлопнула в ладоши, обрушив с потолка крупноячеистую металлическую сеть, и резким ударом ноги выбила табурет. Старичок рухнул на пол. Гусли отлетели в сторону, издав предсмертный аккорд, и с хрустом распались в щепы. Яга, успевшая буквально в считанные мгновения активировать с десяток защитных заклинаний и оттого слегка запыхавшаяся, поворошила ногой образовавшуюся кучку мусора, поддев носком изогнутый кривой кинжал.

— И никакой тебе культурности, — задумчиво проговорила ведьма, сверкая грозным взглядом в сторону спеленатого на полу старичка. — По звуку же понятно было, что у тебя в инструменте что-то припрятано.

А потом и вовсе утварила чудное — склонилась над обездвиженным гостем и одной рукой полезла тому в портки. Гуслир шипел и поносил ведьму последними словами, пока Яга вытаскивала из его штанов длинный рыжий хвост.

— Ну вот и свиделись, лисица, — удовлетворенно проговорила Варвара. — Перекидывайся давай, а то я тебя в один миг отростка твоего колдовского лишу!

Угроза подействовала. Черты слепого сказителя поплыли, как свечной воск.

Зигфрид снял запотевшие очки и потер переносицу. В кабинете ректора было невыносимо жарко.

— Я передал госпоже Ягг ваше сопроводительное письмо, и она согласилась мне помочь. Но в дело вмешались непредвиденные обстоятельства...

— Да, да, — рассеянно перебил мэтр Пеньяте. — Девочка сначала заболела, а потом неожиданно призвала ветер.

— Ее стихия очень сильна, учитель. Мы с донной Варварой решили как можно быстрее переправить Лутонию в Элорию.

— И ты не нашел ничего лучше, чем отправиться в Стольный град, к порталу при нашем посольстве?

— Я тогда не знал, что эмбахада разрушена. В путешествии у меня не было возможности следить за новостями.

Ректор покраснел:

— Наше влияние в этом регионе ослаблено. Война отнимает все силы, и этим не преминули воспользоваться жрецы воинственного божка-прорицателя...

— Трехликого бога, — кивнул барон. — У них довольно забавный культ. Местные жители водили меня в храм. Подготовь мне отдельный отчет.

— Обязательно. Но мне хотелось бы как можно быстрее вернуться в Рутению. Вы себе не представляете, что это за девочка! Она сумела провести меня по изнанке яви, она вызывает демонов Тонкого мира и дает им имена, она голыми руками справилась с

упырем... Да она одна сможет активировать все наши големские заготовки!

— Впечатляющий список, но... нет. Кроме наших желаний, мой дорогой мальчик, существуют еще долг и судьба. Если твоя подруга так сильна, она рано или поздно сама окажется в Элории. Ты будешь ждать ее здесь.

Мэтр махнул рукой, заканчивая аудиенцию. Зигфрид ощутил неожиданное равнодушие. Разговор, буксующий на одном месте, успел его утомить. Он церемонно поклонился на пороге и, чуть прихрамывая, отправился восвояси.

Грузно спустившись по мраморным ступеням Квадрилиума, маг огня барон Зигфрид фон Кляйнерманн был неожиданно атакован.

— Зиг! Ну сколько можно тебя ждать?

Вихрь, чуть не сбивший с ног огневика, при ближайшем рассмотрении оказался хорошенькой барышней. Донья с черными как ночь волосами, ярким улыбчивым ртом и жгучим взглядом огромных карих глаз, постукивала каблучками модных туфелек, закусывала губки и всячески демонстрировала свое нетерпение и неодобрение.

— Я был у ректора, Крессенсия. — Барон заключил девушку в объятия. — Кажется, мне не позволили вернуться за Лутоней.

Красавица нахмурила брови, отстраняясь:

— Может, пусть отец поговорит с мэтром Пеньяте?

— Я не хотел бы раньше времени тревожить твоего батюшку.

— Жаль, мне так хотелось побыстрее познакомиться с твоей... подругой.

— Донья дель Терра, кажется, ревнует?

Шелковый веер щелкнул, закрываясь.

— Глупости, дорогой, это совсем не мой уровень. Хотя... Расскажи мне еще раз о ее волшебных способностях изменять внешность.

— И на какую награду может рассчитывать бедный воздыхатель за свое послушание? — в шутливой мольбе сложил руки Зигфрид.

— О, плата тебе понравится, — стрельнула глазами красотка. — Мы сможем обсудить ее во время прогулки.

Барон предложил спутнице руку, и они направились к экипажу. Стерегищие Квадрилиум каменные львы провожали парочку равнодушными взглядами.

Девушка, которая теперь сидела напротив Яги, была та еще штучка.

— Когда ты меня заподозрила? — Она стрельнула раскосыми глазками из-под глянцевой челки и сразу же в притворной скромности опустила очи долу.

— Рутенским духом от тебя шибко пахло, — отрезала ведьма. — Переборщила ты, стало быть, с достоверностью.

Девушка тяжело вздохнула, передернув узкими плечиками, и еще раз попробовала пошевелить связанными за спиной руками.

— На ошибках учатся...

— Ты мне зубы не заговаривай, — пригрозила Яга отобранным кинжалом. — Сказывай, где моя внучка?

— Так ты ее потеряла? — заюлила лиса. — А до меня слухи дошли, что в Мохнатовке у Яги новая владычица ветра подрастает, я и решила разведать, разнюхать, что к чему...

Варвара цыкнула зубом:

— Не хочешь по-хорошему, будем делать, как привыкли.

Острые кинжала вошло под кожу, из яремной вены девицы хлынула кровь, стекая в расчетливо подставленное серебряное блюдо.

Радар явился, сыто отдуваясь:

— Отменяем соглашение?

— Еще чего! Просто молока под рукой не нашлось. Срочно ты мне понадобился.

Демон опрокинул еще рюмашку:

— Мм... Что за экзотика? Кого иссушила?

Варвара развернула блюдо:

— Вот ее.

— Ух ты! — Радар хлопнул в ладоши. — Это же Хумэнь — ручная зверушка Трисветлого Ива, главного рутенского вещуна. Потешила ты меня, Ягиня. Хинских лис мне раньше не доводилось пробовать.

И, видя недоумение Варвары, добавил:

— Раса такая есть, древняя очень: лисицы-перевертыши... В смысле была. Их уже, наверное, с десяток всего и осталось.

Хумэнь высокомерно вздернула подбородок. Рана на ее шее уже почти затянулась.

— Нас осталось четверо! Чтоб тебе, уроду, лопнуть!

— Только чтобы тебя порадовать, — хлопнул себя по пузу демон. — Давай, боль души моей, выкладывай все, что от тебя наша хозяйка услышать хочет, и разойдемся по-хорошему.

— А иначе?

— Сладенькая, я же запросто Ягине перескажу, как даже такой древней сущности, как ты, сделать максимально больно. Ну или...

Радар откашлялся и продолжил низким гортанным голосом:

— Их останется всего трое.

Девица вздохнула:

— Спрашивайте, госпожа.

— Не обманет? — уточнила Яга у демона. — Как лучше вопросы формулировать?

— О, с ними весело, при всех талантах к перевоплощению и хитрости один маленький недостаток — не умеют при нас врать. Так что, если захочешь еще кого из их племени допросить, не забудь меня позвать для компании.

— Зачем ты ко мне пришла? — обернулась Варвара к пленнице.

— У тебя должен быть текст, который интересен моему хозяину.

— Верю. О твоём задании мы после поговорим. А теперь расскажи мне все, что ты знаешь о моей внучке. Как ты с ней познакомилась и зачем?

Хумэнь, глядя перед собой пустым взглядом, принялась излагать:

— Две луны тому объявилась твоя внучка в Стольном граде. Зигфрид фон Кляйнерманн при ней был, дылда белобрысая. Он-то меня тогда и интересовал. Я искала заклинания

для активации големов и знала, что свитки у шваба. Приняв облик уличного мальчишки, я выжидала момент познакомиться с Кляйнерманном. Тут твоя Лутоня и подвернулась.

— Втереться в доверие — первейшая шпионская хитрость, — пьяно икнул демон из зазеркалья. — Ты, наверное, ей в чем-то помогла... Нет. Скорее сделала так, чтоб она тебе услугу оказала.

Лиса с интересом посмотрела на демона:

— Ты прав — я пыталась спасти ее от валашского Дракона, а она меня — от своры вовкудлаков.

Варвара вскрикнула и зажала рот ладонью. К счастью, никто из присутствующих особого внимания на нее не обратил.

Хумэнь продолжала тем же ровным голосом:

— Я ранила и обыскала Зигфрида; полного текста заклинаний у него не оказалось, а допросить твою внучку не было ни времени, ни возможности — она к тому времени уже была под защитой валахов. Ее провожатый меня учуял — пришлось скрыться.

— Боевая барышня-а-а! — глубоким баритоном пропел Радар.

Яге подумалось, что за сегодняшний день демон перебрал с кровью и допрос пора сворачивать, пока его окончательно не развезло.

— Ты знаешь, что дальше с Лутоней было?

— Тогда я ее упустила, слишком сосредоточившись на ее друзьях — Иване-дураке с дядюшкой Колобком. Они суетились, пытаясь отыскать какие-то записи Кляйнерманна, и отвлекли меня от главного. Потом до меня дошла информация, что Лутоня с благословения Дракона отправилась в Заповедную пущу к единорогам.

— Она жива?

— Я не знаю, — пожала плечами лисица. — Только поговаривают, что валашский князь в Рутении цацкался с какой-то потерявшей память ведьмой.

— Ты понял? — торжествующе вскричала Яга. — Она не помнит своего имени! Поэтому и найти ее мы не можем!

— Есть идеи? — попытался сосредоточиться демон. — Что делать будем?

— Меня больше интересует, что делать с ней, — указала Яга на пленницу. — Не убивать же ее в самом деле...

Служба началась еще засветло. Певцы, облаченные в белые одежды, тоненькими голосами славили Трехликого, повернув головы к восточным воротам храма. Заходящее солнце окрашивало багрянцем развевающиеся полы плащей, маски под глубокими капюшонами сверкали.

Ганиэль прошел меж рядами певцов, подобно черному ворону в стае лебедей. Обычай требовал от Трисветлого будничных одеяний. Подойдя к воротам храма, Ив трижды постучал в них. Створки открылись с неторопливой торжественностью. Трое служителей, отделившись от стен, стали усыпать путь к храму бутонами белых роз. Ив шел уверенно, впечатывая в дорожную пыль хрупкие лепестки. Простой понятный символ — бренность всего сущего, быстротечность красоты, красота смерти. Легкую улыбку Трисветлого под маской рассмотреть было невозможно. Но она была — вещуну нравились обряды. Тридцать три неторопливых шага от ворот к внутренней двери, трижды три негромких постукивания по серебряным створкам. Пение не умолкало.

Трисветлый Ив вошел в храм. Здесь было темно. Уверенные руки освободили его от одежды. С легким шуршанием исчез плащ, нижнее облачение, исподнее платье. Помогая невидимым слугам разуть его, Ив сделал шаг вперед. Босые ноги ощутили

гладкую прохладу мрамора. И тут вспыхнул свет. Яркий, белый, слепящий, он будто стекал с потолочного свода с неотвратимостью снежной лавины. Ганиэль, абсолютно обнаженный, стоял в центре зала. Он кожей чувствовал взгляды соратников, приближенных, допущенных в святая святых — в главный храм Трехликого бога. Пение смолкло. В напряженной тишине Ив пересек зал, приблизился к последним алтарным дверям, уверенно открыл их и вошел внутрь. Одновременно с последним разделяющим шагом он сорвал с лица серебряную маску и отбросил ее за спину. Захлопывая дверь, Ганиэль слышал, как звенит металл по мрамору пола.

— Ну наконец-то ты наигрался!

В хриплом старческом голосе слышалась дурашливая укоризна. Первый ценил хорошую шутку.

— Более благозвучных песнопений сочинить не могли? У нас головы разболелись этот писк с утра слушать. Скажи, Младший?

Из левого алтарного нефа ответил хорошо поставленный баритон:

— А мне нравится. Чистые такие голоса, будто девичьи. — За тонкой занавесью можно было рассмотреть только полыхающие желтым золотом глаза говорившего.

— Эх, молодежь... — протянул Первый. — Вот помню, в мире Дырявых лун у нас хор был — огромный, голов на шестьсот, туда только кастратов набирали. Вот это голоса были так голоса. Ты не помнишь, тебя еще с нами не было.

Ив слегка поежился.

— Оденься, Ганиэль, — заметив его дрожь, предложил Первый. — И присаживайся. Как у них здесь говорят? В ногах правды нет.

— Это рутенская поговорка, — уточнил Младший. — Ну может, еще в парочке близлежащих княжеств такое изречь могут. В этом мире просто невероятное многообразие культур. Сотни народов, тысячи языков, десятки богов. Сложный мир, но интересный.

— Вот потому порядка и нет...

К диалогу, неожиданно перешедшему на обсуждение преимуществ монотеизма и единообразия, Ив не стал прислушиваться. За годы служения своему богу он участвовал в философских беседах ликов множество раз. Он порылся в сундуке, стоящем у дальней от нефов стены, и извлек из него тонкий шерстяной плед, в который с удовольствием завернулся. Мебели в жилище бога предусмотрено не было, поэтому вещун уселся на пол, свернул ноги калачиком и расслабил мышцы. Как обычно, в присутствии божества воздух искрился, силовые вихри, сталкиваясь между собой, порождали крошечные стихийные возмущения.

— Где Второй? — спросил Ганиэль, наконец обратив внимание на одну из пустующих ниш.

Невидимые лики как будто переглянулись:

— Спит, наверное... А тебе зачем?

Вещун пожал плечами. Пожалуй, если бы не предусмотренный обычаем ежегодный обряд, он и не подумал бы навещать своего бога. Иногда он завидовал жрецам других религий, которые никогда не видели объектов поклонения лицом к лицу, которые могли идеализировать или, напротив, демонизировать их. У него не было возможности для фантазий, потому что вот он — его бог, все три светлых лика — в нишах, скрытых полупрозрачной кисеей, и тяжелый мускусный, почти звериный запах, витающий в воздухе. Ганиэль не любил своего бога и никогда от себя этого чувства не скрывал.

— Какие новости в миру? — вежливо зевнул Первый. — Не собираются ли верующие возлагать на мой алтарь живых или мертвых девственниц? Удался ли в этом году урожай яблок и хорошо ли раскормлены жертвенные бараны, которые, как ты понимаешь, в гастрономическом смысле гораздо интереснее девственниц?

- Этот мир умирает. Меньше чем за три поколения мы умудрились его истощить.
- А помнишь, как здорово здесь было, когда мы пришли? Магия просто укрывала землю.
- Ее было даже слишком много, — поддержал Младший. — Еще у них такие лошади забавные в лесах водились — двуликие, с рожками...
- Ты все пугаешь. Это была какая-то радужная юдоль — лагуна в реальности.
- Теперь она тоже часть этого мира, — прервал Ив зарождающийся спор. — Юный Дракон расширяет свои территории.
- Славный мальчик. — Первый опять зевнул. — Я помню, отец его все убивался, что колдунов в роду не рождается... Кстати, Ганиэль, ты уже придумал, как и куда мы будем уходить? Не хотелось бы дожидаться здесь конца.
- Какая разница куда? — перебил Младший. — Мало ли миров в обитаемой вселенной? Если бы Второй не разбил при переходе яйцо...
- Поосторожней со словами. — Яркая вспышка отметила прибытие нового лица. — Я же тоже могу многое тебе припомнить.
- Настолько же глобальное, как повреждение единственного артефакта, позволяющего нам путешествовать между мирами?
- Как же мне надоело слушать ваши препирательства!
- Ив, поднимаясь, поклонился:
- Мне, пожалуй, пора. Я сообщу адептам, что беседа с богом прошла удачно.
- Ну иди-иди, — проворчал Первый, остальные были слишком увлечены спором. — Поиграй своими куклами.
- Ив плотнее запахнул на груди плед и пошел к выходу.
- Ты найдешь артефакт? — догнал его вопрос Младшего.
- Я работаю над этим, — не оборачиваясь, ответил вещун. — Скоро мы сможем покинуть этот умирающий мир.

ГЛАВА 1

Об охоте, силе ветра и законах гостеприимства

Гость первый день — золото,
на второй — олово,
а на третий — медь,
хоть домой едь.

Первый удар в драке, если он не твой, — это всегда невзначайка. И умом-то понимаешь, что бить тебя будут скорее всего по лицу. А все равно — возможны варианты. Соперник может попытаться расквасить тебе нос. Тогда удар будет прямым, и, если не увернешься, через мгновение почувствуешь во рту соленый вкус своей крови. Еще бывает, пытается противник первым выпадом тебе скулу своротить. Это уже посерьезней, если прилетит эдакий крученный удар — свет меркнет. А еще бывает... Да по-разному бывает. Но ежели ты эту первую затрещину не выдюжишь — испугаешься или ослабнешь, — бить будут до тех пор, пока не сломаешься, не почувствуешь себя жертвой. А вот чтоб в пострадальцах по жизни не остаться, есть только два пути: либо бить в ответ, либо избегать удара. Я предпочитаю уворачиваться.

Мужик неловко перебросил кнут, сомкнул пальцы на рукоятке с такой силой, что костяшки побелели, и оскалился, шаря по моему телу оценивающим взглядом. Я вжалась спиной в землю. Стекающий пот оставлял на лице молодчика блестящие дорожки, грудь колыхалась в такт тяжелому дыханию. Рука взметнулась для очередного удара. Правая рука! Я подобралась. Широкий обманный замах, свист фолоа над головой... и в лицо мне летит окованный железом носок сапога. Я откатываюсь в сторону и вскакиваю на ноги. Полудурок! Он же сам хвастался, что левша!

Дальше просто. Уцепиться рукой поближе к рукояти, дернуть изо всех сил и захватить свинцовым утяжелителем в коленную чашечку противника. Хех!

— Сегодня уже получше, — прокричала от крыльца Дарина, отвлекаясь от перебирания прошлогодней кукурузы. — Пригласи гостя в дом с нами отобедать.

Я отбросила в сторону кнут и горделиво осмотрелась. Гость тоненько скулил, свернувшись калачиком в жирной весенней грязи.

— Поднимайся, — проговорила я неприветливо. — Нечего тут балаган устраивать. Я тебя вскользь ударила. А ты вопишь, будто вот-вот кишки наружу полезут.

Он еще пару раз всхлипнул, выдувая из носа кровавые пузыри, и медленно встал.

— Так, может, прибавите мне за увечья?

— Договор на кулачный бой был, — возразила я. — А ты хлыст с пояса дернул да еще кованым сапогом мне зубы повышибать хотел.

— Так это не со зла, — жирдяй умильно захлопал глазками, — просто нога так повернулась.

Ага! Так я ему и поверила. Мне этот мужик сразу не понравился, только он у калитки появился. Была бы моя воля, я его и во двор-то не пустила бы. Это все Дарина. «Здоровый какой! Для тренировки самое то...» Еще и денег ему предложила. Тьфу, транжира! Хотя чего это я чужие богатства считать намылилась? Сестрица моя — дева состоятельная, хорошего боярского роду. А то, что жить предпочитает в лесу на отшибе... Так мне самой в Араде не по себе. Шум, гам, народу не протолкнуться, домна Димитру со своими придирками... Нет уж, здесь у нас поспокойнее. Вот только на исходе снегогона повстречалась моя сестрица с залетными обловщиками, да так покалечилась, что занятия наши отложить пришлось. Арадская травница Ильяна говорит, до весны теперь поберечься надобно. Горе-охотников, конечно, изловили и наказали примерно, да

только Дарине от того не легче, а уж мне и подавно. Мы же как раз защиту от ударов в голову отработывали. У меня только-только получаться стало...

Я улыбнулась, вспомнив, как опешила в тот день, когда сестрица велела мне мужские порты нацепить да на двор выйти.

— Ты понимаешь, что в нашем мире женщина — существо бесправное? — строго спросила она, заправляя за ворот душегрейки тугую русую косу.

Я только поежилась в ответ, пританцовывая на рыхлом снегу босыми ногами.

— Мы слабее мужчин, — развивала свою мысль волчица. — У нас тоньше кости, меньше мышц. Но дело даже не в этом. Нас учили быть мягкими на протяжении поколений. Мягкими, покладистыми, безответными. Те из нас, кто ломал заостеневшие традиции, вошли в историю. Что им в этом помогало?

— Колдовство? — выдавила я, стуча зубами. — Волшбе-то без разницы, у кого кулак крепче.

Волчица на мгновение задумалась, потом кивнула:

— Только нам с тобой на магию рассчитывать не приходится.

— А на что тогда полагаться? — недоуменно спросила я.

— На силу духа.

И мы приступили к тренировкам...

А ведь мне посеючас невдомек, за какие такие заслуги приблизила меня к себе благородная домна Мареш, за какие такие таланты пригрела. Ведь кто я? Приблуда без роду-племени, найденная Дарининым родичем в лесу во время охоты. Сестрица названная говорит, что учуяла она на мне следы сильной волшбы, что не просто так я память-то потеряла — поработал надо мной неизвестный колдун. Подшутил да бросил... Вот и учит меня Дарина теперь до седьмого пота, до изнеможения, до черных мушек перед глазами. Потому что нельзя всю жизнь быть жертвой. Нельзя!

— Договорились? — Меня грубо выдернули из воспоминаний. — Благородная фата надбавит за труды?

Я отсыпала в загребущую руку горсть медяков из своего поясного мешочка.

— Тебя-то кто к нам на заимку направил? — с запозданием решила я расспросить своего соперника.

— Домна Димитру велела. Говорит, сходи, Антон, до невестки, подсоби одиноким женщинам.

Ага, понятно... Управительница арадская заботу о родственниках проявляет. Если по-честному, то Дарина ей и не невестка вовсе, а сестра невесткина. Так, не пришей кобыле хвост по нашим меркам. У домны Димитру сын есть, справный да ловкий, вот он-то и был женат на Дарининой сестре. Люди сказывают, красавица была писаная, Вайорика звали. На нашем валашском наречии так называется бледный луговой цветок. Да только не заладилась у нее семейная жизнь с самого начала. Всего-то пару седмиц молодые после свадьбы помиловались. Михай на войну ушел, а женка его закручинилась и померла в одночасье. Никто и не уследил как...

— ...говорит, у трех сосен направо повернешь, чуток поплутаешь, в тисовый забор и упрешься...

Я затрясла головой, пытаюсь поймать ниточку разговора. Пришлый Антон тархтел не переставая. Голос его, низкий, рокочущий, накатывал волнами, забивая уши почище озерной воды.

— Ну так передай достопочтенной, что все исполнил в точности, — махнула я рукой в сторону леса.

— Чего я исполнил? — Недогадливый увалень еще на пару шагов приблизился к дому.

Я решительно заступила дорогу наглецу:

— Ну в забор уперся, одиноким женщинам помог. Так домне Димитру и передай.

Вишь, еще не хватало разных пришлых обедами выкармливать. Антон наморщил лоб и почесал в затылке. Короткий ежик волос говорил о том, что перекидывался он совсем недавно. А интересно, в волчьем обличе он такой же огромный? И тут до меня наконец дошло, почему гость сразу показался мне подозрительным.

— Ты калека, что ли? — сразу приступила я к делу.

Мужик обиженно засопел:

— Вот еще...

— А чего тогда дома отъедаешься, когда остальные воют?

Мужик обиделся еще больше:

— Я единственный сын. Один у мамки родился. Мамка-то и рада была бы еще кого родить...

Тогда понятно. Кормильца из семьи наш господарь не забирает. Закон такой есть. Сто четырнадцатый вроде. Сразу после запрета человечину жрать, если я ничего не путаю. А чего, правильное уложение. Старики сказывают, в ранние времена вообще вседозволенность была — боярские роды перегрызлись промеж собой, чужаков у границ феодалов убивали, сами ослабли, соседей озлобили. Вот и пришлось господаря со стороны звать, чтоб сплотил, вразумил, уберег. С тех пор нами романи и правят. Только не простые. Простому в наших краях делать нечего. А самые сильные тамошние колдуны.

— ...посмотреть бы...

Голос Антона раздавался уже за моей спиной. Ну надо же. Пока я тут думы думаю, да не заурядные, а самые что ни на есть государственные, он меня обойти решился! Я ринулась вдогонку.

На крыльце мы оказались почти одновременно. Я дернула на себя дверь, пытаюсь войти первой. Приставала оттер меня богатырским плечом и сам ввалился в горницу. С-с-собака!

Дарина потянула носом и громко чихнула:

— Гость в дом — радость в дом.

Антон поклонился от порога и степенно уселся за стол напротив хозяйки. А мне чего оставалось делать? Тоже умостила. Да еще плоску с брынзой поближе пододвинула, чтоб мне больше досталось. Сестрица, еще раз чихнув, протянула гостю деревянный нож. Уважение, стало быть, оказала. Ну да, как же двум слабым женщинам эдакого помощника не уважить. Тот ловко накромсал золотистую мамалыгу, и мы приступили к трапезе.

Дарина поглядывала на меня исподлобья, пряча усмешку. Кажется, ее забавляла моя лютая ненависть к незваному гостю. А гость между тем, тщательно облистав ложку, откинулся на лавке:

— А благородная фата здорово меня отметелила.

И в голосе его не было ни капельки обиды или злости. Мне подумалось, что неплохой он, в сущности, мужик, этот Антон. Одно досаждаст — разговорчивый уж больно.

— Я, главное, смотрю — фитюлька, ростом с палец, еще и аккуратненько поначалу размахивался, чтоб, значит, не пришибить ненароком. А она как бросится, как зарычит...

Усмешка растягивала мой рот до ушей. Это я сама придумала — так соперников запугивать. А то какой из меня боец супротив вовкудлака? Я ведь даже как

перекидываться, позабыла. Значит, приходится наглостью наверстывать — наглостью да свирепостью картинной. Помнится, листала я как-то в замке книжку с картинками. (Домна Димитру, хоть сама и не особо к чтению благоволит, господареву библиотеку содержит в порядке. Я только ради этого у них в Араде и обретаюсь время от времени.) И вычитала я в том фолианте про заморских воинов, кои перед боем себя в неистовство приводят. Ну типа ярятся — пена изо рта, пустой взгляд, бешеное рычание. Вот и пытаюсь нечто похожее изобразить, с поправкой на свою не очень представительную комплекцию.

— И постелите мне туточки в горнице, а то ночи еще прохладные, в сенях-то спать.

Я поперхнулась, а Дарина удивленно изогнула брови:

— Ты на ночь остаться собрался?

— Угу. — Мужик по-хозяйски обводил взглядом наше жилище — плетеные половички на дощатом полу, ситцевые занавески, богато разукрашенную печь. — Жить я у вас буду.

Несколько минут моя сестрица сверлила гостя взглядом.

— Ленута, ты уже позавтракала? — обратилась она ко мне, когда поняла, что детинушке от ее взоров пылающих ни тепло ни холодно.

Я кивнула чуть с опозданием. Никак к новому имени не привыкну. И вроде красивое прозвание — Ленута — луна, а все равно чего-то не клеится оно ко мне.

— Тогда беги угодыя. Может, кролик какой в силках запутался, очень на обед мяса захотелось.

При слове «мясо» Антон сделал стойку. Видно, и он не прочь тушенины навернуть. И обеда ему, судя по всему, для этого ожидать необязательно. Я потуже затянула пояс, подцепив нож, без которого в лес соваться — себя не беречь. Хороший у меня нож — справный, с изогнутой спинкой и удобной костяной рукоятью. Не какой-то там кухонный ножичек, а самый что ни есть охотничий. Вообще-то такое оружие за голенищем сапога носить положено. Да я уж и забыла, когда в последний раз сапоги надевала — босиком в лесу не в пример сподручнее.

Антон внимательно наблюдал за моими сборами. Надеюсь, что, когда я с добычей вернусь, пришлого уже и след простынет. Дарина — женщина суровая. Выставит незванчика в два счета.

Ну, если начистоту, я не сразу ушла. Плотно прикрыла двери, пошебуршила в сенях, очень натурально уронила питной ковшик, ругнулась вполголоса. Все это время в горнице напряженно молчали. Я приложила ухо к двери.

— Ленута! Не подслушивай! — рявкнула раздраженно сестрица. — Твое сопение небось в Араде слышно.

Вот ведь волчица... Я поплелась исполнять задание.

Весенний лес — это отдельная история, история начала жизни. Он напоминает мне мелкую конопатую подлетку, которая в предчувствии близкого расцвета примеряет на себя материны наряды. Вот среди бурых ветвей мелькает рыжий хвост белки, вот пробиваются к свету остренькие головки цветов, вот неожиданно в лицо пахнуло свежим ароматом молодой хвои... Хорошо мне в лесу, спокойно.

Только в этот раз моего спокойствия хватило ненадолго. Все наши с Дариной ловушки были пусты. Силки, растяжки, переложенные дерном ямки — все. Как будто я сегодня уже здесь ходила, засовывая добычу в наплечную суму. Я шла от метки к метке, убыстряя ход. Все, последняя, самая дальняя от заимки, дальше мне сестрица ходить запрещает. Здесь, у расколотого молнией дуба, кончаются владения домны Мареш. А с соседями я не знакома вовсе. Дарина говорит, оно и к лучшему. Я опустилась на землю около срезанной волосяной петли, которая еще вчера была справным охотничьим силком, и задумалась.

Возвращаться с пустыми руками не хотелось. Это ведь самое простое — Дарине пожаловаться. Она меня, убогую, пожалеет, перекинется и побежит вынюхивать, какой такой негодник посмел сестрицу названую обидеть. И найдет, и накажет примерно, и отберет украденное, и даже сверх того. Эх, если бы не потеряла я волчьих повадок, в два счета с обидчиком сама бы разобралась. Мне стало так обидно от своей беспомощности, что слезы навернулись на глаза. Я шмыгнула носом, сморгнула... На мгновение мне показалось, что перед самым моим лицом полощется на ветру невесомая ниточка паутины. Взглянула прямо — нет ничего. Точно, показалось. Хотя... Я снова прищурилась — теперь нарочно. Обида прошла, в груди разгорался какой-то волчий азарт. Так... Смотреть надо не прямо, а будто бы насквозь, будто пытаешься ты разглядеть что-то за мутной пленкой бычьего пузыря, которым затягивают окна в бедных деревенских избушках. Я затаила дыхание. Вот она! В верхушке от моего носа струилась серебристая полупрозрачная нить. И ни капельки это чудо не походило на паучьи плетения — скорее на застывший хоровод стеклянных снежинок, таких тоненьких, что игольчатое кружево скорее угадывалось. Я осторожно, чтоб не спугнуть, прикоснулась пальцем. Нить прилипла к коже, змейкой поползла к запястью, захлестывая петлей. Я боролась с желанием заорать и не отводила взгляда. Что-то мне подсказывало, что, если в этот раз я не выдержу, не пройду испытание, следующего может и не быть. Между тем нить пару раз дернулась, будто проверяя наши узы на прочность, и взмыла вверх. Я послушно встала, нить продолжала тянуть, заставляя поднять руку над головой. В лицо мне ударил порыв соленого ветра. Я широким жестом воздела обе руки. Ветер гудел в вершинах деревьев, играл снежными сугробами в далеких северных краях, пересыпал песчинки в барханах южных степей, куролесил в океане, вздымая огромные волны... Он был очень занят, но оторвался на минуточку, чтоб поздороваться. «Ха-а-а-а, — сказал он, — ша-а-а-а-у-у-у-у...»

Я захохотала в ответ, и эхо моего смеха разнеслось по округе. Ветер дернул меня за волосы, расплетая косу. Я тряхнула головой в такт его движениям.

— Будешь со мной играть? — шептал он. Его невесомые пальцы взъерошили мою непослушную гриву. — Бу-у-у-деш-ш-ш-шь?

От моих запястий вверх тянулись уже десятки серебристых нитей, будто собирала я поводья небесных коней. Больше, больше... Еще чуть-чуть, и не удержу их. Унесет меня ветренный табун под самые небеса. Но, залетные! Мои босые ноги оторвались от земли. И увлекло меня куда-то в неведомые дали. И восторг переполнял меня, накрывал с головой. Мелькнул далеко внизу расколотый дуб, извивалась серебристая лента реки, за деревьями показалась и пропала крыша нашей избушки. Я встревожилась. Ложе волчьей долины с высоты казалось содержимым шкатулки с драгоценностями. Как же я домой вернусь? Mamочки!

— Трусиш-ш-ш-шка, — прошелестел ветер. — Прощай... Еще поиграем...

Поводья в моих руках стали таять, как клочки тумана. Я суетливо перебирала пальцами, пытаюсь поймать их, не упустить, и падала, падала, падала...

Приземление получилось неожиданно мягким. Мое тело спружинило от кроны дерева, и я, растопырив ноги и руки, как огромная белка-летяга, спланировала на землю. Видно, мой новый приятель решил помочь напоследок. И на том спасибо.

Я осмотрелась. Место было мне абсолютно незнакомым. Довольно крутой горный склон, поросший лесным буком и ильмом вперемешку с невысокими сосенками. Ни тропинки, ни следов близкого жилья. И тишина, какая бывает только в незнакомом, полном опасностей месте. Что теперь делать? Я же отродясь так далеко от дома не забредала! Сердце стучало все быстрее и быстрее, перехватывало дыхание, перед глазами мелькали тени. Отгоняя подступившую панику, я топнула ногой. Я сильная, я взрослая! Я справлюсь! Надо только подумать чуточку, и выход обязательно найдется. Присев прямо на землю, я свернула ноги калачиком и сделала глубокий вдох. Спокойно, Ленута, дыши... Вдох-выдох, как учила тебя сестрица...

Если идти все время вниз, я рано или поздно спущусь в долину. Там нужно будет просто следовать против течения реки. Закавыка в том, что реку надо еще найти. Бродить наобум в надежде, что рано или поздно я на нее наткнусь? И сколько так бродить прикажете? Хотя... До вечера поброжу, а там уж Дарина встревожится и отправится меня искать. Это хорошо! Это было бы хорошо, если бы я здесь своими ногами оказалась.

Тогда сестрице не составило бы труда меня отыскать. А как она возьмет след по воздуху? Вот то-то и оно, что никак. Значит, к реке выходить придется самой. И дорогу домой искать тоже. Эх, залезть бы на какое высокое дерево, окрестности осмотреть!

Подходящих деревьев поблизости не наблюдалось. Поэтому я решила идти вверх по склону. Оголенные корни служили удобными ступенями, и уже через несколько минут под моими ногами стала угадываться тропинка. Кажись, я перемудрила с направлением. Если звери эту тропку проложили, то, скорее всего, она ведет к водопою. А если человек? Я потянула носом. Показалось, что в воздухе витает запах дыма. Я пошла быстрее, на всякий случай нащупав на поясе рукоять ножа.

Дом показался неожиданно. Он нависал над поросшим травой ущельем всеми своими тремя башенками, изогнутой балюстрадой, многоступенчатым крыльцом. Он просто вопил о богатстве владельца и о своей чужеродности в этом заброшенном уголке валашских предгорий. Ведь что ожидаешь увидеть в наших лесах? Бревенчатую избушку, обложенную дерном, с крошечными окошками и низко выведенной печной трубой. А это сооружение скорее напоминало замок в миниатюре. зубчатые башенки шурились щелями бойниц. На центральной отблескивал в солнечных лучах флюгер. Ветра совсем не было, поэтому неведомая крылато-хвостатая зверушка застыла неподвижно под таким углом, что мне никак не удавалось ее рассмотреть. Дорожка вырезанных прямо в камне символов пересекала две видимые мне стены, кольцами огибая оконные проемы. Чудесный замок от этого выглядел слегка... подпоясанным. А больше всего меня озадачило не то, что было, а то, чего не было. Не было дороги. Совсем. Никакой. Ступеньки крыльца сбегали прямо в траву. Это что же получается — жильцы сюда по воздуху добираются? А то я чего-то в наших краях крылатых коней не припомню...

— Хозяева! — Мой молодецкий шепот остался без ответа. — Есть кто живой?

Тишина становилась давящей, какой-то осязаемой. Я поежилась.

— Эге-гей!

Неожиданно налетевший порыв ветра взъерошил мои волосы. Я, на мгновение потеряв обзор, заполошно стала убирать их с лица под истошный скрип железного флюгера.

Сердце пропустило пару-тройку ударов, чтоб сразу затем пуститься в галоп.

Никто не отзывался. Это что ж такое? Чего я от любого шороха дергаюсь?

Эх, была не была, ёжкин... Кто?

Вот над этим вселенским вопросом я и раздумывала, марая грязными следами шершавый камень ступеней. Чтоб в панику не удариться, первейшее дело ум чем-нибудь полезным занять. Ну или бесполезным, это уж как карта ляжет. Так. Кто или что может быть ёжкиным? Главное, звучит-то здорово и ложится на язык привычно... Пес? Волк? Олень?

Дверь подалась легко, едва скрипнув петлями, резные створки разошлись, гостеприимно пропуская меня внутрь чудного строения.

Ёжкин карась, ёжкин гусь, ёжкин свин...

Я прыснула в кулак от последнего предположения и осмотрелась. Темень, конечно, была знатная, но мои глаза меня еще не подводили — только пришлось проморгаться, настраиваясь на ночное зрение.

Я оказалась в небольшом полукруглом зале. Пол был из того же сероватого камня, что и крыльцо, ни внутренних дверей, ни окон, только ведущая наверх деревянная лестница, стены украшены ткаными полотнищами. Порывшись в памяти, я выудила оттуда непростое слово «гобелен». Разноцветные картинки будто бы перетекали одна в другую — взгляд перебежал от бурого болотного пейзажа к картинке хвойного леса, чтоб сразу же скользнуть к изображению покрытых вечными снегами горных вершин. Мне даже пришлось зажмуриться, чтоб голова не закружилась от этого пестроцветия. Виданное ли дело, так глаза ломать! Вон уже примерещилось, что лисица, с немалым искусством вытканная под развесистым кустом бузины, повела мордой в мою сторону.

Однако стоять без движения в крошечной темноте было страшно, мне чудились опасные твари, выползающие ко мне из гобеленов, их влажные от яда клыки и острые когти, поэтому я приоткрыла один глаз и боком засеменила через зал. Если хозяева дома, они обитают на верхнем ярусе. По лесенке я взлетела, будто в спину мне дышала стая голодных волков.

На верхней площадке было посветлее — косые солнечные лучи проникали в дом через прозрачное потолочное оконце. Передо мной оказались три абсолютно одинаковых двери. Не хватало только предупредительной надписи: «Налево пойдешь — коня потеряешь, направо...» Не помню, чего там дальше терять положено. Коня уж у меня точно при себе не было. Поэтому я решительно толкнула левую дверь. Это была спальня. Почти все пространство горенки занимала большая кровать. Я даже заходить не стала. Побороть желание сразу завалиться в постельку и покемарить часок-другой и так стоило мне нечеловеческих усилий. Следующая дверь. Здесь, видимо, хозяева готовят и принимают пищу. Выложенная изразцовой плиткой печь почти во всю стену, а по центру комнаты круглый полированный стол. Едва заметный запах дыма щекотнул мои ноздри. Вкуснейший такой, многообещающий. Я сглотнула слюну. Сейчас мне совсем не помешало бы перекусить... Ага. Сразу перед тем, как в чужом доме спать завалиться. Третья дверь. Кабинет? Библиотека? Ряды книг уходили под потолок, у занавешенного тяжелой гардиной окна стояло уютное кресло с массивными подлокотниками и крошечный столик, на который было бы удобно поставить кружку с обжигающим взваром, пока твои жадные ручонки перелистывают хрустящие страницы фолиантов. Дом начинал мне нравиться.

Я еще немного побродила, пытаюсь найти выход на крышу, чтоб с одной из башенок обозреть окрестности. Но то ли выход наружу был не предусмотрен, то ли я недостаточно тщательно его искала... Очень скоро я уже шерудила в центральной горенке, выискивая, чем бы похрустеть. Хозяева жили богато — на еде не экономили. Тут была и прорва вяленого мяса, и мешок ноздреватых сухарей, и целая батарея бутылей темного стекла в пристенном шкафике. Я разложила добычу прямо на полированном столе, счастливо вздохнула и приступила. Я жевала и чавкала, откусывая попеременно то от мяса, то от хлеба, запивая все это пряным шипучим вином прямо из бутылки. Мягкий игривый напиток пузырился на языке и теплой тяжестью оседал внутри живота. Уфф! Красота! Прибрать за собой сил уже не было. Я едва доковыляла до спальни и, как была, в измазанных глиной штанах и рубахе, рухнула на постель. Последней мыслью было, что неплохо бы еще зайти в библиотеку, взять чего увлекательное почитать перед сном, для полного, так сказать, комплекта...

— Почему, когда я тебя встречаю после долгой разлуки, ты всегда пьяна, как истрийский рыбак?

Я вздрогнула всем телом и открыла глаза.

За время моего сна около кровати появилось большое кресло с подлокотниками, и в нем валяжно расположился какой-то знатный господин. Лет двадцати пяти — тридцати на вид, одетый в расшитый серебром черный камзол.

— И-извините, — пролепетала я, подтягивая колени к подбородку и пытаюсь скрыть свои грязные ноги.

Синие глаза незнакомца смотрели на мои манипуляции с легким презрением:

— «Извините» в сундук не запрешь.

Вот ведь, ёжкин кот, положеньице. То, что хозяева люди непростые, и так ясно было. Последние сомнения развеялись, когда я флюгер во всей красе рассмотрела. Дракон там был — славный такой хищный дракончик, с открытой пастью и закрученным на манер свинячьего хвостом. В Валахии любая деревенская дуреха герб правителя знает. Значит, передо мной особа, приближенная к господарю. Ну и чего говорить? Вздернуть повыше подбородок и выдать что-то вроде: «Клан Мареш компенсирует вам причиненные неудобства»? Или наоборот — опустить очи долу и предложить самой тут все прибрать да простирнуть постельное бельишко, пока грязь не въелась?

И тут меня огнем обожгла мысль: он знает меня! Он сказал, «всегда встречаю»!

— Истрия — это где? — спросила я, чтобы заполнить повисшее молчание.

Нельзя же с места в карьер к нему пристать — «дяденька, а скажите, как меня зовут». Это же не Дарина, не будет он со мной хороводиться. Сразу видно, высокомерный мужик, чванливый. Нет, не помню я его. Ни кудрей смоляных, ни скул высоких, ни этих прихотливо изогнутых губ.

— Чего? — совсем не по-благородному опешил собеседник. — Какая еще «истрия»?

— Ты сказал, как истрийский рыбак...

— Глупый вопрос, — устало прикрыл глаза хозяин. — Сама по карте посмотри при случае, где река Истр находится.

Я обиделась и покраснела. Издевается еще, злыдень!

— Ну и что мне теперь делать прикажешь? — задумчиво проговорил он. — У меня совсем нет времени еще и с тобой разбираться.

— Так я пойду тогда, — суетливо вскочила я с кровати. — Как говорится, спасибо этому дому, пойду к другому.

Если по-честному, уходить я не собиралась. Ну пока мне кое-кто на вопросы не ответит. Но язык продолжал молоть бессмыслицу:

— Я же случайно забрела — округу оглядеть. Мне к реке надо, в долину. Думала, с твоей башенки обзор хороший будет. А так-то меня сестрица уже давно дожидается...

— Сестрица? — хмыкнул хозяин. — К сестрице я тебя сей же час отправить могу, и по лесам бродить не придется.

Он резко поднялся с кресла и направился к двери:

— Пошли, птица-синица, сейчас портал активируем...

Чего он там дальше говорил, пока я на ватных ногах шла за ним следом, я не слушала. В моей голове столько мыслей играло в салочки, что я всерьез стала опасаться, как бы какая из них не вывалилась да не покатила под ноги к неизвестному колдуну. Портал... Знакомый из прошлой жизни...

Мы быстро спустились по лесенке, провожатый хлопнул в ладоши, и под потолком зажглись мириады крошечных огоньков. Я прищурила глаза, чтоб гобеленовое многоцветие опять не сыграло со мной злую шутку. Хозяин быстро осмотрел несколько картинок подряд, удовлетворенно хмыкнул и провел по поверхности одной кончиками пальцев. Ткань пошла небольшими волнами, будто опустил он руку в чан с водой, и я с удивлением заметила, что на этом полотнище изображен наш с Дариной двор — до самых мельчайших подробностей, вплоть до валяющегося в грязи кнута. Из трубы избушки валил дым, и мне даже показалось, что до меня донесся густой запах готовящегося обеда. Видно, сестрица и без моей добычи разыскала, из чего снеть наготовить.

— Иди, — велел хозяин, протягивая мне свободную руку. — Я помогу.

Моему прыжку могла бы позавидовать болотная лягушка, тем более что сиганула я не вперед, а назад:

— Я не могу!

— Поторопись, мне трудно долго держать его открытым!

Я заметила бисеринки пота, появившиеся на лбу колдуна. А ведь не врет! Действительно эта волшба забирает у него много сил.

— Говорю же, не могу я сейчас, — прижала я к груди сложенные руки. — Я же в твоей опочивальне свои вещи оставила. Сумку охотничью. Меня без нее сестрица без соли

съест.

Хозяин несколько секунд испытующе смотрел на меня. Я подняла бровки домиком и шмыгнула носом:

— Сестрица-то вообще все без соли может. Волки, когда чего зубами рвут, приправами не озабочиваются...

Кого-то мне мое неудержимое словоизвержение стало напоминать. О, точно! Пришлый Антон, его школа.

— А пищеварение у волков вообще отдельная история...

— Все-все! — Хозяин поднял руку в защитном жесте. — Хватит болтовни. Дуй наверх. Забери свое имущество. Только быстрее — одна нога здесь, другая там.

Я радостно кивнула и дробно взбежала по лестнице. Сумка валялась под кроватью. Я опустила на колени и вывалила на пол содержимое: пук волосяных нитей, какие-то крошки, кремневый камень для разжигания огня, колышки, моток веревки. Я нащупала на поясе нож и приступила к исполнению задуманного.

Терпение хозяина истощилось уже через несколько минут. Он ворвался в свою спальню, как взбешенная летучая мышь, которых в наших краях называют ночницами. Черный, страшный, разъяренный. В два больших шага оказался на середине комнаты. Его синие глаза метали молнии, рот кривился в злобной гримасе, мокрые прядки волос прилипли ко лбу. Правая рука, которой он держал портал, открытый в тканом гобелене, была такой красной, будто обварил он ее в крутом кипятке.

— Где ты? — страшным голосом заорал он. — Выпорю мерзавку!

От окна раздался осторожный шорох, колдун обернулся на звук.

В этот момент он наступил носком сапога на первый из разложенных мною силков. Волосяная петля захлестнула щиколотку, колдун упал, потешно взмахнув руками. Я выпрыгнула из-за открытой двери, где терпеливо дожидалась своей добычи и набросила ему на шею скользкую удавку. Дальше все зависело от моей расторопности. Противовесом сослужила та самая многострадальная дверь, конец веревки я обмотала вокруг ножки кровати. Задача была непростая. В те несколько мгновений, которые колдун был дезориентирован и беспомощен, полностью обездвигить его. Петля. Еще петля, перетяжка, узел. Противник хрипит ругательства, но ничего не может поделать. Его единственное преимущество в рукопашной — вес. Но для этого надо быть свободным, а не распластным, как попавшая под тележное колесо лягушка.

Ёжкин кот! Я сделала это? Враг повержен. Руки его плотно примотаны к ножкам кровати, ногам не дает пошевелиться массивное кресло, которое я ради такого случая поставила на попу. Удавка на шее едва позволяет дышать. При малейшем резком движении громада кресла свалится на его бледное лицо. Ни в жизнь не поверю, чтоб такой пригожий господин семь раз не подумал, прежде чем рискнуть свою красоту попортить. Остался последний штрих.

Я приложила лезвие ножа к шее злыдня. К тому месту, где под гладкой белой кожей билась голубоватая кровяная жилка:

— Сначала ты мне все расскажешь: кто я, как меня зовут...

— А потом? — выплюнул он свой вопрос мне в лицо.

— А потом ты обернешь вспять свое черное заклятие. Ты сделаешь так, чтоб я все вспомнила!

Он грустно мне улыбнулся, а потом заговорил, да так тихо, будто разговаривал сам с собой:

— Правильно, птица-синица. Все правильно. Я очень подло поступил с тобой, подло и бесчеловечно. Я должен был найти какое-нибудь другое решение возникшей проблемы.

Птица-синица... Надо же! Ласковое детское прозвище было мне неожиданно приятно. Как бывает приятен солнечный зайчик, присевший отдохнуть на ладошку. Захотелось зажмуриться, потянуться всем телом и...

Я поздно заметила, что мне просто-напросто заговаривают зубы. Слыхала я про златоустые умения. Вот только не думала, что меня можно вот так парой слов расслабить, до забытья заговорить. Пока я сгребала в кучку разбегающиеся глаза, колдун почти незаметными движениями пальцев подманивал к себе полупрозрачные нити. Получается, что не только у ветреных коней поводья бывают. Эти нити, которых внезапно обнаружилось видимо-невидимо, были совсем непохожи на мои — были они нескольких оттенков синего, переплетающихся между собой на манер жгутов. Вода, подумала я отстраненно, уже понимая, что этой силе мне нечего противопоставить. Соперник не оставил мне времени на контратаку, его длинные пальцы уже по-хозяйски поглаживали ближайшее волоконец. То, что произошло дальше, я могу назвать только озарением. Я зашипела, как кошка. Рванула с шеи серебряную цепочку с подвеской и бросила янтаринный шарик в лицо подлого колдуна. Мир вокруг закружился водоворотом. Во все стороны разлетелись фонтаны воды, пол подо мной закачался, дом трянуло, стены комнаты зазмеились трещинами, и сквозь них ко мне наконец-то ворвался ветер. И я воздела руки, и растворилась в нем, и губы шептали: «Вот сейчас мы и поиграем», и корчился где-то внизу поганый колдун, до которого мне внезапно стало мало дела...

— Ты что творишь? Ленута!

Грозный окрик отрезвил меня в мгновение ока. Я взмахом руки отпустила ветер, послушно юркнувший в какую-то щель, и уставилась на вошедшего.

Невысокий ладный молодец щелчком отстегнул ворот дорожного плаща. Голубые глаза встретили мой взгляд с ласковой укоризной:

— И не стыдно озорничать?

— Братец Волчек! Я так по тебе скучала! — радостно заорала я и бросилась на шею дорожному гостю.

— Ну хоть кто-то в состоянии унять эту безумную девку, — донесся с пола хриплый голос. — Подними своего господаря, Михай.

ГЛАВА 2

О верноподданнических чувствах, темных тайнах и светлом будущем

Петух снес яйцо. Кому оно достанется?

(Старинная русская загадка).

А правильный ответ — никому.

Сдается мне, когда боги раздавали мужчинам и женщинам домашние обязанности, мужики чуток смухлевали. Стирку уж точно надо было не женщинам поручать. Это ж какие мускулы да силушку богатырскую надо иметь, чтоб со всем этим безобразием управиться? Сначала кипятишь все в огромном котле. К небу поднимается желтоватый вонючий пар, а ты знай себе помешиваешь противное варево деревянной палкой. Потом отжимаешь всю кучу барахла чуть не насухо. Потому что мокрое белье тяжелее, а тебе потом всю эту гору надо еще до речки дотащить да в проточной воде ополоснуть. А если припомнить, что в быстрых горных речушках даже в самое жаркое пекло водица довольно студеная, то вообще стирать расхочется. Сколько раз Дарине предлагала в Араде прачку нанять, а она ни в какую. Раз уж решились не под крылышком у домны Димитру жить, то и обслуживать себя должны самостоятельно. Вот и обслуживаем, так сказать — помаленьку.

Сестрица дернула за край скатерти, раздался резкий звук разрывающейся ткани.

— А дальше чего?

Я поморщилась, но продолжала монотонно шлепать мокрой простыней по камню.

— Да ничего... Своими ножками топать пришлось. Михай сопровождал почти до самого дома.

— А господарь?

— А чего господарь? — Я продолжала хлестать уже по мосткам. — Ручкой на прощанье помахал да велел больше имущество его не портить.

— Ты хоть поняла, как у тебя это получилось?

— А то. — Я убрала с лица намокшие волосы. — Чего не уразумела, умные люди пояснили.

Дарина отбросила в сторону уже совсем испорченную скатерть и опустилась на бережок, скрестив ноги. Вся ее поза демонстрировала внимание к разговору.

— Господарь волховать стал, к водной стихии обращаться, я в него сферу земли швырнула, вот вода в землю и ушла.

— Какую сферу земли?

— Ну на шее у меня подвеска болталась, — я махнула рукой, — янтаринная такая. Помнишь?

Дарина помнила. Она вдруг будто постарела на десяток лет. Потерла виски ладонями и устало спросила:

— Ленута, ты что, магичка?

— Ну уж всяко не вовкудлак.

Я пристально глядела на сестрицу. Знала ли она о том, о чем я догадалась только сегодня? На широкоскулом лице Дарины не дрогнул ни один мускул. «Знала, — поняла я, — с самого начала знала и молчала. Ни словечком не обмолвилась. Ну и кто она после этого?»

— Я не хотела, чтобы ты в чем-то чувствовала себя хуже, чем мы... Поэтому и не

говорила.

— А если бы мне эта новость память вернула?

— Если бы да кабы... Ведь не вернула?

— Нет. — Я склонила голову. — А тебе Михай сразу сказал?

— Мне разъяснений не понадобилось, — поджала губы Дарина. — Я такие вещи носом чую: и волшебную любую, и зверя, и перевертыша всякого. За мой нюх меня твой братец Волчек в опекуны тебе и избрал. А ты как поняла?

— Я призвала ветер. — И, видя недоумение сестрицы, пояснила: — Это любому известно: не могут вовкудлаки стихии призывать, другая у них волшебная — ведовство. Никто никогда про мага-оборотня слухом не слыхивал.

Дарина недоверчиво хмыкнула:

— Разумная ты девка, Ленуга. Только вся твоя ученость чего-то боком вылезит. Давно говорила, нечего тебе в государевой библиотеке штаны ночами просиживать. Вишь, моду взяла — сферы земли, призывания стихий. Чуть княжество без правителя не оставила... За каким лешим ты его полонить вздумала?

— А нечего было меня учить силки ставить да самостоятельность воспитывать, — разошлась я не на шутку. — Сама все время про гордость да независимость женскую разговоры ведешь, а как до дела дошло...

— И чего бы ты добилась? Пытать его принялась бы?

— А может, и пытать. Это и ежу понятно, что именно господарь ваш на меня колдовство черное навел.

— Так и спросила бы прямо. Влад он, конечно, змей еще тот...

Я растерялась:

— Влад? Вы настолько близко знакомы?

Лицо Дарины залил густой румянец.

Ей было двадцать. Уже двадцать или всего только двадцать. «Уже» — потому что все подружки давно вылизывали своих волчат, и «только» — потому что ни один из местных парней не заставлял ее сердце биться как-то по-особенному. До сегодняшнего дня.

Она сидела на берегу Синего озера, бросая в воду плоские камешки. Неподалеку паслись стреноженные лошади, еще чуть дальше отиралась пара дюжих дружинников, приставленных отцом охранять свою старшую дочь во время прогулки. Дарина улыбнулась. Синее озеро манило мягким шелестом волн и прохладой, неизведанной, предназначенной только для нее глубиной. Такой же глубиной манили к себе глаза ее собеседника.

— Фата Дарина окажет честь моему брату?

Да, тогда еще никто не звал ее досточтимой — домной Мареш, одинокой волчицей лунной богини...

— Брату? — удивленно переспросила я.

— Я должна была выйти замуж за Михая Димитру — правую руку нашего князя. — В голосе Дарины слышалась легкая грусть.

— Ничего себе! — ахнула я совсем уж по-простецки. — Я думала, твоя покойная сестра...

Боярин Петру Мареш, полноправный хозяин самого крупного валашского жудеца, смотрел сурово:

— Я уже ответил согласиём, дочь моя. Это господарь настаивал, что нужно спросить еще и тебя. Так что, надеюсь, ты не опозоришь род Мареш глупыми девчоночьими выходками?

— Не люб он мне, батюшка, — ответила девушка, глядя в стальные глаза отца. — Не хочу за него.

Губы Петру сжались в тонкую линию:

— Потерпишь! Не хватало еще в государственные дела любовь вашу мешать!

Отец с такой ненавистью выплюнул слово «любовь», что Дарине захотелось сжаться в комочек и от души разреваться. Вместо этого она еще выше подняла голову и расправила плечи.

Петру Мареш общался с дочерью в зале Совета, сидя на своем законном месте, где обычно принимал просителей, решая кого миловать, кого казнить и как распутать хитросплетения соседских дрязг истцов и ответчиков. Ростом боярин обижен не был, но злую шутку играло с ним неудобное кресло на гнутых ножках. Именно из-за него долговзая старшая дочь могла смотреть на гневающегося отца сверху вниз. Этого Петру стерпеть уже не мог. Он вскочил, шаря взглядом по бревенчатым стенам, увешанным оружием. Дарина сгруппировалась, готовясь к трансформации — не для драки, а для удобства побега. Ярость отца можно было переждать и за много лиг от дома, забившись в какую-нибудь нору. Не раз и не два проходили...

Петру потянулся к наборной рукояти семихвостой плетки. Дарина зарычала.

— Полно, батюшка, — раздался от парадных дверей зала серебристый голосок. — Не пугайте нас с сестрицей...

Вайорика легкими шагами пересекла зал и присела перед отцом в изящном церемониальном поклоне. Ее каштановые волосы, заплетенные по ледзянской моде в десятки тонких косиц, идеально сочетались с голубым шелком платья. На округлом личике сияла лукавая улыбка. В темноватом интерьере зала Совета будто расцвел маленький луговой колокольчик — цветок, в честь которого младшая сестра Дарины получила свое имя. Суровое лицо Петру разгладилось, как всегда бывало, когда он смотрел на младшую дочь. Боярин махнул рукой и опять уселся в кресло. Вайорика подбежала, опустила перед ним на колени.

— Не нужно неволить сестрицу, — ластясь, как котенок, проговорила она. — Если для нашего рода так важен этот брак, пусть маэстру Михай женится на мне.

Дарина стояла столбом, пытаясь уяснить только что произнесенное Вайорикой. Свобода? Сестренка решила избавить ее от нелюбимого? Но какой ценой?

— Ты еще слишком молода, колокольчик. — Рука Петру ласково погладила склоненную головку девушки. — Рано тебе о женихах думать.

— Батюшка, мне уже шестнадцать лет, — рассудительно ответила дочь. — Вы сами рассказывали, что наша покойная матушка вышла за вас в четырнадцать. И это не помешало...

Видимо, напоминать отцу о рано ушедшей от них матери было не лучшей идеей. Петру Мареш потемнел ликом, его густые рыжеватые брови плотно сошлись над переносицей.

— Дарина станет женой боярина Димитру, — словно заколачивая гвозди, отдельно проговорил отец. — Мое слово твердо.

Я поежилась, будто воочию представив себе грозного Дарининого отца, бессильную

злость своей подруги, спокойную улыбку Вайорики...

— А сестре-то твоей зачем все это надо было? — осторожно спросила я. — Или ей самой приглянулся молодой боярин?

— Она хотела собой пожертвовать...

На щеках Дарины змеились влажные дорожки — тяжело давался ей рассказ о далеком прошлом. Если тогда домне Мареш было двадцать, целых восемь лет с того дня прошло. А все, вишь, не заживает сердечная рана.

— У Вайорики совсем другое предназначение было — лунной богине служить. Нас ведь с детства готовили, ее в жрицы Тзеване, меня... Эх, всем было бы лучше, если б я родилась мальчиком.

Я понимающе кивнула. Понятно — наследница. Потому за наперсника господарева и сватали. Дракон полезными связями обрастал. Это ведь только на бумаге у нас все здорово — объединенная Валахия под сенью романской монархии, а копнешь поглубже — в каждом жудеце свой хозяин со своими законами и интересами, которые он блюдет вперед господаревых. Не уследишь, слабину дашь — расползутся как тараканы или, того хуже, под соседское крылышко переметнутся. Только успевай потом обратно свои земли воевать. Так что мотивы всех действующих лиц давней истории мне были понятны. Всех, кроме загадочной Вайорики. Но в лоб Дарину расспрашивать я пока не решилась.

— И как вы отца уговорили?

— Ты шутишь? Петру Мареш не меняет своих решений. — В голосе Дарины мне послышалась гордость. — Нашим единственным шансом было перетянуть на свою сторону Дракона.

— Вам это удалось?

— Нет.

— Фата Дарина окажет честь моему брату? — Бархатистый голос Влада вывел девушку из задумчивости.

— А как маэстру Димитру относится к тому, что наш брак вызван государственной необходимостью?

Брови Дракона иронично приподнялись.

— Не забивайте свою прекрасную головку подобной ерундой. Михай будет вам хорошим мужем.

— Хорошим — это каким? Послушным, покладистым, безответным? — Острый подбородок фаты дрожал от сдерживаемого гнева.

— Таким, как вам надо, — ответил господарь со змеиной улыбкой. — Свою часть договора он исполнит.

Дарина хотела вспылить, наговорить дерзостей, но не смогла. Равнодушие собеседника будто наложило на ее уста печать молчания. Она с силой швырнула в воду очередной камешек.

— Фата, вы разумная, взрослая девушка, — продолжал Дракон уже деловым тоном. — Каждый из нас получит от этого брака то, в чем нуждается. Вы — независимость от деспотичного отца и возможность устроить свою жизнь так, как сами пожелаете. Я — верного союзника в лице вашего батюшки. А Михай — здравомыслящую красавицу в спутницы жизни. Согласитесь, выгода очевидна...

На одно страшное мгновение Дарине захотелось выложить свой заветный козырь — младшую сестру. Но, передернувшись от отвращения к собственной слабости, она промолчала. Мареш не сдаются. С огнем в глазах и рычанием в глотке встречают они

врага.

— Я хочу выслушать предложение без посредников. — Волчица провела кончиком языка по заострившимся клыкам.

Влад взглянул на нее с интересом:

— Как долго вы можете балансировать на грани трансформации?

— Господарь меняет тему разговора?

Пульсирующая боль прошла по позвоночнику, Дарине невыносимо захотелось выпустить наружу низкий вой, уже зарождающийся в пылающем чреве. Ее состояние не укрылось от внимательных глаз собеседника.

— Издавна ваш род отличался от других семей оборотней. Некоторым из вас присущи черты, несвойственные другим перевертышам. Ваш отец может управлять погодой, мать, насколько мне известно, умела перекидываться в разных животных и даже птиц.

Дарина протестующе зарычала. Чужак, пришлый романин с такой легкостью выкладывал заветные тайны ее семьи!

Господарь вытянул перед собой раскрытые ладони:

— Каким талантом Тзевана наградила вас, фата? И за что? Ходят слухи, что проползт вашего рода был земным супругом лунной богини...

Дарина взвыла, путаясь в завязках, гибким движением выскользнула из платья и в два огромных прыжка оказалась у кромки воды. Лошади тревожно заржали. Давно привычные к звериным ипостасям своих хозяев, они все равно не любили внезапных превращений. Еще две серых тени метнулись к озеру — это наскоро перекинулись Даринины охранники. Господарь стоял, скрестив руки на груди.

— Надеюсь, мы продолжим разговор, фата Мареш! — крикнул он улепетывающей со всех ног волчице. — Мне еще о многом нужно вас расспросить.

И эхо его слов, отражаясь от озерной глади, застревало в волчьей шерсти морозными иглами.

Я покачала головой:

— Странно как-то. Получается, твое согласие ему и не нужно вовсе было?

— Ну да, — кивнула Дарина. — Ему хотелось о тайнах наших семейных побольше разузнать. Такой уж он человек — до знаний жадный.

Я на минуту задумалась. Такая жажда и мне близка. А вот то, что в своих стремлениях наш господарь на чувства людей плюет, вовсе его не красит.

— Давай уже домой собираться, — скомандовала Дарина, скидывая в плетеную корзину плоды нашей долгой стирки. — Пока доберемся, пока развесим, уже и спать пора.

Я неохотно поднялась, потягиваясь. Спина гудела, и больше всего мне хотелось прикорнуть на бережку и вздремнуть под шуршащий звук перекатывающейся речной гальки.

— А дальше-то как получилось с Михаем?

— Я тебе потом расскажу, — ответила скучная сестрица. — Как-нибудь при случае...

Потом мы не спеша поднимались от речки, перекидываясь ничего не значащими фразами, каждая думала о своем, заветном.

— А Антона ты как спровадила? Без членовредительства обошлось?

— Какого Антона? — равнодушно спросила Дарина, перехватывая поудобнее свою сторону корзины.

— Ну утром гость был. Ты еще меня отправила на охоту, чтоб без лишних ушей с ним поболтать.

— Ну что ты несешь, Ленута? Не было сегодня никого. Ты спозаранку сама силки проверять ускакала, даже не предупредила меня.

У меня волосы на голове начали шевелиться от подступающего страха. Я резко развернулась к подруге, отпустив свою часть ноши, схватила волчицу за грудки и заглянула в глаза. Дарина спокойно встретила мой взгляд, ее продолговатые зрачки послушно отразили мое встревоженное лицо.

— Был мужик. Антон звали. Здоровенная орясина. Ты его привечала, на тренировку со мной уговорила...

— Не было такого.

— Ты еще чихать начала, как только он в горницу вошел, — продолжала я, уже понимая, что ничегошеньки не добьюсь своими разговорами.

Дарина чихнула и покачала головой:

— Не помню...

Я зашипела и ринулась к дому, оставив сестрицу саму разбираться с чистым бельем.

Нет, ёжкин кот, я еще из ума не выжила! То есть, может, и выжила, но не настолько же! Точно мужика помню, и как в колено ему заехала, и как обманым выпадом раскрыться заставила. Вбежав во двор, я принялась метаться, высматривая в сгущающихся сумерках доказательства присутствия чужака.

Когда Дарина наконец вернулась домой, недовольно сопя и волоком таща тяжелую корзину, я ждала ее в горнице. С гордым видом я показала ей находку — витой пастуший кнут, найденный мной на том самом месте, где я его после баталии оставила.

— Теперь веришь?

— Ну и что? — махнула рукой сестрица. — Это наш кнут — с зимы в сараюшке валялся. Тебе-то на что?

— Это его вещь! — крикнула я. — Этого самого Антона. Он его с пояса сдергивал.

— Ты ошибаешься. — Сестрица продемонстрировала мне рукоять с клеймом дома Мареш. — Вот тебе и доказательство.

Я бушевала еще некоторое время, пытаюсь вернуть своей сестрице память, перебирала чисто вымытые плоски, искала посуду, из которой наш гость трапезничал, даже опустилась на четвереньки в тщетной попытке рассмотреть или унюхать какие-то следы. Сестрица все это время восседала за столом, с равнодушным любопытством наблюдая мои метания.

— Угу, ты еще проверь, не пропало ли чего ценного. А то мало ли...

Совету, признанному глупым и к ситуации не относящимся, я все же последовала. Ёжкин кот! Уже через пару минут я поняла, что меня обокрали, причем подчистую. Аккуратный пристенный сундучок, в котором я сберегала все свидетельства своей прошлой забытой жизни, был пуст.

Утро мы с Дариной встретили на ногах и вдрызг разругавшись.

— И что ты в Араде забыла? — Насупленная сестрица прихлебывала душистый взвар и морщилась, как от зубной боли.

— Я хочу про покражу заявить, — увязывая котомку, буркнула я. — Первую седмицу травения господарь должен тяжбы народные разбирать. Его и озадачу.

— И чего изменится?

— Имущество свое вернуть хочу, — не отступала я. — Он колдун знатный, у него может получиться.

— Я полночи по следу шла. Заметь, по свежему следу, мне не удалось...

Короткие после перекидывания волосы Дарины топорщились в разные стороны. Видно, еще из-за косы своей ненаглядной она так зла. Подумаешь, одна-две седмицы, и заново краса девичья отрастет. У них, вовкудлаков, с этим быстро.

— Антон тебе чем-то нюх подпортил. Потому ты и чихала в его присутствии. Всякие травки есть, которыми след запутать можно.

— А память он мне тоже травками отшиб?

Что на это ответить, я не знала, поэтому просто в который раз пожала плечами:

— Обскажу все нашему правителю, он пусть и разбирается.

— Будто ему интерес до тебя есть, — фыркнула Дарина и тут же зашипела, обжегшись взваром.

— А мне дела нет до его интересов, — подбоченилась я. — У него, между прочим, кроме прав еще и обязанности есть. Он своим подданным тоже кое-что должен — защиту и справедливый суд. Ты вообще уложения государевы когда в последний раз читала?

— Никогда, — хохотнула сестрица. — Если тебе уж так приспичило, можешь Михая попросить разобраться, он у правителя не последняя спица в колесе.

— Нет, — отрезала я уже в дверях. — Все по закону должно быть. Если я не буду закон блюсти, то и он мне при случае не поможет.

— Ну как знаешь. — Сестрица поднялась из-за стола и смачно потянулась. — Провожать не пойду, сама дорогу отыщешь. Домне Димитру привет передавай.

— Всенепременно, — бормотнула я. — Рассказывать, как ты ее скатерку ручной работы, подарок бесценный, в лоскуты подрала во время стирки?

И увернувшись от деревянной миски, брошенной полусонной сестрицей, я триумфально захлопнула дверь избушки. Очень приятно, когда за тобой последнее слово остается.

По моим расчетам, к Араду я должна была выйти к вечеру. С десяток лиг на своих двоих отмахать — это вам не ежик чихнул, это поход серьезный. Значится, до обеда неплохо бы до тракта добрести, а там дело уже веселее пойдет. Во-первых, я хотела устроить там себе привал с поздним завтраком. А во-вторых, по утопанной дороге идти удобнее, чем по буреломам пробираться. Путь мне был знаком, по крайней мере, я была в этом почти полностью уверена. Просто обычно, когда я изъявляла желание посетить государев замок, требовалось всего-навсего послать весточку строгой матушке Михая. То есть Дарину этим озадачить. Домна Димитру, не мешкая, высылала для воспитанницы своей аристократической невестки встречающего. Так что обычно Дарина провожала меня до тракта, где с рук на руки передавала кому-нибудь из замковых слуг. Дальше путешествие для меня становилось и вовсе приятным: рессорная повозка, побряхтывающая на ухабах, довозила меня до места назначения. А я знай себе пялилась на проползающие мимо пейзажи да тихонько сетовала на неудобства средства передвижения. Теперь же все было иначе. Вредная сестрица, противясь моему своеволию, в помощи мне отказала и почтовой птицы в Арад не отправила. А у самой меня зубастые почтовые голуби вызывали такую панику, что о самостоятельном ведении переписки и речи не шло.

Было на диво безветренно, только далеко в вышине мерно покачивались верхушки деревьев. Я бормотала про себя ритмичную песенку, старалась вдыхать носом, выдыхать ртом и не сбавлять размеренность ходьбы, заданную от самого дома.

Думалось мне одновременно обо всем и ни о чем. Мыслишки вертелись разные и недолговечные, как пенные барашки речных волн. Имущества пропавшего было очень жалко. Хорошо еще денег в сундучке я не хранила. Все мои сбережения в лесочке под сосенкой прикопаны — на черный, так сказать, день. А помнится, Дарина еще подтрунивала надо мной, скопидомкой дразнилась... А оказалось, я все правильно сделала — прям как чуяло сердце покражу. И еще подвеску свою янтариную я, кажись, профукала. Как швырнула в господаря, так отыскать и не озботилась. Интересно, а еще у кого такие сферы есть? И почему я, способная призывать ветер, таскала на шее крошечное вместилище силы земли?

Ветер. Кстати, почему нет его? Я уже взопрела вся и от скорой ходьбы и от припекающего совсем по-летнему солнца.

— Ленута-а-а... — зашелестели кроны деревьев. — Ленута-а-а-а...

— Надо чего? — буркнула я себе под нос, не сбавляя шага.

Если ветреный знакомец мне опять в путешествии решит помочь, было бы просто здорово. Только сдается, что о моем желании ему знать как раз и не надо. Легкомысленный он, еще занесет невесть куда.

В лицо пахло густым мускусным духом, послышался далекий рокот голосов. Я прислушалась.

— Теперь ее зовут Ленута, Трисветлый. Можете себе представить, каких усилий мне стоило отыскать вашу пропажу?

Голос был женским, тягучим. Мне показалось, что его обладательница отчего-то робеет перед своим собеседником и пытается скрыть страх за жеманными интонациями.

Я медленно обернулась, внимательно рассматривая окрестности. Беседующие находились сейчас не в лесу. В этом я была уверена. Голоса доносились до меня будто с колодезной глубины. Что же это получается? Мой приятель ветер решил мне чей-то разговор донести? Он и это может? Ну недаром же в народе говорят: «Собака лает — ветер носит». Я тихонько опустила на корточки и вся обратилась в слух.

— Ленута? — переспросил мужской баритон с немалым удивлением. — Неужели маленькую ведьму занесло в романские пределы?

— Она в Валахии, — торопливо вступила женщина. — Считает себя оборотнем из рода Мареш и ничего не помнит о прошлой жизни.

— Хех, какой поворот! Ты нашла при ней заклинания?

— К сожалению, не удалось, зато я принесла вам вот это...

У меня сердце екнуло от наступившей следом тишины. Ветер, злыдень, на самом интересном месте... Поймаю — прибью!

Додумать свои злокозненные мысли я не успела. Раздался шорох разворачиваемого полотна, легкий стук, будто переставляли что-то на гладкой столешнице.

— Теперь понятно, кто открыл вход к единорогам, — проговорил мужчина. — Маленькая хитрая bestия... Ты можешь немного отдохнуть, Хумэнь.

— Господин доволен моей работой?

— Господин посылал тебя за другим.

— Я так старалась, я день и ночь шла по следу, я разыскивала такие крошечные зацепки, на которые кто-нибудь другой даже не обратил бы внимания...

Мне неожиданно стало жалко незнакомку. Надо же, как перед этим злыднем лебезит, а ему все мало. И почему он, поганец такой, ей не расскажет, что именно ему, аспиду, понятно. Вот взял бы и поведал. А я бы послушала. И еще бы неплохо послушать, за каким лешим я им понадобилась. Или ему?

Тем временем женщина всхлипнула. До меня донесся дробный звук шагов, скрип двери. Понятно, дама ушла. Подслушивать больше нечего...

— Ленута, — задумчиво проговорил мужчина, будто пробуя мое имя на вкус.

У меня от этого смакования мурашки по спине побежали.

— Ты же слышишь меня, девочка? Я скоро приду за тобой.

Это он мне? Я зажала рот руками, чтоб не заорать.

В кустах завозился какой-то крупный зверь. Хруст сухих веток вернул меня к действительности. Ветер, куражась, взъерошил мне волосы и улетел, унося и далекий голос, и ощущение чужого присутствия.

Колдовство завершилось.

ГЛАВА 3

О жажде справедливости, осторожности и странных встречах

Выше лба уши не растут.

(К оборотням это не относится.)

Время тянулось невыносимо медленно. Я сидела на скрипучем табурете, чинно сложив руки на коленях. За окном бурлила городская жизнь: перекрикивали друг друга торговцы, вдалеке раздавались размеренные удары топоров, гоготали гуси, мычали коровы. В канцелярии висела напряженная тишина, нарушаемая лишь жужжанием мухи, невесть как залетевшей сюда с улицы и теперь неистово стремящейся наружу.

Мне показалось, что огромная бородавка, расплзшаяся по носу писарчука, глумливо мне подмигнула.

— Обобщаю. Из лесного домика, находящегося в двенадцати лигах к востоку от замка, пропали фамильные ценности. Вы с вашей уважаемой опекушкой, домной Мареш, подозреваете местного мужика по имени Антон. А о мужике том вам ведомо только то, что послала его наша досточтимая управительница...

Говорила, конечно, не бородавка, а ее скучный и серьезный владелец — не старый еще человечек в сером камзоле с лоснящимися на локтях рукавами. Точно так же жирно лоснились подстриженные кружком волосы и бегающие светлые глазки.

Я замотала головой:

— Я же вам битый час толкую: домна Димитру, скорее всего, его не послала, он нам просто наврал, чтобы в доверие втереться...

Писарчук вздохнул с видом смертельной усталости и закатил глаза. Вот честное слово, еще раз так сделает — стукну лоботряса. Он мне эти представления лицом за время допроса уже раз десять показывал. Будто я его от решения вселенских задач отрываю. Как же! Вон она, задача, в уголке горницы из-под табурета торчит — полторушка беленькой. А закуску он небось в ящик стола смел, когда я к нему заявила. Поэтому и зыркает туда вождеденно время от времени.

— Вот это список украденного. — Чиновник помахал перед моим лицом документом. — Вам достаточно будет приложить вымазанный чернилами пальчик вот здесь и здесь...

Схватив бумагу, я заскрежетала зубами:

— Вам, господин хороший, достаточно будет предложить мне прочесть составленный вами список. И, насколько я осведомлена в правилах письмоводства, отпечатка пальца недостаточно. Для не понимающих грамоту по закону полагается еще подпись доверенного лица, которое вслух зачитывает содержимое документа непосредственно перед подписанием.

Бородавка побагровела, ее владелец, напротив, побледнел. Чего ж он ее не сведет, заразу эдакую? Есть же средства верные. К тому же арадская травница Иляна, насколько мне известно, дока в таких делах. Кстати, вот к кому надо бы сегодня заглянуть. Может, она знает, какими травками вовкудлаку нюх можно попортить, да так, чтоб он не заметил?

Прищурившись, я с трудом разобрала чиновничьи закорючки. Так, все правильно — четыре переплетенные в телячью кожу тетради, которые у меня так и не дошли руки толком изучить, серебряное блюдце, украшенное растительным орнаментом, круглая подвеска темно-синего хрусталя, костяной гребешок. (Гребень-то вообще безделица, слова доброго не стоит, даже не причесывалась я им ни разу, а выбросить рука не поднялась.) Вот и все мои ценности фамильные. Ну еще длинный тонкий рог индры-зверя, который я тоже хранила на черный день. Потому как за порошок из него можно было выручить неплохие деньги, предложив заезжим алхимикам или какой местной травнице. Сверив куцый список, я поставила внизу листа свою подпись в филигранной завитушек — так просто, чтоб вредного писарчука позлить. А то, вишь, грамотной я ему

не показалась.

— Ну что ж, фата, — серьезно проговорил чиновник, присыпая мелким песочком мое чернильное рукотворство. — Теперь ваше прошение принято к рассмотрению. Как только господарь будет готов провести дознание, мы вам сообщим.

— Я тогда по двору пока погуляю? — поднялась я с насиженного местечка, с удовольствием разминая ноги.

— Долго гулять придется! — фыркнул в бумаги писарчук.

— Долго — это до вечера? — осторожно спросила я, уже предчувствуя недоброе.

— До зимы, — с широкой улыбкой ответил чиновник. — И это самый близкий срок, который я могу вам указать. Сейчас, видите ли, господарь будет рассматривать дюжину самых неотложных дел.

Короткий палец указал мне на стоящую под столом корзину, доверху забитую свитками.

Моему возмущению не было предела:

— А как же остальные, менее неотложные?

Крючоктвор, похохатывая, настезь открыл двустворчатую дверцу стенного шкафа. На пол снежной лавиной рухнул еще ворох бумаг. Хозяин кабинета начал, помогая себе коленями, запихивать его обратно.

Я откашлялась и попыталась поймать бегающий взгляд писарчука:

— И каким образом можно повысить важность своего дела?

Ответ был до противного предсказуем.

— У меня при себе нет, — густо покраснела я.

— В долг не лезем, из долга не выходим, — поделился со мной собеседник редкой поговоркой. — Срок даю до вечера...

Я задумчиво кивнула. В моей буйной головушке зрел коварный план.

На крыльце я слегка задержалась, решая, куда отправиться в первую очередь. Канцелярия, входящая в комплекс замковых строений, была расположена на центральной площади, поэтому к травнице я решила навестись чуть погодя, сначала воплотив в жизнь задуманную каверзу. Солнце припекало, в воздухе разносились вкусные запахи готовящейся здесь же, на площади, еды. Арад предвкушал праздник. Улицы утопали в зелени, разноцветные флажки украшали окна домов и головные уборы жителей. Бескровная победа господаря на Златом берегу никого не оставила равнодушным. По слухам, не сегодня-завтра в столицу начнут прибывать наши доблестные воины, покрывшие себя славой при осаде трех самых важных береговых укреплений северных соседей. Где-то на востоке, в обнесенном стенами Шахристане, беснуется свирепый Урхан, не удержавший территорий, завоеванных всего с десятков лет назад, пока валашский Дракон шутя распространяет свое влияние на весь континент.

— Виват! Виват! — во все горло орут уличные мальчишки.

— Слався! — подхватывают клич горожане. — Ура-а-а!

Арад — город большой, зажиточный. Недаром его называют ключом к нашему княжеству. Замок, вокруг которого он образовался, расположен на перекрестке торговых дорог из Романии и Галлии в Рутению. И захочешь в путешествии миновать господареву столицу, а не выйдешь. Ну разве что делать немалый крюк по горам да лесам. Кстати, за столетия, прошедшие со строительства замка, торговый тракт своего значения нисколько не утратил. Все так же, как и много лет назад, движутся длинные обозы, перевоза из Рутении звериные шкуры, янтарный тягучий мед в дубовых бочках или свежую рыбу, обложенную не тающим даже на самом пекущем солнце льдом. (Кстати,

сам вечный лед добывают у нас, на дне Синевирного озера.) Через Галлию из-за моря попадают в Арад разноцветные свертки шелковых тканей, драгоценные бруски черного и красного дерева, ароматные пряности, розоватый крупный жемчуг. А из Романии — магические безделушки и невесомая шерсть тонкорунных овец. Кипит, бурлит арадская торговля, выплеснувшись уже за пределы городских стен. Строительство в пригородах ведется и днем и ночью, не смолкает стук топоров ни в будни, ни в праздники.

— Ленута! — вывел меня из задумчивости резкий мальчишеский окрик.

Конопатый поваренок Томяш призывно махал мне руками. Я спустилась с крыльца.

— Здорово, пострел, за зеленью на рынок послали?

— Ну да, — кивнул Томаш, шикарно сплюнув себе под ноги. У пацана как раз выпали передние молочные зубы, и он изо всех сил пользовался временным преимуществом перед простыми смертными. — Ты в замок?

— Да надо бы... — зевнула я, прикрыв рот ладонью. — Только еще в пару-тройку мест забежать придется.

— Так давай я сопровождаю?

Ну понятно: кому на кухню возвращаться охота?

— Кузнеца хорошего знаешь? — спросила я, решив, что попутчик мне в общем-то не помешает. — Такого, чтоб с филигранью работал, настоящего мастера.

— А то, — шмыгнул носом поваренок. — Я же мужик деловой, обстоятельный.

— А где еще знакомые имеются? — попыталась спрятать я улыбку, глядя на мелкого обстоятельного мужика.

Томаш закатил глаза:

— Не сомневайся, везде людишки верные есть.

— Тогда давай так: сначала покупки твои поварам доставим, а потом я тебя до вечера у начальства отпрошу. Идет?

Мы звонко ударили по рукам и стали пробираться через возбужденную торгом толпу. Тючок с зеленью Томаш закинул на спину, отчего сразу стал похож на самодвижущуюся скирду.

Народу на площади было видимо-невидимо. Недоверчивые крестьяне, хитроватые продавцы, праздные зеваки. То и дело мне приходилось работать локтями, поспевая за своим быстроногим спутником.

— Куда прешь, дура?! — Раскрасневшаяся рыжеволосая бабища преградила мне путь. — Глаза разуй!

— За собой последи, кулема, — огрызнулась я, высматривая в толпе колпачок поваренка.

— Да я сейчас мужа кликну, он тебя, чернавку, быстро на место поставит!

— Тебя-то с места на место двигать небось пупок развяжется, — начала злиться я. — С дороги уйди...

Баба хватала ртом воздух, видно пытаясь придумать что-нибудь совсем уж обидное:

— А вот я сейчас стражников позову! И пусть разбираются, почему это в Араде гостей словами срамными кроют!

— Дела им больше нет — в бабьи дрызги встрывать...

И в этот самый момент я с удивлением поняла, что наша словесная баталия велась порутенски. Я тряхнула головой и широко улыбнулась. Не подозревала я в себе таких способностей к языкам. Ай да я, ай да...

— Ленута! — вынырнул из толпы насупленный Томаш. — Что ж, до вечера тут будешь лясы точить? Знаешь, как мне влетит за опоздание?

— Да иду уже, ёжкин кот! — забормотала я, вдруг устыдившись и своей неожиданной злости, и неуместного самолюбования. Эка невидаль — по-рутенски лаяться могу!

Рыжая баба буравила меня недобрый взглядом ярких голубых глаз:

— Лутона?

Я отмахнулась от нее, как от назойливой мухи, и продолжила путь.

— Это же я — Стеша, подруга твоя. Неужели меня не помнишь? — несло мне вслед. — Лутона-а-а-а...

Мое сердце забилося, как пойманная в силки птица, я резко обернулась. Бабы не было. Я растерянно заметалась по площади.

— Ты чего, взбесилась? — Поваренок повис на моей руке.

— Быстрее! Надо рутенский обоз отыскать, она точно там... Понимаешь, она меня знает...

— Успокойся! — Томаш наконец-то привлек мое внимание. — Сейчас отпросишь меня у дядьки Григора, и по постоянным дворам пройдемся. Ежели есть какие руты, все про них разузнаем.

Устами постреленка глаголет истина. Я попыталась рассудить здраво. Ну знает меня эта рыжая Стеша, и дальше чего? Заклятие она с меня снимет? Нет. То, что она ни разу не кудесница, у нее на лбу вот такенными буквищами написано. Просто обычная деревенская молодка со вздорным характером. И что у нас с ней общего могло быть, чтоб задружиться, ума не приложу. Поговорить нам, конечно, надо бы, да только сейчас не к спеху. А что к спеху? Имущество украденное возвратить? И это подождет. Если я за десяток седмиц не смогла свои старые записи прочесть, хитромудрый шифр разгадать, то и сейчас с лету не разберусь. Мне бы с господарем еще разочек один на один остаться... Эх, не появись тогда братец Волчек!..

Поваренок уверенно вел меня сквозь толпу, бормоча что-то успокаивающее. А меня вдруг посетила страшная в своей простоте мысль: я веду себя так, будто сама не хочу ничего знать о своем прошлом, будто глубоко в душе я уверена, что ничего хорошего для меня в этих воспоминаниях нет...

Закатное солнце еще не коснулось горизонта, когда я вернулась в канцелярию.

— Далеко ходить занимать пришлось? — поинтересовался писарчук, наблюдая за тем, как я извлекала из многослойной матерчатой обмотки небольшую золотую монетку.

Я пожалала плечами. Побегала я, конечно, преизрядно, но добыча самой наличности в моем плане занимала отнюдь не первую позицию по сложности воплощения. Всего-то делов — дядька Григор, замковый повар, как узнал, для какого дела мне золотой нужен, самолично свою кубышку потрошить кинулся. Много же кровушки вредный писарчук у него выхлебать успел.

— Это моему делу поможет? — протянула я дрожащей рукой подношение.

Жадные пальцы схватили кругляш. Писарчук поднес монету к самым глазам, понюхал, прикусил:

— Чего-то она у тебя с червоточиной, — указал на неровно обрезанный край.

— Так была бы целая, у меня бы не оказалась, — обиделась я. — Откуда у бедной сиротки навроде меня цельный динар сыщется?

— Точно золотой? — грозно свел брови чиновник.

— Не сомневайтесь, — прижала я руки к груди, — самой что ни на есть чистоты металл.

— Ну хорошо, — наконец прозвучал вердикт. — Завтра в первой десятке твое прошение окажется. Так что где-нибудь неподалеку отирайся.

Я заметила, что с тех пор как писарчук получил от меня деньги, вся его уважительная манера куда-то испарилась. Ну ничего. Мы незлопамятные, отомстим и забудем. Еще раз истово поблагодарив крючокотвора, я отправилась восвояси.

Томаш ожидал меня у крыльца, сплевывая подсолнечную шелуху.

— И чего теперь? — бормотнул, отсыпав мне в ладонь теплых семечек. — Пошли твою рутенскую подруженьку разыскивать?

Я зевнула:

— Надо бы... Чего там говорят, когда господарь завтра судить будет?

— Так с рассветом. Сегодня птицу почтовую присылал, чтоб к его приезду все готово было.

— Тебе, что ли, присылал? — подколола я пацана.

— Злоязыкая ты девка, Ленута, — ответил Томаш. — На голубятне у меня дружок работает. Вот он и рассказал.

Я примирительно потрепала поваренка по вихрастому затылку. Все я прекрасно понимала: обслуга завсегда все новости узнает вперед сильных мира сего.

Площадь пустела. Закрывались лавки, их холеные хозяева выпроваживали припозднившихся посетителей, чтоб, плотно прикрыв ставни и заперев двери, без помех пересчитать дневную выручку. Торговый люд попроще — ручники и лоточники, которым для работы хватало веревочных растяжек или большой доски на плечевом ремне, давно отправились в ближайшие трактиры, выпить и закусить после долгого дня. А покупатели... Ну кто же в здравом уме будет приценяться к товару в темноте, когда можно какого изъяну не заприметить? Ясно, что никто.

Издали ветер донес печальную мелодию, пальцы неизвестного лэутара нежно касались серебристых струн, и такая музыка рождалась от этих прикосновений, что сладко защемило сердце, а на глаза навернулись слезы.

Горной луговиной, Райскою долиной
Гонят по зелёну, По крутому склону
Три отары рунных
Пастуха три юных...

Грустную историю о судьбе и смерти я знала наизусть. Тягучими зимними вечерами Дарина часто напевала мне эту песню. Но ни разу она не вызвала во мне такого прилива чувств, как сейчас. Томаш, заметив мое состояние, взял меня за руку:

— Пошли, сестренка, поторопимся...

Пели не свирели — Птицы свиристели,
Чашы были — гнезда, Свечи были — звезды...

И среброликая богиня Тзевана устремляла свою небесную свору навстречу разгорающейся луне.

— Ёжкин кот! — Я с такой силой захлопнула дверь, что кривоватая вывеска постоялого двора угрожающе накренилась в мою сторону.

Этот был четвертым за сегодня и последним из мне известных.

Полусонный Томаш, уже давно привыкший к моим воплям, зевнул, прикрыв рот ладошкой.

— Можно еще у реки поспросить. Где Воронья слободка, знаешь?

— Да я туда и при свете дня без десятка дружинников не сунусь, а уж на ночь глядя...

— Трусиха! А сама-то деву-воительницу из себя строишь, пока до дела не дойдет.

Я заскрежетала зубами:

— Ты чего, решил меня на слабо подначивать?

— Трусиха, трусиха! — Мальчишка возбужденно подпрыгнул. — Кто со мной — тот герой, а кто без меня — тот паршивая свинья!

Может, если б я успела ухватить Томашика да поучить ум-разуму, все бы и обошлось. Но малец припустил вдоль дороги, только пятки сверкали в сгущающихся сумерках. Я неохотно поплелась следом.

В любом городе бывают такие места, куда приличные люди предпочитают не забредать. Там всегда уныло и грязновато, дома жмутся друг к другу покосившимися стенами, стыдливо прикрываясь реденькими частоколами. Там не светят по ночам масляные уличные фонари, не фланируют нарядно одетые прохожие, и только одичавшие голодные собаки провожают тебя тоскливыми взглядами. Воронья слободка была именно таким местом.

Поваренок шел уверенно, миновав развалившуюся пристань, вслух отсчитал третий дом, поднялся на крыльцо.

— Подожди, — громко зашептала я, — осмотреться сначала надо...

— Трусиха, — презрительно отрезал Томаш, уверенно стуча в дверь.

Я успела оказаться за спиной мальчика в тот момент, когда створка со скрипом отворилась.

— Нам бы спросить чего... — испуганно пискнул поваренок, узрев громадину, появившуюся на пороге.

Мужик поднял факел повыше:

— Ну так спрашивайте.

Ростом он был, наверное, с гору. Плохо пахнущую, одетую в разодранную на плече рубаху гору. Колтун пегих волос почти закрывал лицо, оставляя на обозрение тонкогубый рот да цепкие карие глаза, время от времени зыркающие сквозь волосяную завесу.

— Обоз из Рутении у вас не останавливался? — вступила я в разговор на правах старшей.

Провожатый мой тем временем совсем скис. Мне даже показалось, что его дрожь передалась крыльцу, и доски под моими ногами заходили ходуном.

— Проходите, — неожиданно гостеприимно предложил хозяин.

— Так здесь они? — Я решила поосторожничать.

Мужик уверенно кивнул и пошире открыл дверь. До нас донесся гул голосов и задорный дудочный пересвист.

Томашик расслабился, а я, наоборот, еще больше насторожилась.

— Тогда позови мне купчиху рыжую, Стешей кличут.

И тут одновременно произошли два события: мальчишка взвизгнул, слетев с крыльца от удара хозяйской ноги, а я заорала, пытаясь сбить со своей спины огромную цепкую пятерню человека-горы.

— Пошел вон, щенок! — скомандовал злодей скулящему поваренку. — А девка пусть тут

пока побудет.

Меня за шкуру перебросили через порог. Хлопнула дверь, факел с шипением утонул в бадейке. Стало темно. Я вжалась в стену, настраивая ночное зрение, и, стараясь быть тише воды ниже травы, переместилась на пару шагов вправо. Изменение местоположения в предстоящей драке должно было мне дать кое-какое преимущество. Но дорогого продать свою жизнь мне не дали.

— Фейн, я тебе новую игрушку принес. — Человек-гора сдернул внутреннюю занавесь, наполняя сени ярким светом и шумом праздника. — Погляди, какая цаца...

Я медленно поднялась, надеясь, что поваренок успеет привести стражников до того, как из меня здесь начнут резать ремешки или другие полезные в хозяйстве вещи.

Судя по всему, веселье было в самом разгаре, когда нам с Томашиком вздумалось стучать в дверь. За сдвинутыми столами вкусно трапезничали, обильно выпивали и играли в карты где-то с десятков мужиков, самого что ни есть лиходейского вида. Сейчас вся эта орава с удивлением уставилась на меня. На стене около входа горел ночник, испуская в воздух столб душного дыма. Я повела носом — хозяева явно баловались дурманной травой, подмешивая ее в светильное масло. Глаза защипало, я сморгнула слезу. Вот ведь, ёжкин кот, положеньице. А рожки-то, рожки! Не иначе окаянники. Такого избытка разнообразных шрамов мне раньше видеть не приходилось. Неожиданно захотелось пожалеть калечных людишек, какую-нибудь помощь предложить, но еще одна затрещина обрубила мои благостные желания на корню.

— Поосторожней! — огрызнулась я для порядка.

Ответом мне послужил звонкий шлепок пониже спины, от которого я как-то сразу оказалась на середине горницы, прищелкнув каблуками сапог по грязным половицам.

— Так ей, Жох! — заржал один из лиходеев — одноглазый, с полотняной повязкой через лицо. — Покажи курочке, кто здесь главный.

— Фейн! — продолжал взывать человек-гора, не обращая внимания на подколку.

Молчание, воцарившееся с моим появлением, сошло на нет. За столами возобновились разговоры, смешки, сдвинулись чарки в застольном обряде.

— Давай ее к нам, — не унимался одноглазый. — Не обидим.

Угу, так я и поверила. Не хватало еще с хмельными людишками в разговоры вступать. Тут уж только одно и останется — выдернуть из-за голенища верный нож и... И что? Ринуться на супротивников, рубя их в капусту? Себя пырнуть, чтоб сразу ко мне интерес потеряли? Ну так финал будет одинаковый — что в лоб, что по лбу.

Из внутренней двери появилась подавальщица, встрепанная угрюмая старуха. Злобно глянула в мою сторону, скрюченные пальцы достали из-за пояса щепоть коричневого порошка, который через мгновение оказался ссыпан в светильную плошку. Лампа зачадила с удвоенной силой.

— Чего горло дерешь? — обратилась бабка к Жоху. — У себя атаман, отдыхает.

— Ха! — восхищенно ухмыльнулся человек-гора. — Когда только успел? Ну ничего, от такого подарочка он точно не откажется. Давай, курочка, пошевеливайся.

Злыдень махнул рукой в глубь горницы, где виднелась еще одна, прикрытая плотным куском мешковины дверь. Получить очередную затрещину мне не улыбалось, поэтому я пошла, куда велели, по дороге прикидывая, что с одним-то разбойником я справлюсь. Должна.

В спину мне свистели и улюлюкали, но рук никто распускать не спешил. То ли опасались моего охранника, то ли гнева неведомого Фейна.

За дверью оказался узкий темный коридорчик, его мы пересекли буквально в три шага. Жох одернул драпировку и втолкнул меня внутрь душной захламленной горницы. Видимо, именно здесь и хранилось все добро шайки. У стен кучами высились рулоны

тканей, богатые, украшенные чеканкой доспехи, стояли разномастные сундуки, фигурные бутылки. А в центре горным плато возвышалась кровать. Когда-то, видимо, украшенная балдахинем и прочими положенными ей по статусу штучками, она занимала место во дворце какого-нибудь вельможи. Тогда ее, наверное, укрывали шелковыми простынями и угольная грелка несла службу в ее изножии, а на прикроватном столике томно оплывала огромная свеча. Теперь же величественное ложе служило еще одной площадкой для кучи барахла.

Тряпье зашевелилось, и я наконец-то увидела Фейна.

Он был молод, лет двадцати, и красив той яркой глянцевой красотой, которой могут похвастать уроженцы юга. Казалось, его кудри хранят соленый запах моря. Смуглая гладкая кожа, обласканная солнцем, черные, как ягоды водяники, глаза, тонкий нос, выдающийся вперед подбородок и яркие, притягивающие взгляд губы, сейчас растянутые в довольной улыбке.

— Откуда ты здесь, чаровница? — обратился ко мне атаман таким глубоким голосом, что мне захотелось почесаться.

Ответил, как и следовало ожидать, человек-гора:

— Да вот, прибежала свою подружку искать. Про рутенский обоз расспрашивала...

Фейн задумчиво выбрался из постели, запахнул на груди шелковый халат, подмигнул мне и уселся на край кровати, картинно закинув ногу за ногу.

— Одна пришла? — будто пожурил меня непутевую атаман. — Очень опрометчиво.

— Не одна, — заступился за меня Жох. — С пацаном мелким. Я его часто на рынке видел. Видно, служка какой в замке.

— И где мальчишка?

— А он-то тебе зачем? — ластился увалень. — Я его прочь погнал, девку сграбастал — специально, чтоб ты потешился. Ты же у нас ходок известный.

Черные глаза метнули молнии.

— Пацана. Догнать. Быстро. До того, как он дружинников из замка приведет.

Громадный Жох испарился в мгновение ока.

— Иди сюда, милая... — Атаман дружески похлопал по постели, приглашая меня присесть рядышком. — В ногах правды нет.

Смуглые пальцы были так густо унизаны перстнями, что у меня в глазах рябило.

— Я лучше здесь постою, — пискнула я, борясь с тошнотой.

— Как знаешь... Значит, за товаркой пришла?

Я только кивнула, не видя смысла в многократном повторении одного и того же.

— А с чего ты решила, что она здесь?

Какой вопрос замечательный! И главное, чего это он мне в голову не пришел, когда я вслед за Томашиком по загаженным окраинам бродила?

— На постоянных дворах никто про рутенский обоз не слыхивал. А Бобыриха, что трактир у кожевенного ряда держит, сказывала, что на этом дворе может быть...

— А как зовут твою подруженьку?

— Стеша, — послушно ответила я. — Фигуристая такая молодуха, дородная.

Атаман в задумчивости потер мочку уха. Страх меня помаленьку отпускал. Может, еще все хорошо сложится, без насилий и увечий. Вон же, никто меня на ножи ставить не

торопится, а наоборот, разговаривают так уважительно. Фейн оставил в покое ухо и теперь рассматривал свои пальцы с синеватыми лунками ногтей.

— У меня твоя пропажа, — наконец нарушил тишину атаман. — Могу встрече поспособствовать.

Я молчала. Если он чего-то от меня хочет, пусть первым выскажется. Суетиться сейчас с вопросами мне не резон. Однако как непроста моя рутенская знакомица оказалась! С лихими людишками дружбу водит...

— Щура! — Хозяин хлопнул в ладоши с такой силой, что я вздрогнула. — Поди сюда.

Старуха-подавальщица появилась на пороге.

— Рыженькую сюда приведи, — скомандовал ей атаман.

Бабка кивнула:

— Которую прикажете? Ружу?

— Нет, купчиху. Ну эту... Не помню, как зовут...

— Стеша, — подала я голос.

Подавальщица в мою сторону даже головы не повернула, зато Фейн радостно прищелкнул языком:

— Точно, Стешу. И поторопись.

Бабку будто ветром сдуло, а атаман повернулся ко мне:

— Здесь поговорите, а потом... — Хозяин одарил меня жарким взглядом. — Потом тебе придется со мной расплатиться.

Мне стало еще гаже, хотя, казалось бы, дальше некуда.

— А если я не захочу? — решила уточнить я для порядка. — Не с подругой говорить, а с тобой... Ну это самое...

— Не таких объезжал, — ухмыльнулся разбойник. — Люблю, когда кобылка с норовом.

Продолжить мысль ему не дали. В горницу, тяжело дыша, вломился Жох:

— Убег пацан, не смог я его отыскать.

На виноватца было больно смотреть. Человек-гора съежился чуть не в половину.

— И ладно, — махнул рукой Фейн. — Давно надо было берлогу менять. Поднимай народ, уходите будем.

Соратник унесся исполнять поручение. Я почувствовала себя... лишней. Да чего уж там, дура душой я себя ощутила. Стою, значит, соляным столбом в опочивальне малознакомого мужика, ко всему еще и разбойника. И жду непонятно чего.

Фейн скинул свой богатый шелковый халат, отыскал в куче барахла рубаху и стал натягивать ее через голову. Торс разбойничьего атамана бугрился мышцами, на левом боку от подмышки змеился тонкий белый шрам.

Я шумно вздохнула. Мускусный дух дурман-травы, казалось, вьелся в меня до самой печени.

— Нравлюсь? — Черные глаза атамана лучились удовольствием.

Я покачала головой:

— Душно у тебя, может, оконце отворишь?

Он весело заржал, выходя:

— Здесь нет окон, так что ускользнуть тебе не удастся.

Хлопнула дверь, раздался щелчок въезжающего в пазы засова и звук удаляющихся шагов. Я осталась одна.

Перво-наперво я попробовала призвать ветер. Шурилась изо всех сил, пытаюсь высмотреть в мутном от воскурений воздухе нити силы, представляла, как врывается мой приятель в разбойничий вертеп, раскидывая его по бревнышкам, и взлетает в воздух барахло разноцветными тряпками. Все было тщетно. В горле саднило, хотелось пить. Страх не было абсолютно, как и боевого куража. Ну в конце концов, что лихие людишки мне сделают? Прибьют? Хотели бы, давно бы лоскутки мои по закоулочкам валялись. Снасильничают? Да до того ли им? В моем представлении для эдаких дел требовалось время, а уж времени у них нет. Сколько минут понадобится отряду городской стражи, чтоб до этих трущоб добраться? Да лучина догореть не успеет, как появятся здесь вояки, бряцающая оружием. Кстати, как там мои разбойнички? Врассыпную кинулись? Путают следы? Забываются в норы? А чего ж тогда крам весь свой побросали? В этой горенке немалые богатства собраны.

Я присела на краешек постели.

Ну чего уж. В ожидании скорого избавления тоже есть своя прелесть. Я немножко помечтала, какими словесами опишу сестрице свое ночное приключение, представила широкую улыбку Дарины и ее недоверчивый смех, когда буду ей рассказывать о бесславной драке с человеком-горой или о картинных позах самоуверенного атамана.

В таком вот благостном настроении меня и застала давешняя старуха.

Она появилась на пороге, словно огромная ворона — птица, предвещающая беду. Теперь она не выглядела растрепанной или неопрятной. Широкое черное одеяние скрыло ее согбенную фигуру, а низко повязанный платок — волосы. В скрюченных, как птичьи лапы, руках позвякивала увесистая связка ключей.

— Ну как там, на воле? — хохотнула я. — Разбегаются добры молодцы, хвосты поджав?

Морщинистое лицо осталось неподвижным, только слегка шевельнулись тонкие пергаментные губы:

— Ты умрешь...

— Все умрем, — отмахнулась я от вещуньи. — Или ты, бабушка, вечную жизнь для себя намеряла?

Мысль показалась мне забавной. Я фыркнула, не в силах сдержать рвущийся наружу тонкий смешок.

— Ха! Вот умора!

— Что, окосела красавица, с непривычки-то? — Старуха деловито заперла дверь и обернулась ко мне. — Лошала свое дело знает. Понравились тебе мои воскурения?

Я прислушалась к бурлящему внутри смеху и кивнула:

— Дашь рецепт списать?

— Отчего ж не поделиться напоследок. Основа — болиголов. Знаешь такое растение?

— А то, — как сквозь туман отвечала я, и слова у меня получались длинные, как мои руки... — На петрушку похож, только вонючий...

Мне очень хотелось почесать нос, но бесконечно длинная моя рука все время промахивалась.

— Так вот, девонька, травка эта смердящая лишает магов их стихийных способностей, и ты своей силы в одночасье лишилась.

Я бы завыла от страха, если бы мне не было в эту минуту так весело. Отстраненно я ощутила, что на подбородок мне сползает дорожка вязкой слюны.

— И за что ты так со мной?

— Ты убила моего сына.

Бах! Веселье лопнуло как мыльный пузырь. Я всхлипнула:

— Неправда! Ты меня с кем-то путаешь! Я Ленута Мареш и никогда тебя раньше не видела...

Щура отбросила ключи и достала из складок широкой юбки изогнутый полумесяцем нож.

— Ну тогда-то тебя звали иначе. Как называл тебя твой швабский любовник? Лутоня, Лутонюшка...

Я зажмурилась, пытаюсь упорядочить проносящиеся в сознании образы, какие-то обрывки воспоминаний, не желающие складываться в стройную картину. Шваб? Любовник? Убийство? Ёжкин кот и драконья мать! Да не я это! Не я!

— Не я! — закричала я истошно, почувствовав, как к лицу прикасается сталь. — Нет!

Щеку обожгло огнем, я дернулась, подставляя под нож беззащитное горло.

Старуха не спешила, глядя на меня с каким-то злобным удивлением:

— Надо же, как тебя жизнь потрепала...

Хмель, унесенный то ли волной боли, то ли страшной правдой о моем прошлом, оставил тошноту и холод, разливающийся в груди. Тело мое хотело выбить оружие из руки постылой бабки, да так, чтоб старые кости хрустнули от удара, затем вскочить на ноги и бежать, круша и ломая все на своем пути. Но разум был тверд. Старуха в своем праве — боль за боль, кровь за кровь, жизнь за жизнь...

ГЛАВА 4

О нерушимости клятв и о том, в какие передряги умеют попадать легкомысленные девушки

В короб не лезет, из короба нейдет и короба не отдает.

В охотничий домик Михай вернулся под вечер. Насвистывая, вбежал по ступеням на верхний этаж, скинул плащ прямо на перила лестницы и веселым вихрем ворвался в столовую.

— Нагулялся, братец Волчек? — Голос Влада сочился ядом. — А мне чем прикажешь заниматься, пока ты девиц на природе соблазняешь?

Дракон был бледен, под глазами залегли глубокие тени, манжеты рубахи пестрели ржавыми пятнами подсохшей крови.

— Вызывал демона и не рассчитал силы? — решив оставить колкость без ответа, кивнул Михай на перевязанные запястья господаря. — И теперь без посторонней помощи не можешь поесть приготовить?

— Было бы из чего. Твоя протезе изрядно проредила наши запасы.

— Ой, не смейся, — махнул рукой Михай, присаживаясь к столу. — Много ли ей надо, такой малышке? Ползернышка в день?

— Она не просто девушка. — Синие глаза Влада были серьезны. — Она маг ветра, неопытный, неинициированный, но маг. Уж можешь мне поверить, после каждого призыва стихии на нее нападает такой жор, что... Кстати, как тебе понравилась сфера земли?

На столешницу с глухим звуком упала янтаринная подвеска.

— Побрякушка как побрякушка, ничего особенного. — Хозяйственный Михай, не удостоив сферу даже взглядом, поднялся из-за стола и отправился рыться в ящиках с провизией. — Ты мне когда-то рассказывал, для чего эти камешки нужны, но я уже не помню.

— Дуболом ты, братчик, — необходимо обозвался Влад и продолжал монотонно, будто читал с листа: — Все сущее пронизывает своими силами стихийная первооснова нашего мира. Состоит она из четырех элементов: воды, воздуха, огня и земли. И несет вода перемены, земля — постоянство, огонь — безжалостно расправляется с прошлым, и связывает их всех ветер — шальной и непредсказуемый.

Боярин Димитру слушал своего господаря вполуха, очищая от соли добрый кус свиного сала. Рот боярина переполнялся слюной в предвкушении.

— Ну вот, а ты говорил, есть нечего. Вон и луковица отыскалась, и сухарей полно. Заканчивай вещать, сейчас я тебя накормлю.

Влад послушно умолк, наблюдая за ловкими движениями молочного брата. Михай покромсал луковицу, смахнув скупую мужскую слезу, аккуратными ломтиками нарезал полупрозрачное сало, поискал, куда сложить, и подхватил с дальнего конца стола большое серебряное блюдо.

— Оставь! — рявкнул Дракон. — На нем моя кровь!

Первертыш отскочил от волшебного предмета как ошпаренный.

— Не мог прибрать? — проворчал смущенно, вываливая сало прямо на стол. — И вообще, гадость какая — кровавые обряды проводить. Не можешь на какую-нибудь другую дань договориться? Вон у Лутони демон на яблочный сидр являлся.

Влад усмехнулся:

— Интересная она барышня, наша Лутоня. Или уже твоя?

Михай поставил на стол две чарки и бутылъ вина.

— А тебе-то чего нейметя? Ревнуешь?

Дракон помолчал, будто прислушиваясь к себе, и сменил тему:

— А сферами стихий, мой проницательный друг, издавна владеют четыре семьи элорийских магов, так называемые адепты первого круга.

— Ты хочешь сказать, что Лутоня как-то связана с тамошней аристократией?

— Я ничего не хочу сказать. — Влад резко ударил по дну бутылки, выбивая пробку. — Я хочу о многом ее расспросить, после того как верну ей память.

Михай подставил свою чарку:

— Ну тогда предлагаю выпить за раскрытие тайны!

Синие глаза господаря хитро блеснули:

— Давай лучше за любовь!

В мгновение, когда моих дрожащих рук коснулись скрюченные пальцы старухи, я охнула. Золотистые нити судьбы оплетали меня, как виноград — стены беседки, пробираясь, казалось, под кожу, лишая своей воли и привязывая к чужой — злой и мрачной.

— Теперь ты моя, девка, — удовлетворенно бормотала Щура, завершая обряд ведьминой клятвы. — Моя до самой смерти.

Когда я соглашалась на такую расплату, мне казалось, что из двух зол я выбрала меньшее.

— Жалеешь, что мое первое предложение не приняла? — спросила старуха.

— Пить человеческую кровь, чтобы стать упырем? — Я старалась говорить твердо. — Нет уж, лучше клятва.

— И правильно. — Ведьма наконец отпустила мои ладони. — В упыря тебя превратить я всегда успею, даже и супротив твоего желания.

Я протерла запястья. Ощущение, что я вымазалась в чем-то липком и грязном, меня не покидало.

— И что теперь?

— При мне будешь. А там посмотрим, к какому делу тебя лучше приспособить.

— А чем вообще бабы в разбойничьей компании занимаются?

— Ну это твоя подруженька лучше расскажет. Стеша, подь сюды! — гаркнула старуха.

— Ты же дверь изнутри заперла. Или запомновала? — Мои губы сами собой сложились в беззглвную усмешку. — Говорят, с возрастом память слабеет.

Она наотмашь хлестанула меня по лицу:

— За дерзость будешь наказана! Ты теперь никто, меньше чем никто. Ты вещь — бесправная, безгласная, и очень легко можешь стать... поломанной. Отвори!

Связка ключей звякнула, ударившись сначала о мою грудь, а потом о земляной пол горницы. Я вздернула подбородок. Врешь, не возьмешь! И тут же вскрикнула от боли — мои внутренности будто накручивались на колодезный ворот. Перехватило дыхание, потемнело в глазах, я упала на колени и стала шарить руками перед собой. И только когда мне удалось нащупать ключи, боль отпустила. Пошатываясь, я поднялась и

отправилась исполнять приказ хозяйки.

Щелкнул замок, я потянула дверь на себя. На пороге, перепуганная и бледная до синевы, стояла давешняя рутенка.

— Госпожа, Фейн поймал мальчика, — обратилась она к ведьме, мельком взглянув на меня.

— Хорошо, — кивнула старуха, оправляя складки черного платья. — Значит, от стражников бегать не придется. Вы тут пошепчитесь пока, девки...

Щура отправилась восвояси, бросив мне напоследок:

— Попробуешь призвать ветер — умрешь.

Как будто я могу об этом позабыть! Если от простого непослушания меня так скрутило, то что может произойти при прямой попытке нарушить договор? Лучше даже не представлять.

Я проводила взглядом спину старухи и обернулась к товарке:

— Я вообще-то с тобой поговорить пришла.

Стеша взгромоздилась на ложе, заставив рассохшуюся раму жалобно скрипнуть:

— И чего?

Я растерялась. А чего я вообще ожидала от нашей беседы? Надеялась, что купчиха мне всю мою подноготную на блюдечке выложит и жизнь сразу окажется простой и понятной?

— Мы долго с тобой дружили? — осторожно начала я. — Ну в Рутении.

— А чего это я должна тебе отвечать? — Толстуха грузно перекатилась на бок, явив миру крутой изгиб бедра, прикрытого ветхим атласным лоскутом. — Ты мне, что ли, хозяйка?

У меня с глаз будто пелена упала. На купчиху и мужнину жену Стеша ну никак не тянула — слишком поношена была ее одежда, слишком аляповаты украшения. А чего стоили войлочные чуни, выглядывающие из-под подола, которые рутенка не озаботилась снять, заваливаясь в постель.

— Для начала прислужи мне, как полагается, помоги ко сну приготовиться — с мяукающими интонациями продолжала Стеша, приподнимая ногу.

За эту ногу я ее и дернула, стаскивая с кровати. Баба охнула, рухнув спиной на земляной пол. Я, наклонившись, резко ударила ее в солнечное сплетение, выбивая дух, и уселась верхом, намотав на руку длинные рыжие пряди.

— Я тебе не служка, — прошипела я в округлившиеся васильковые глаза. — И у тебя надо мной власти нет! Поняла, кошка драная? Поняла?!

Стеша завизжала, когда я потянула ее за волосы:

— Да, да! Отпусти! Больно!

Я еще с минуту буравила ее грозным взглядом. Молча. Как учила Дарина. Сейчас я сверху, я главная, я альфа. И пусть моя соперница запомнит этот момент во всех подробностях, чтоб семь раз в следующий раз подумала, перед тем как попытаться унижить.

Запах магии Дарина почуяла лиги за две и во все лопатки помчалась к дому. Она только успела вбежать во двор, когда воздух сгустился, закручиваясь на манер облачного рукава, уходящего широким раструбом в самые небеса, и из вязкой пелены навстречу волчице шагнул Дракон.

— Домна Мареш... — Влад изящно поклонился. — Какая приятная встреча.

Дарина вильнула хвостом и тут же, устыдившись собачьего жеста, обнажила клыки.

— Я не задержу вас надолго, — продолжал господарь деловым тоном. — Мне нужна ваша подопечная.

Волчица мысленно пожала плечами и направилась к дому. Для продолжения разговора надо перекинуться, и лучше это делать не на глазах изумленной публики и поближе к одежде.

— Дарина, у меня совсем нет времени — я должен успеть до восхода солнца.

Дверь избушки хлопнула за ее спиной, отсекая вопросы, на которые она все равно не могла ответить, по крайней мере, в этой ипостаси.

Превращение заняло не больше минуты, гораздо дольше пришлось искать раскиданную по горнице одежду. Влад, томящийся у окна, будто преданный воздыхатель, проявлял нетерпение:

— Где Ленута?

— Здесь ее нет! — прокричала домна Мареш, натягивая рубаху. — В Арад она отправилась, монаршей милости просить!

— Давно?

Протастив голову сквозь ворот, Дарина оказалась с Драконом лицом к лицу.

— Как давно ваша подопечная ушла в замок?

— Да уж седмицу как... У нас покража была, вот она и хотела вас попросить разобраться.

Выражение красивого лица Влада сложно было истолковать. Но на мгновение Дарине показалось, что все его напускное спокойствие, вся недвижимость черт — всего лишь маска. Чуткие ноздри волчицы уловили едва заметный запах волшбы, будто господарь сдерживает рвущие его на части чувства.

— Покража? — наконец равнодушно переспросил Дракон, присаживаясь боком к столу и вальяжно вытягивая ноги чуть не на середину горницы. — И что же у вас украли?

Стеша как-то уж очень быстро пришла в себя. Будто ее каждый день посторонние девицы уму-разуму учат. Кряхтя, поднялась с пола, отряхнулась, напомнив мне домашнюю курочку, только что оттопанную петухом, и как ни в чем не бывало принялась за уборку.

Честно говоря, ее поведение меня настораживало даже больше, чем безвыходная ситуация, в которой я сама оказалась. Со мной-то все ясно: набедакурила — изволь ответ держать. Отработаешь должок — тогда уж можно и на свободу с чистой совестью. Только вот, если судить по отношению ко мне хозяйки, этот светлый миг настанет ох как нескоро. А Стеша... Многое в ней казалось мне неправильным, неестественным. Эти ее переходы от злости к дружелюбию, от простецких манер базарной торговли к воркующим интонациям жрицы любви. И все — с неменяющимся выражением глаз. То есть лицом она чувства выдавала исправно — кривила жалостливо рот, поднимала брови в удивлении, морщила нос. Но зрачки ее при этом были огромны и неподвижны.

— А Фейн — он хороший, — щебетала рутенка, перетряхивая постель. — И не жадный нисколечко. Только не любит, когда бабы ему перечат. Я сперва, пока не подладилась, часто на орехи огребала.

— Это он, что ли, твой грозный муж?

Я изображала хозяйственную деятельность, перебирая побрякушки, наваленные в дальнем от двери углу. В оружие годился разве что серебряный подсвечник локтя в два дюйма. Несмотря на обилие каменьев и прочих непонятных мне излишеств, он очень

удобно ложился в руку. Кого я этой красотойогрею — рыжую товарку или смуглого атамана, я вовсе не думала. Там по ходу дела разберемся. Было б чем.

Я стряхнула пыльный отрез шелка с настенного зеркала и стала отрабатывать грозный замах, сосредоточившись не столько на точности удара, сколько на придумывании самого свирепого выражения лица.

— Хо-хо! Ты чего кривляешься?

Я резко развернулась. Стеша подавилась смешком.

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Мой муж меня продал...

По щекам молодки водопадом потекли слезы, и конечно же я бросилась ее утешать. Обняв Стешу за плечи и подав ей вместо носовичка одну из не очень свежих простыней, я внимательно слушала невеселую историю моей подруги. С одной стороны, мне было ее невероятно жалко, а с другой — в моей голове поселился какой-то спокойный и расчетливый голосок, который твердил: «Баба сейчас размякла, она тебе все выложит, ты только вопросы наводящие задавай да вздыхай участливо».

Расстались мы со Стешей не так чтоб очень хорошо. Как говаривали в нашей родной Мохнатовке, кошка меж нами пробежала. Да не просто кошка, а целый котище — благоверный подруженькин, купец Еремей. Он, мужик видный и властный, не мог допустить, чтоб его невеста с ведьмами дружбу водила.

— А песни какие поначалу заводил... — всхлипывала рутенка, громко сморкаясь. — За меня, говорит, пойдешь, как сыр в масле будешь кататься, озолочу... А как оженимся, сразу и уедем — дальние страны посмотришь, диковинки там разные...

Поженились они этой зимой, произнеся клятвы под золочеными сводами Трехликого храма и еще раз закрепив их на бумаге перед деревенским старостой. На последнем настоял Стешин отец — деревенский мельник, который давал за дочерью неплохое приданое.

— А я, значит, ведьмой у вас была? — осторожно поинтересовалась я.

— Я тогда тоже так думала, — невесело хохотнула Стеша. — Пока настоящую ведьму не повстречала — Щуру старую.

— И давно ты с ней знакома?

— Да нет, — мотнула головой собеседница. — Где-то в лютне она к ватаге прибилась, на исходе зимы. Фейн сказывал, она ему родичка какая-то — тетка, что ли... Я еще порадовалась, когда она появилась, думала, подспорье в хозяйстве будет, а она быстро все к рукам прибрала — и Фейна, и девок. И мужики все под ее дуду пляшут. Потому как ведьма.

— Погоди, — сосредоточенно считала я в уме. — Ты замуж выходила в начале зимы, а в конце уже с разбойниками бытовала?

— А недолго с Еремеем любилась. Он меня в первом же большом городе сбыл — привез с обозом да Фейну в карты и проиграл. Я в ногах у него валялась, умоляла не отдавать меня, а у него глаза совсем оловянные стали. Говорит: «Не могу слова порушить, долг, он отдачи требует...» Вот так я среди лиходеев и оказалась, а чего — люди-то ко всему привыкают, вот и я свыклась. Мне еще повезло, что меня атаман к себе приблизил.

— Не по-людски это! — разозлилась я.

— Конечно, — согласно всхлипнула Стеша. — Я же к Еремею со всей душой, а он меня за долги продал.

— Ты что, корова? — почти орала я. — Ты не могла ему в рожу вцепиться и обратно домой уйти?

— И куда бы пошла? — взвизгнула страдальца. — Одна среди чужеземцев? Да и что бы я в деревне сказала? Помогите, люди добрые, меня муж бросил? Чтоб потешались надо мной всей деревней? К тому же он же не просто от злобы так поступил, а чтоб клятвopеступником не сделаться.

— Он тебе клялся, когда замуж брал. Заботиться обещал и любить до самого смертного часа. Так что клятвopеступник он и есть. — Я устало махнула рукой. — А твой отец пытался тебя от произвола защитить, потому на договоре и настоял. Потому что брачные законы везде чтут. Хочешь, с утра в приказ пойдем — управу на твоего мужа отыщем?

— Ты спасти, что ли, меня хочешь? Пожалеть сирую да убогую? — позабыв про слезы, вскочила рутенка. — Не нужна мне твоя жалость! Тебе все всегда просто так доставалось — никогда себя не ломала. Глянешь глазищами, улыбнешься, и все тебе на блюдечке подносят. Ну конечно, кто против Яги пойти-то решится? Умница-разумница, вишь, выискалась! Красота несказанная! Бабка как тебе рожу-то ни замазывала — все одно все парни по тебе вздыхали. А за что это тебе? За что?

Из всего словесного потока я вычленила лишь слова «бабка твоя». И именно эти два словечка перекатывались в моих мыслях на манер шерстяного клубка, наполняя сердце теплом. А Стеша меж тем не умолкала:

— Ну теперь-то мы на равных. Щура тебя в оборот крепко взяла. И на Фейна особо не рассчитывай — он мой. Тебя-то он попользует и бросит, а со мной у него серьезно.

— То есть ты знаешь, что твой сожитель собирается над другой девицей поругание учинить, и в этом ему препятствовать не будешь? — недоверчиво переспросила я.

— А чего уж, дело молодое. Мужик погулять завсегда может, потому как кобель по натуре. Только он потом ко мне вернется, а тебя дальше передаст. Вон, к примеру, Жох давно без бабы.

Меня аж замутило от открывающихся перспектив.

— Это тебе атаман обещал?

— Выше бери! — На многозначительно поднятом персте Стеши блеснул перстенок. — Щура сказывала. Так что... Вернется...

Вот только уверенности в словах рутенки не было ни на грош. Боялась она — и ведьму старую, и полюбовника своего, и того, как дальше дело обернется. И этот ужас, проглядывающий за бравадой, вызывал во мне какую-то брезгливую жалость.

И разговаривать с ней мне не хотелось, и глаза бы мои на нее не смотрели. Поэтому когда наконец-то вернулся атаман, я встретила его чуть не с распростертыми объятиями.

— Заставил твой пацан за ним побегать, — устало проговорил Фейн, присаживаясь на постель и вытянув вперед ногу.

Смысл этого маневра стал мне понятен только после того, как Стеша опустилась на колени и стала стаскивать с атамана сапоги. Ага, то-то она меня на такой же героизм, только по отношению к себе, сподвигнуть собиралась. Видно у них, разбойников, принято так — с кого обувь снимают, тот и главный.

— Где он? — спросила я, с преувеличенной покорностью склонив голову.

— Щура над ним колдует, — равнодушно ответил Фейн, откидываясь на постели.

— С мальчиком все в порядке? — повисли в воздухе мои осторожные слова.

Стеша выпрямилась, прижимая к груди сапоги атамана, и залебезила:

— А я вот постельку перестелила, сокол мой ясный, чтоб тебе почивалось сладко. Может, принести чего? Винца подогретого или взвару? Так вон новенькая вмиг метнется — тебя порадовать.

«Угу! Просто вот стою и мечтаю», — подумала я, не двинувшись с места.

Атаман задумчиво смотрел в потолок:

— Ты, рыжуха, давай сама на кухню сгоняй, принеси нам с твоей подружкой чего выпить, закусить. Беседа у нас с ней долгая намечается.

Меня кинуло в жар, и вовсе не от гневного взгляда товарки.

— Вечно не могу запомнить, как этих девок зовут, — доверительно сообщил мне атаман, когда за Стешей закрылась дверь. — А как тебя величать?

— Все равно же забудешь. Буду у тебя «чернушкой» или «подь сюды», или...

Фейн весело заржал:

— Тебя-то, кареглазая, помнить буду.

Он протянул ладонь для рукопожатия.

— Лу... Ленута, — доверчиво поздоровалась я.

Его длинные смуглые пальцы плотно обхватили мою кисть. Резкий рывок. Я, потеряв равновесие, упала вперед, и он, перевернувшись, подмял меня, сжав коленями мои бедра.

Пахло от него неожиданно приятно — терпкой полынью, солью и разгоряченным телом. Я глубоко вздохнула.

— Времени у нас немного, — поделился атаман, деловито распутывая завязки моей рубахи. — Еще и поговорить серьезно надо. Ты когда беседовать предпочитаешь? До или после?

Я широко улыбнулась:

— Вместо!

Хорошо ответила, прочувствованно. Одновременно на выдохе заехав ему коленом в пах.

Дарина меня всегда предупреждала, что, несмотря на расхожее мнение, этот удар вовсе не панацея от мужских домогательств. Он скорее что-то вроде признания собственного бессилия. Потому что мужики такого не прощают. По уму сейчас надо было убежать со всех ног, в призрачной надежде, что соперник не перекинется в считанные мгновения и не вцепится тебе в горло. Да где уж тут, ёжик кот?! От ведьминой клятвы не сильно побегаешь.

Фейн выпучил глаза и сказал:

— Аарх!

От прямого удара в челюсть я увернулась чудом, вытянув шею на манер заморского животного камелопарда. Оттолкнувшись пятками от кровати рамы, я смогла выскочить из-под распластанного тела атамана. У того начиналась боевая трансформация — заострились черты лица, съеживались ладони, выпуская наружу когти. Перебивая вонь дурман-травы, по горнице поплыл резкий звериный запах. Я бестолково металась, пытаюсь отыскать хоть какое-то оружие. Подсвечник куда-то закатился, когда я утешала Стешу, а ничего столь же увесистого мне на глаза не попадалось. «Нож! — ярким всполохом мелькнула мысль. — У меня же нож за голенищем!» Раздумывать дальше времени не было. Я выхватила оружие и ринулась к кровати. Фейн оскалился, готовясь к прыжку, но я успела первой — подскочила к изножью и вонзила лезвие в ближайший кровати столбик. По самую рукоять. Атаман исторг пронзительный вой и рухнул на постель.

— Что ты сделала, сука?

— Спокойно, спокойно... — Я осторожно пятилась от места побоища, не забывая демонстрировать сопернику пустые ладони. — Я тебя в человеческой ипостаси заперла, пока ты еще обратиться не успел. Теперь не перекинешься, пока клинок в дереве будет.

Темные глаза Фейна проследили направление моего жеста.

— Не трогай, — тихонько попросила я. — Подожди немного. Я же никуда не денусь. Наказать меня всегда успеешь.

Атаман уже вернулся в человеческое состояние.

— Ты что творишь, безумица? — спросил зло, но без огонька, видно, буря осталась позади. — Мужской силы меня лишит удумала?

— Я тебе жизнь спасла, — тоненько ответила я и громко, от души разревелась. — Как тебя еще было остановить?

Фейн скривился на мои слезы, спокойно встал и приблизился к ножу. Я не препятствовала. Освободив лезвие, вовкудлак провел по нему пальцем, проверяя качество заточки, восхищенно прищелкнул языком и спрятал оружие в свои поясные ножны. Все, кажись, я очередного имущества лишилась. Ну ничего, эту-то потерю я как-нибудь переживу.

— Чего ты там про спасение жизни вякала? — почти миролюбиво спросил разбойник. — Когда это ты мне ее спасла?

Я как по команде перестала плакать и серьезно взглянула на него:

— Я же стихийница. Щура тебе о том сказывала?

— Ну был разговор. А какое дело...

— А такое, — перебила я. — Неинициированный маг воздуха — это тебе не молодка деревенская. Твоя тетка меня ведьминой клятвой подчинила, да только силу запереть не смогла. Мне самой приходится ее сдерживать. Понимаешь? Если я магию применю — помру в одночасье.

— И что?

— А то, что, если ты меня насильничать удумаешь, мой контроль рухнет и вся эта сила направится на тебя. Я-то, конечно, тоже не выдержу, но вот ты...

— А что я?

Нет, все-таки как сложно с эдаким простачком ученые разговоры вести. Я пару мгновений подумала, подбирая сравнение поярче.

— Вот ты в детстве лягушек через соломинку надувал?

Неожиданный вопрос атаману даже понравился. Он почесал в затылке и кивнул:

— Была у нас такая забава молодецкая! Веселая — страсть! Там еще выигрывал тот, у кого зверушка раньше лопалась.

Ну про веселье подобных извратов я могла бы и поспорить, только при других обстоятельствах. Поэтому просто пояснила:

— Вот и получился бы ты, друг ситный, на манер этой лягухи. Зашли бы твои соратники в эту горницу поутру, а тут я — вся такая мертвая и красивая в кучке кровавых тряпочек, которые были когда-то тобой.

Видно, мое сравнение пробрало разбойника до самых печенок. Он даже с лица как-то спал.

— А Щура про это знала?

— Ну она старуха ушлая, так что...

По всему выходило, что мне удалось пробить знатную брешь в отношениях внутри шайки. Фейн усиленно хмурил лоб, выражая тяжкую работу мысли. Я не встревала, чтоб к решению он пришел сам. Наконец атаман расслабился и взглянул на меня, казалось,

его огромные зрачки пульсируют в такт биения моего сердца:

— А ты не проста, красавица.

Мне опять захотелось почесаться, я передернула плечами:

— Уж какая есть...

— Подойди, не бойся.

Разбойник выглядел неопасным, поэтому я послушно уселась рядом с ним на постель.

— О чем ты хотел со мной поговорить?

— Тебе этот волчонок родня?

Я думала недолго:

— Нет, просто случайный приятель.

— Вызволить его хочешь? — Длинные пальцы атамана поглаживали мою ладонь.

Ощущения были непривычными и скорее приятными. Я прикрыла глаза, погружаясь в сладкую истому. Да что ж это со мной творится, ёжкин кот? Неужели старуха была права и я в прошлой жизни в любовных делах задних не пасла? Да нет, быть того не может.

— Я тебе помогу.

— Что?! — Я выдернула руку. — Ты отпустишь мальчика? И какой тебе в том интерес?

Три вопроса кряду, и ни на один ответа так и не получила. Притихшая Стеша внесла в горницу обещанное угощение. На подносе стоял бокал темного стекла, доверху наполненный густым вином.

— Эх, с коричкой, с гвоздичкой, с лимонной корочкой, отведаем, что ли-с? — пробормотала она, подавая разбойнику напиток.

Я терпеливо ждала, пока атаман снимет пробу. Он не торопился, отпивая маленькими глотками, прикрывал от удовольствия глаза. Наконец бокал опустел, Стеша, не мешкая, подала льняную тряпицу — промокнуть уста.

— А ты иди, кареглазая, — кивнул мне Фейн равнодушно. — Щура тебе покажет, где переночевать можно. Утро вечера мудренее, завтра поговорим.

— И скажи там, чтоб не беспокоили! — взвизгнула рутенка. — Господину отдых требуется.

Я не умела читать мысли, но, пока шла к двери, в моей голове звучал довольный голосок Стеши: «Я же тебе говорила — он со мной останется...»

ГЛАВА 5

О разбойничьей доле, неволе и разделенных снах

Шла баба из заморья, несла кузов здоровья;

Тому-сему кусочек, тебе весь кузовочек.

Чего бы там ни плели люди о вовкудлаках, перекидываться лишний раз они не любят. Одно дело, когда сребролика Тзевана является навестить своих подданных при свете полной луны. Тогда да, против зова богини не попрешь. Тогда хор волчьих песен разносится над долиной и обычным людям приходится запираť двери и окна, чтоб ненароком чего не вышло. Любым приезжим перво-наперво про эти предосторожности толкуют. Потому что всяко бывало. И разоренные курятники, и подранные овцы, и напуганные жители. Потому что крупный хищный зверь — это страшно, и пока ты поймешь, что это не пришлый волк-людоед, а дядька Дрофнутый, который через два дома от тебя живет, только слегка в другой ипостаси, портки уже придется менять. А в обычной жизни вовкудлака от человека и не отличишь сразу, разве что прямого взгляда не любят, так и я, к примеру, гляделки не очень жалую.

Я моргнула минуте на третьей. Человек-гора захохотал:

— То-то же, Ленута!

— Ты мухлевал, — не желала я сдаваться. — Жестами неприличными меня смущал.

— Правилами не запрещено! — поддержал Жох наш арбитр, встрепанный одноглазый мужичок по имени Букашко. — Проиграла, так исполняй!

Я, кряхтя, залезла на стол:

— Чего петь-то?

— Грустную, про бабью долю, — широко улыбаясь, велел Жох. — Да так, чтоб слезу выжимало.

Разбойники поддержали победителя нестройным гомоном. Я тоненьким голоском начала выводить первый куплет. Мои вокальные экзерсисы вызвали оживление в честной компании. По кругу пошел очередной жбан зелена вина. Ну не умею я петь, вот не дали боги таланту. Вроде и слышу все правильно, и голос сильный да звонкий. Да только вот как заведу какую песню, мухи в полете дохнут. А лиходеям хоть бы хны, ржут как кони да добавки требуют.

Я обреталась в злодейском логове почти седмицу, каждый день начиная с поисков плененного Томаша, донимая осторожными расспросами окружающих и поднимая тучи пыли в самых потаенных закутках. Фейн со мной больше не заговаривал. Он уходил рано утром по таинственным воровским делам, возвращался ночью, чтоб сразу же завалиться спать в своей захлавленной горнице. Стеша высокомерно хмурилась издали, не устаивая меня беседой. И только старая Щура приставала с мелкими хозяйственными поручениями, не забывая каждое из них сдобрить страшной угрозой и проследить, чтоб я не покидала территории разбойничьей слободки. И я послушно все исполняла: колола растопочную щепу, чистила котлы, стирала какие-то тряпки, до крови обдирая костяшки пальцев, а вечером, сидя в уголке общей залы, калечила глаза и руки над штопкой. Однажды ко мне, тасуя засаленную колоду, подошел Жох:

— Ну чего, мелкая, в картишки со мной сыграешь?

— Не интересуюсь, — твердо ответила я, еще ниже склоняясь над рукоделем.

— Чего так?

Я пожала плечами:

— Зарок, запрет, обещание. Не знаю я, только точно уверена, что азартные игры не для меня.

— Скучно, — присел рядом на лавку человек-гора. — Ребята все на деле, а мне заняться нечем. Придумай какую-нибудь забаву. Ты ж смышленная.

Вот так в моей жизни и появились эти треклятые «гляделки» — не на деньги, на интерес. Новое развлечение всем по нраву пришлось, разбойники веселились, как дети малые. Хитрый Жох быстренько организовал прием ставок на победителей, сам сел на обшак, и понеслось. Я в этих игрищах задних не пасла — дело нехитрое, особенно супротив вовкудлаков. Для них прямой взгляд — это вызов, поэтому минута-две, и перевертыш начинает боевую трансформацию. Тут главное заметить, когда его зрачки из круглых становятся узкими, звериными, в этот момент соперник и моргает, оставляя победу за мной. Вот только Жох оказался тертым калачом, ни разу мне не удавалось его переглядеть. Хорошо хоть, уважая мою причуду, денег с меня не требовали, зато и песен, и плясок исполнить пришлось приездно.

— Там, в краю-у-у далеком, есть у меня жена-а-а-а, — закончила я выступление невыносимо писклявой руладой и, поклонившись рукоплещущим зрителям, спрыгнула со стола.

— На отмщение играем? — поинтересовался разбойник, разбирая дневную выручку.

— Обойдусь, — махнула я рукой. — Деньги помочь пересчитать?

— Давай! — обрадовался человек-гора, в чьи многочисленные таланты арифметика не входила. — И еще в книгу итог внеси, уж больно красиво циферки выводись.

— Хорошо, — присела я рядом, убирая за ухо выбившуюся прядку. — Только вели там кому-нибудь дров наколоть, а то Щура с меня три шкуры спустит.

Пока я раскладывала монетки аккуратными столбиками и очиняла новое перо, Жох тумачами отдавал необходимые распоряжения. Наконец отряд из трех добровольцев, украшенных свежими лиловыми синяками, отправился на задание. Не удостоенные великой чести остальные разбойники проводили их здравицей и дружным гомоном. В раскрытую дверь ворвался порыв холодного влажного воздуха — на дворе бушевала гроза.

— И чтоб все в дальнем углу сложили, поленце к поленцу! — перекрикивая раскаты грома, напутствовал товарищей человек-гора.

— Ленута? Лутоня? Лутоня-а-а...

Ветер щекотнул меня за ухом, пробежался по шее и, казалось, устроился отдохнуть в волосах. Я напряглась, с одной стороны, боясь спугнуть стихийного приятеля, а с другой — ожидая немедленной расплаты за непослушание. Нарушила я ведьмину клятву или нет? Я же его не звала, сам явился. Так что с меня взятки гладки. И не болит вроде ничего...

— Слуш-ш-шай...

А что мне еще оставалось? С мухобойкой за ним гоняться? Я раскрыла громадную амбарную книгу, делая вид, что сверяю какие-то расчеты, и навестила ушки.

Говорили двое и говорили обо мне. Кажется, ветер прилетает ко мне посплетничать, когда слышит мое имя, любое из моих имен. До меня донесся звук барабанищего по крыше дождя, видимо, собеседники расположились под навесом, вдали от любопытствующих.

— Ты мне обещала, что к веселым девкам Лутоню отправишь, телом торговать, а сама... — Плаксивый голосок Стеши был полон праведного возмущения.

— Фейн для себя ее сберечь требует, — скрипела в ответ Щура. — Подождать еще надо.

— Сколько можно?! — взвизгнула рутенка. — Он после того раза сам не свой, только о чернавке этой разговоры со мной ведет. Про детство ее спрашивает да как мы в Мохнатовке подругами были.

— Потерпи, красавица, — увещевала ведьма. — Придет и наш черед.

— Сил нет терпеть! Она же, змеюка, как у себя дома расположилась — живет и в ус не дует. С мужиками дружбу завела. Я тут подговорила двоих разобраться с ней, чтоб снасильничали, денег даже дала. Так Жох про то прознал — еле отбрехалась. Вишь, охраняет он поганку эту по атаманову велению.

— Надоест она ему скоро, не сегодня-завтра...

— Сегодня хочу, сей же час, чтоб глаза мои ее больше не видели! — орала Стеша. — Это ты, ты виновата, ведьма старая! Я тебе говорила, приколем девку в каком закутке при рыночной площади, и всех делов, а ты вона что удумала. Иди да поговори, да разузнай, точно ли она ничего не помнит. Расплаты тебе захотелось, за сына убиенного отмстить? Так почему я за нее страдать должна? Давай! Исполни, что обещала, а не то...

— Ты мне угрожать вздумала? Ты? Мне?!

Рутенка осеклась, будто на бегу наткнулась на какое-то препятствие.

— Щура, миленькая, я же все что угодно для тебя сделаю, — заюлила, залебезила перед старухой. — Я же послушная и сметливая и первая помощница тебе во всем. Немногого прошу...

Собеседницы замолчали, несколько минут до моего слуха доносился только мерный стук дождя.

— На вот, — наконец проговорила старуха. — Знаешь, что делать.

Звякнуло стекло, Стеша зашептала слова благодарности.

— Надо, чтоб одновременно выпили, — продолжала Щура. — Маленький пузырек для него, большой для нее. Вечером сделай так, чтоб Фейн ее к себе вызвал, и действуй.

— А как же я это устрою? — растерялась рутенка. — Он сам выбирает, кого звать.

— Ну предложи ему втроем покуролесить, — зло хохотнула ведьма. — Тебе не привыкать.

Бах! Хлопнули двери. Вернулся мокрый до нитки Букашко. Я вздрогнула, будто пробуждаясь ото сна. Ветер, шикнув напоследок, юркнул в замочную скважину.

Я уронила лицо в раскрытые ладони. Что же мне делать? Как разобраться со всеми напастями? Мало мне ведьминой клятвы, тут еще и ревность неуместная и грозящее отравление. А все почему? Дарина бы сказала, что я в какой-то момент слабость допустила, поплыла по течению, вместо того чтоб бороться до крови. Стоп! А ведь совсем неладно получается. С чего это Щура вдруг решила со свету меня сжить? Ей выгоды в том нет. Стешу порадовать? Да плевала она на рыжую молодку с высокой горы. Старуха разработала хитрый план моего пленения, закабалила, заставила при разбойниках жить — и все затем, чтоб отравить втихую?

— Ленута, — осторожно тронул меня за плечо Жох. — Не идет работа? Может, того — разогнать ребятушек, чтоб гомоном не отвлекали?

— Не надо. — Я подняла голову. — Пусть веселятся. У меня концы с концами не сходятся, но я обязательно во всем разберусь...

Выручку я пересчитала за пару минут, указала разбойнику на новую запись в книге и уже было подумывала отправиться на боковую, в пыльную коморку под лестницей, куда меня определила хозяйка.

— Ты с подругой своей поосторожней будь, — неожиданно бормотнул Жох, склонившись ко мне. — Подлая она девка, двуличная.

— Я знаю, но все равно — спасибо.

Человек-гора казался чем-то обескураженным, и я решила воспользоваться случаем.

— Ты меня опекаешь, потому что Фейн так велел?

— И это тоже, — согласился разбойник. — Только если б ты была навроде своей товарки

дебелой, я бы и пальцем не пошевелил.

— И чем же я ее превосхожу? — недоверчиво подняла я брови.

— Да по всему видно, что ты случайно в передрагу угодила, не место тебе среди нас.

— А она-то, что ли, по своей воле с Фейном связалась? Ее же муж вам за долги продал. Она мне все рассказала.

— Ты еще мелкая совсем! — Жох нежно щелкнул меня по носу. — Вырастешь — поймешь, чем гулящая баба от достойной отличается.

— Лучше сейчас объясни, — нахмурилась я, вдруг вспомнив, что до светлого мига познания могу и не дожить.

Разбойник ответил мне лукавым взглядом и стал сыпать деньги в кожаный кошель. Вошла Стеша, кутаясь в цветастую шаль, кивнула мне нарочито равнодушно и скрылась во внутреннем коридоре.

— Пошли, — махнул рукой человек-гора. — Дело для тебя есть.

Я вскочила:

— А хозяйка-то отпустит?

— Вот мы ее сейчас и спросим, — направился к двери Жох.

Дождь закончился, на дворе стояла какая-то осенняя хмарь. Щуру мы нашли у дальнего амбара.

— Куда это ты собралась? — зло бросила она.

Темные глаза разбойника полыхнули огнем.

— Девчонка пойдет со мной. Накинь на нее какой-нибудь морок, чтоб не признал никто.

Ведьма поджала губы, Жох твердо встретил ее взгляд. Щура не выдержала первой. Я ощутила, как на меня опускается липкий сумеречный полог.

— До полуночи чтоб вернулась, дольше волшба держаться не будет.

— Успеем, — кивнул человек-гора и, приобняв меня за плечи, увлек прочь.

— И кого я изображаю? — послушно семенила я к выходу со двора.

— Девку продажную, — усмехнулся Жох. — Кто еще с таким мужиком, как я, по городу шататься будет?

Признав разумность такой маскировки, я попыталась придать своей походке некую величавость и плавную чувственность, запнулась о первую же неровность и упала, больно ушибив коленку.

— Ты страшная и потасканная, — пояснил разбойник, вытаскивая меня за шкурку из грязи. — Можешь как угодно ходить, все равно все решат, что ты под хмельком.

— А на какое дело собираемся? — плюнув на лицедейство, припустила я за Жохом, приподняв воображаемый подол. — Я тебе зачем понадобилась?

— Там поймешь.

Мы шли вдоль реки, оставляя позади воровскую слободку. Разруха и запустение как по волшебству сменились аккуратными бревенчатыми домиками с частоколами и нарядными занавесками в чистых окнах. Даже запах стоячей воды, который преследовал меня все эти дни, перестал забивать ноздри. Немногочисленные прохожие не обращали на нас ровно никакого внимания. Мы углубились в жилой квартал и, миновав два или три перекрестья, оказались перед высоким дощатым забором. Жох уверенно постучал в калитку, украшенную по периметру орнаментом из листьев клевера. Щелкнул засов,

выскакивая из пазов, и разбойник первым вошел внутрь. Квадратный дворик, посыпанный желтоватым речным песком, мощеная дорожка, крыльцо с резными балясинами. Нас никто не встречал. С опозданием я догадалась, что калитка открывалась изнутри хозяйственным заклинанием.

Разбойник толкнул незапертую дверь:

— Заходи, гостьей будешь.

Я послушно юркнула в дом и будто переступила невидимую границу, отделяющую две реальности. Зал был огромен. Эхо моих шагов, отлетая от мраморного пола, уносилось вдаль — туда, где ждала меня неподвижная, закутанная в черный вещунский плащ фигура. Я испуганно обернулась к провожатому:

— Ты куда меня привел?

Жоха рядом не оказалось, впрочем, как и двери, через которую я только что вошла.

— Он не может ответить, — раздался змеиный шепот. — Ему запрещено сюда являться.

Пока я вертелась волчком, пытаюсь высмотреть хоть какой-то путь к отступлению, вещун неотвратно приближался. Или это я, влекомая темной силой чужой волшбы, притягивалась к нему?

— Ну вот мы и встретились, девочка.

И тут я узнала этот голос, как наяву ощутив легкий аромат мускуса и почувствовав ветер на коже. Трисветлый! Именно его беседу с Хумэнь я невольно подслушала в лесу пару дней назад.

— Ой, спасибочки на добром слове, красивый господин, — удачно вспомнила я о своем мороке. — Меня почитай с десятков годков никто девочкой не называл. Да я для тебя теперь что хошь сделаю.

Из-под серебряной маски раздался смешок:

— Меня не может обмануть наскоро сделанная личина. Идем!

Он ухватил меня за руку, и я почувствовала, что выскользываю из морока, как змея из прошлогодней кожи. На мраморном полу зала осталась стоять рябая потасканная баба в штопаном сарафане. Баба бестолково пучила глаза и поводила кривым носом. Вот ведь страшилище из меня Щура сделала!

— Если захочешь, сможешь потом обратно ее надеть, — успокоил меня Трисветлый.

Декорации опять изменились. Теперь мы оказались в лесу, на поляне, окруженной цепочкой стройных невысоких сосенок. Пахло смолой и хвоей, невдалеке слышался плеск воды.

— Это система порталов? — не смогла сдержать я любопытства.

— Нет, — с сожалением ответил вещун, снимая маску и откидывая капюшон, на шелк плаща упала грива молочно-белых волос. — Будем считать, что мы делим с тобой один сон на двоих.

Пока я лихорадочно припоминала все, что читала или слышала про такую магию, фиалковые глаза придирчиво меня осматривали.

— Ты очень изменилась...

Вот что у нас за княжество, ёжкин кот? Куда ни плюнь, какой-нибудь колдун обязательно меня знает!

— Так это вас я должна благодарить за потерю памяти? — на всякий случай решила уточнить я.

— Можешь меня поблагодарить за ее возвращение. Сейчас.

— Что сейчас? — растерянно залепетала я. — Вы меня вылечите или...

Потемнело, запахло грозой, влажные клочья тумана стали окутывать верхушки сосен.

— Благодарю сейчас, потом просто не будет времени. — Он крепко взял меня за плечи, приблизил лицо.

— Спасибо... — успела проговорить я до того, как его губы встретились с моими.

Я охнула, дернула головой и ответила на поцелуй. Внутри меня набирал силу огненный вихрь, грозя вырваться наружу хриплым стоном. Я чувствовала его ледяные пальцы сквозь тонкую ткань рубахи, морозное дыхание у своего рта и соленую влагу там, где мой жар встречался с его холодом. Наконец он отстранился, будто прислушиваясь к себе, и с полуулыбкой произнес:

— Ветреница...

— Злыдень!

Вещун перехватил мою занесенную для пощечины руку:

— Твоя благодарность принята. Пора приступать к делу, время не ждет.

Теперь его неподвижное лицо ничего не выражало, я подавилась уже приготовленными ругательствами.

— Только один вопрос! — заорала я, перекрикивая вдруг разбушевавшуюся стихию. — Как ты это сделаешь?

Он посмотрел сквозь меня и достал из рукава колоду карт:

— Потому что минус на минус дает плюс. Тасуй!

Я подчинилась. В подушечки пальцев будто вонзились мириады ледяных иголок, когда я попыталась сдвинуть верхнюю часть колоды. Холодное синеватое свечение ослепило глаза. Высшие арканы принялись за работу. И в одной руке у меня оказался жезл, в другой меч, а потом — монеты и кубки. И я была колдуном и безумцем, и правила миром, и ходила по белу свету с косой за плечами. И голова моя скатывалась с плахи. И испытывала я любовь и страсть, и попадала под колеса судьбы. Но одновременно стояла под проливным дождем на крохотной лесной полянке, и мои пальцы скоро перебирали прямоугольные картинки волшебных вещунских карт. Маг, шут, жрица, император, императрица — как в забытой детской считалке:

Белка прыгала-скакала И на ветку не попала. А попала в царский дом, Где сидели за столом: Царь, царевич, Король, королевич, Сапожник, портной. Кто ты будешь такой? Выбирай поскорей, Не задерживай добрых И мудрых людей!

— Добро пожаловать в себя, донья Лутеция. — Мягкий баритон вывел меня из транса.

Мы опять очутились в огромном зале. Личина кривонозой бабы все так же стояла столбом на мраморном полу. В голове моей стало тесно, будто новые и старые воспоминания знакомились и притирались друг к другу, и боевая Ленута с недоверием принюхивалась к простушке Лутоне.

— Я все вспомнила, господин Ив, — протянула я вещуну его артефакт. — Теперь вы, видимо, захотите получить от меня заклинание для активации боевых големов?

— Тебе позволено называть меня Ганиэль. — Вещун спрятал колоду. — А заклинания... Понимаешь ли, жизнь не стоит на месте. После того как доксы решились выползти из-за великой стены и предложить свои услуги всем желающим, способным выложить за это кругленькую сумму, а особенно после того, как валашский господарь выкрал у демонов технологию производства магических бомб, твои знания, дитя мое, потеряли актуальность.

У меня перехватило дыхание.

— Тогда зачем вам понадобилось возвращать мне память?

— Трудно управлять существом, которому нечего терять, — серьезно ответил Ив.

— Вы хотите управлять мной?

— Нет, мое милое дитя, меня интересует твой венценосный жених.

Я вспыхнула. Срок магического договора, который в незапамятные времена заключила с Драконом моя бабушка, истекал осенью. Тогда все произошло как в старинной легенде: женщина из племени Ягг покорилась Кашею, пообещав отдать ему самое дорогое. И когда-то, в прошлой жизни, наивная девчонка Лутоня собиралась натянуть всем нос, сбежав от расплаты на чудесный остров — в далекую Элорию.

— У меня нет власти над князем Владом.

Это было жалкое оправдание.

— Тогда завоюй ее, ветреница. Приручи Дракона.

— Я не могу. Вы же понимаете, что я не могу?

— Мы скрепили нашу дружбу поцелуем, дитя, можешь обращаться ко мне на «ты».

Я поднесла руку ко рту...

Жох миновал украшенную листьями клевера калитку и бросил через плечо:

— Чего ты там копаешься, Ленута? Эдак мы до полуночи обернуться не успеем.

— Разве нам не сюда? — В два прыжка я нагнала разбойника и указала на приметную калитку.

— С чего бы это? — недоуменно спросил Жох. — Атаман нас в трактире у рыночной площади дожидается.

Я потянула носом, ветер услужливо донес до меня запах полыни. Фейн был неподалеку, а я... Я была наконец-то собой.

— Стой! — рявкнула я провожатому. — Сначала в этот дом зайти надо.

И, не дожидаясь его решения, толкнула калитку. Щелкнул засов, я устремилась внутрь.

— Накличешь беду на наши головы, — пробормотал растерянный Жох, но пошел следом.

Знакомый дворик, желтый песок, дощатое крылечко. Все как во сне, разделенном на двоих с Трисветлым Ивом. Я вбежала по ступенькам и постучала. Ответа не последовало, я решительно вошла в дом. Никакого мраморного зала там не оказалось, а была чистенькая, нарядно обставленная горница. На добела выскобленном столе стоял небольшой сундучок. Вот так вот в этом мире все пропажи и находятся. Подняв крышку, я убедилась, что все мое имущество на месте — и тетрадки, и серебряное блюдо для вызова демонов Тонкого мира, и витой рог индры-зверя, за которым ходила я в Заповедную пущу, и гребень, с помощью которого великий колдун Влад лишил меня памяти. Как там говорил главный рутенский вещун, которого мне теперь панибратски дозволено называть Ганиэль? Минус на минус дает плюс? Значит, если когда-нибудь мне предложат пасьянс из магических карт разложить, надо будет сразу после этого причесаться. В обратную-то сторону оно тоже должно срабатывать? На дне сундучка обнаружился лиловатый бумажный прямоугольник. Я схватила письмо:

— День сегодня какой?

Жох, все это время беспокойно топтавшийся на одном месте, пожевал губами в растерянности:

— Пасмурный.

— А число?

— Аккурат через два денька середина травенья будет, стал быть сегодня — драконья

дюжина.

Все правильно, тринадцатый день последней весенней луны.

— И все равно спасибо, Ганиэль, — шепнула я, еще раз пробежав глазами одну-единственную строчку.

— Чего это там накорябано? — Шепот разбойника был полон благоговейного ужаса. — Предсказание какое?

— Пожелание, — усмехнулась я. — Мне сегодня исполнилось восемнадцать лет.

— И чего теперь?

— Безобразничать буду, — честно ответила я. — А также куролесить, шалить и бесчинствовать. Пошли, человек-гора.

— Куда?

— В трактир. Самое место, чтоб отметить.

Я рубанула по воздуху ребром ладони, заранее отмечая все возражения, одновременно сбрасывая морок, сотканный Щурой. Теперь я ни капельки не боялась ни ее злобы, ни мести, ни ведьминой клятвы, которую она принудила заключить. И самое главное, меня оставило гложущее чувство вины — не было на моих руках невинной крови.

Несмотря на близость полудня, свет, пробивающийся сквозь витражное стекло в спальню романского князя, был слабым и рассеянным. Влад с каким-то мальчишеским удивлением смотрел на истонченные болезнью черты отца, на запавшие щеки, обветренный рот, седые пряди волос, прилипшие ко лбу. Князь тяжело и хрипло дышал.

— Наконец-то ты пришел...

— Ваша птица доставила мне сообщение в разгар пира, я сразу же отправился в цитадель через наведенный портал.

— Я испортил твой праздник.

— Вряд ли в Араде кто-то заметит мое недолгое отсутствие. Что вы хотели сообщить мне, отец?

— Я умираю.

Влад равнодушно отвел взгляд:

— Никто из нас не вечен.

— Отважный ледяной воин, — прохрипел князь, криво усмехнувшись. — Без сомнений, без сожалений, без слабостей.

— Именно таким вы хотели видеть меня, отец.

— Да... Помогите мне подняться.

Сын склонился над умирающим и обхватил его за плечи. В нос ударил тяжелый запах болезни и гниения. Романский князь сел на постели, опираясь на подушку.

— Ты собираешься претендовать на романский престол?

— Не сейчас. — Влад поискал глазами, куда бы присесть и, не обнаружив стула, устроился на бортике кровати. — Я всего-навсего бастард. А вы наплодили такое количество законных наследников, что проще дать им возможность самим перегрызть друг другу глотки.

— Ждать придется долго.

— У меня много времени. Почти вечность.

Они помолчали. Воцарившуюся тишину нарушали только хриплое дыхание умирающего и далекие раскаты грома.

— Ты захватил Златый брег, — наконец рассеянно проговорил князь. — Ты нашел то, что искал?

— Отлаженная шпионская сеть перестала исполнять свои функции?

— Не ерничай перед лицом смерти.

Губы Влада сардонически изогнулись.

— Замки покорялись один за другим, и в каждом из них находилась часть искомого.

— И сколько у тебя частей?

— Почти все.

— Я дам тебе еще одну. Ты, разумеется, не покажешь мне то, что успел собрать?

— Разумеется. Я не ношу при себе столь важные артефакты. А когда я могу получить вашу часть? Мне бы не хотелось дожидаться для этого вашей кончины.

— Я отдам тебе ее прямо сейчас. — Умирающий закашлялся, изо рта на подбородок выплеснулся комок кровавой пены. — Но сначала...

— Ну разумеется, — перебил Влад отца. — Всегда есть это «но». Мне нужно было догадаться, что не в ваших обычаях делать что-либо, руководствуясь чувствами...

И тут князь заплакал, всхлипывая и широко, по-бабьи, открывая рот. Дракон почувствовал себя так, будто его ударили по голове чем-то тяжелым. В висках зазвенело от напряжения. Плачущим отца он не видел никогда.

— Я боюсь смерти! Не так, не сейчас! Я всегда делал то, к чему принуждал меня долг, чего требовали обязательства. Я прожил пустую жизнь и... и... и...

Умирающий захрипел и изогнулся дугой, у него начался припадок. Дракону показалось, что он услышал стук сердца, готового остановиться.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Князь внезапно успокоился, глядя на сына сухими глазами.

— Все-таки в тебе слишком много от человека.

Влад дернулся, как от пощечины, но твердо встретил взгляд белесых глаз.

— От вас, мой господин.

На замковой башне пробили полдень. Гулкий звук колокола будто разделил время на «до» и «после». Старческая, испещренная пигментными пятнами рука нырнула под подушку, доставая зубчатый обломок кристалла.

Влад удовлетворенно кивнул, принимая подарок и пряча его за отворот камзола.

— Благодарю! Что потребуется от меня?

— Я хочу, чтобы ты проводил меня в лучший мир, мир снов.

— Почему бы вам не попросить об этом нашего общего друга Ганиэля? Монсеньор Ив славится своими эзотерическими опытами.

— Хватит шуток. Я знаю, что колода мэтра Альмютели у тебя.

Влад поднялся и изобразил шутовской поклон:

— Снимаю все обвинения с ваших шпионов. И так как я сам только что опрометчиво пообещал исполнить ваше пожелание, предлагаю назначить время следующей встречи и попрощаться. Мне не терпится вернуться на свой праздник.

— Эта встреча последняя, сын, — устало ответил князь. — Я умру сегодня, через час после полудня.

Стало тихо. Только шепот ветра за окном да далекие раскаты грома.

Влад склонил голову:

— Я провожу вас, отец.

Когда все было кончено, Дракон забрал голубовато светящуюся колоду из мертвых рук. На застывшем лице отца читалось удовольствие, будто смерть застала его за очень приятным занятием. Влад резко позвонил в колокольчик, призывая слуг, а сам, желая остаться незамеченным, отодвинул стенную панель и нырнул в потайной ход. Он слышал истошный визг горничной, нашедшей тело, бравый топот стражи, но уверенно двигался в переплетении скрытых коридоров, туда, где вибрировала в ожидании его пентаграмма наведенного портала.

ГЛАВА 6

О слухах, переодеваниях и грамматических ошибках

За ветром в поле не угоняешься, а с бранчливой кумою не напрощаешься.

Предвкушение праздника выветрилось из меня еще до того, как мы с Жохом дошли до трактира. Ноги стали ватными, хотелось прикорнуть где-нибудь в уголке, да чтоб никто не трогал. Мой сундук, который я несла под мышкой, тарахтел при ходьбе и впивался в бок острым углом, что настроения тоже не улучшало. Я монотонно ругалась вполголоса, перечисляя, что и с кем я проделаю и в какой последовательности, как только разберусь с насущными проблемами, первой из которых было вызволение из плена незадачливого поваренка Томашика. Разбойник косился на меня время от времени, но вопросов о странностях моего поведения не задавал.

— А чего атаман не в слободке гуляет? — громко спросила я, истощив запас бранных словечек, а также фантазию в изобретении новых.

— Так там мужичье одно, — с готовностью ответил Жох, — а Фейн любит, чтобы благородному все было.

— Надо же, какой аристократ, — пробормотала я, вчитываясь в неровную вязь вывески.

Злачное место носило гордое название «Приют бастарда», и, глядя на покосившиеся заплесневевшие стены оного «приюта», хотелось пожалеть беднягу, которому пришлось искать пристанище в эдакой дыре. Усыновить, что ли, чтоб детинушка не мучился? Атаман сидел в общем трактирном зале, в окружении развеселых девиц и в самом что ни на есть радостном настроении.

— Чего так долго? — возопил он, придвигая к себе тарель, на которой дымился изрядный кус баранины. — Я заждался уже.

Жох пробормотал что-то в наше оправдание и устроился за столом, кивком предлагая мне устроиваться рядом. Я уселась на лавку и сразу же намертво к ней прилипла. Из чего можно было сделать вывод, что пиво тут подают хорошее и водой зря не разбавляют. Разбойники переговаривались вполголоса, особо ни от кого не таясь. Зал был битком набит выпивающей и закусывающей публикой. Тючок с деньгами перекочевал из рук в руки, Фейн заглянул в него, причмокнул восхищенно жирными губами и обратился ко мне:

— Ну как живется-можется, кареглазая?

— Где Томаш? — взяла я быка за рога. — Ты обещал мне помочь. Или слово атамана ничего не стоит?

Моя наглость его несколько не смутила:

— Мужик слово дал, мужик слово взял!

Влажно блеснув зубами, Фейн ухватил за талию проходящую мимо девицу и усадил себе на колени:

— Не бойсь, все с твоим пацаном в порядке будет. Вот сей же час откушаем, до места дойдем да отопрем твоего охламона.

— Он заперт? — не успокаивалась я. — Где? В погребе, в подполе, в чулане?

За эту седмицу я облазила Воронью слободку вдоль и поперек, а уж во скольких укромных подзамочных местечках я побывала, пользуясь тем, что моя великомудрая хозяйка любит швыряться в меня связкой ключей, так вообще не передать.

— Все тебе расскажи да покажи, — куражился Фейн, пощипывая девицу за мягкий бочок, отчего она заливисто хохотала. — А что мне за это будет?

Я на минуточку задумалась. Предложить разбойнику денег? У меня же неплохая кубышка под сосенкой прикопана. Глупо. На посулы он не купится, а как получит мой

клад, так и интереса мне помогать больше у него не останется. Может, сдать его, болезного, стражникам, а уж там заплочных дел мастера из него правду выбьют? Ага, а пока на смуглой спине атамана будут вензеля плетками выводить, Томашик будет страдать ни за что? Нет, пацан мне нужен сегодня, живой и здоровый. Иначе я никогда себе этого не прощу.

И тогда я решила расплатиться с атманом тем, чего у меня было в избытке, — информацией. Твердо глядя в округлившиеся глаза Фейна, я передала ему подслушанный разговор, ни словом не упомянув о помощи ветра в этом деле.

— Только сдаётся мне, что Щура тебе никакое не приворотное зелье приготовила, а траву, — закончила я свой рассказ.

— А это еще зачем? — спросил Жох, все это время внимавший моему монологу наравне с атманом.

— Ну сами подумайте, — широко развела я руками. — Старой ведьме Фейн как кость в горле — разбитной да ловкий. Помните, она еще третьего дня уговаривала всех на тракт перебираться?

Разбойники обменялись быстрыми взглядами. Звонким шлепком красotka была молниеносно ссажена с колен и отправлена в свободное плаванье. Вниманием мужиков я завладела.

— Когда моя дорожка первый раз со Щурой пересеклась, — продолжала я, выдержав для пущего эффекта многозначительную паузу, — она как раз корчму при большой дороге и держала, с родичами своими вместе. Путников одиноких заманивали, жизни и имущества лишали, ну и барыжили помаленьку. Вот, видно, она за старое взялась желает, а ты, Фейн, кочевряжишься и мешаешь ей задуманное исполнить.

— Я — птица вольная, — охрипшим голосом пояснил атман. — Рано мне еще на одном месте оседать. Мир — он большой, я еще и половины его не видел.

— Сама-то ведьма опасается руки марать, а на Стешу отравление свалить — самое то. Кто ж влюбленной бабе поверит, что не из ревности тебя извела? — продолжила я свои умозаключения. — Вот так-то, ребята...

— А тебя, значит, за компанию? — уточнил сметливый Жох, опрокидывая в себя стопочку янтарной наливки. — Чтоб сразу понятно было, кто в бабьей зависти виновен?

— Я так не думаю, — проводила я взглядом питье. — В прошлый раз у Щуры перерожденная магичка в услужении была. Скорее всего, такую же судьбу мне ваша тетка и сочинила — упырихой меня сделать задумала, переродить.

Я жестом подозвала мальчишку-полового и выхватила у него жбан с пивом. Возиться с чарками не хотелось, и я прикрыла глаза, отхлебывая пенную жидкость прямо из кувшина. По телу разливалось приятное тепло, издали донесся звон серебряных колокольчиков. Ух, вкуснотень! Неожиданно вспомнилось, как Зигфрид мне рассказывал о причудливых состязаниях среди швабских пивоваров. Осенью, когда все работы на полях уже закончены и народ ждет праздника, собираются они все вместе в заранее оговоренном месте, напяливают кожаные штаны, щедро поливают своим пивом выструганные доски и садятся сверху. Кто сильнее прилип, у того и товар лучше. Я попыталась привстать, ткань на причинном месте натянулась, я плюхнулась на место. Судя по моему бедственному положению, напиток в «Приюте бастарда» ничем швабским образцам не уступал, а может, и превосходил по клейкости и липкости.

Жох кашлянул, привлекая мое внимание. Я солидно крякнула в ответ и отставила наполовину опустевшую посуду. Фейн сидел за столом ни жив ни мертв:

— К-как переродить?

— В упыря, или, как его еще называют, вурдалака превращается стихийный маг, который пьет человеческую кровь, — любезно пояснила я, наблюдая, как зеленоватая бледность заливаает смуглое красивое лицо. — А упыри в хозяйстве очень полезные, особенно в таком, где все вокруг смертей да грабежей вертится. Твари послушные, сильные, кровожадные. Днем в подполе держишь, а как солнышко зайдет — можно на

охоту отпускать. Примерно так Щура со своими родичами упыриху и использовала.

Я, изогнувшись на манер плакучей ивы, достала из-под лавки свой сундучок, а из него кулон упокоенной магички — фиолетовый аметистовый шарик в серебряной оправе.

— Вот вам и доказательство — сфера воды, такие только сильные стихийники при себе носят, — козырнула я новоприобретенным знанием, любуясь глубоким цветом подвески.

— Значит, во втором пузырьке кровь? — не давал мне отойти от темы Жох.

— Скорее всего, — уверенно кивнула я. — Или выпарка какая, чтоб погуще было.

Чего бы я ни думала плохого о человеке-горе, но дураком он точно не был. Пару минут посидел он молча, буравя столешницу взглядом темных глаз, потом решительно поднялся:

— Ну что ж, молодежь, развлекайтесь тут без меня, в Вороньей слободке встретимся.

— Я с тобой пойду, — предприняла я очередную попытку встать на ноги. — Мне мальчика забрать надо.

— Ничего с твоим пацаном не случится, — отрезал Жох. — Пара часов дела не делает. Ночью встретитесь.

Я разочарованно кивнула, соглашаясь. За прошедшие дни с Томашиком могло произойти все что угодно, так что сейчас спешка действительно ничего не решала. И я задала вопрос, который мучил меня последнее время.

— Жох! — окликнула я громилу, тот с неохотой обернулся от двери. — Ты же не вовкудлак, правда?

Человек-гора осклабился в ответ, продемонстрировав мне неровные желтоватые зубы, и покачал головой. «То-то я тебя в гляделки ни разу не прищучила», — облегченно подумала я, разыскивая глазами свой кувшин с пивом.

Поникший было атаман опять повеселел и принялся провозглашать здравицу за здравницей, не забывая обильно закусывать и одарять вниманием всех барышень, до которых мог дотянуться.

— Ленута, землянику будешь?

— Я ее только собирать люблю.

— Ну так я по полу раскидаю, — ржал Фейн, поправляя на коленях постоянно сползающую девицу.

Пьяный Фейн мне нравился еще меньше, чем трезвый. Праздника не получалось. Лучше бы я с Жохом ушла, честное слово. Здесь я себя чувствовала не только чужой, но еще так, будто сижу по горлышко в вонючей луже. Вот бы бабушка меня выпорола, если бы прознала, по каким злачным местам ее внучка ученая валандается! Я скривилась, чтоб не заплакать.

Вокруг сидела, прохаживалась между столами, хлебала дешевое пойло уйма народа. Хитроватые купчики, обмывающие удачные сделки, наемники, бродячие сказители, конокрады, овцеводы и барыги. Так сказать, цвет арадского дна. И разговоры за столами велись самые разнообразные — о делах государственных, о вселенском обустройстве, о божественных предназначениях, — в конце концов все равно сводящиеся к деньгам да бабам.

«В Арад прибыл обоз из Романии. Княгиня Иветта со старшими сыновьями явилась поздравить пасынка с победой. Ничего так бабенка, есть где пощупать. А уж цацками увешана с ног до головы. Сказывают, даже у лошадей золотые подковы. А скovyрнуть себе хоть одну — и думать забудь. Драконья свора бабенку охраняет, вмиг на лоскутки порвут, ежели что не так».

«И налоги, говорят, опять поднимут. Господарь уже не знает, куда войной пойти, все

нейметса ему, не можетса. Женитса ему пора, чтоб жена всю дурь из головы повыбывала да заставила больше дома сидеть. Помните Сеньку Свина, уж на что вольный мужик был, а как сошелса с Мартой, прачкой со швабского подворья — дородная женщина, еста за что пощупать, — так за ум и взялся».

«Молодой боярин Димитру невесту свою сбежавшую разыскивает. Цельных сто флоринов за нее обещает. Понтретов заказал, на каждый столб повесил. Ветреница, сказывают, магичка. Девка приметная. Глазищи — во! Коса черная до пояса. А на фигуру — так себе, и ущипнуть не за что».

«На холме у западной башни Трехликий храм будут строить. Ужо слетелись вешуны, как мухи на навоз. И мужиков нанимают, аж два крейца в седмицу за работу сулят. Только пока не особо у них с работниками. Сказывают, ежели валахи и дальше отказывать будут, придется из Рутении мастеров завозить».

До момента, кого из вешунов можно пощупать на предмет дородности, я дослушать не успела. К Фейну подошел бледный невысокий человек в мышинном камзоле, обменялся с атаманом парой слов и увел того во внутренние помещения.

— Что ты творишь? — раздалса у меня над ухом вкрадчивый голос.

Ёжкин кот! Я дернулась, наконец отлипнув от лавки. «Приют бастарда» огласилса треском ткани. Трактир неожиданно стал соответствовать своему названию. Самые синие в мире глаза выражали недоумение, когда их владелец усаживалса рядом и кивал разносчику.

Влад был очень бледен и небрит. Стянутые в короткую косицу волосы открывали высокий лоб, крылья носа брезгливо подрагивали, губы кривились в невеселой усмешке. И хотя одет господарь был неброско, я бы даже сказала бедновато — в кожаную потертую куртку и такие же штаны, обслужили его молниеносно. Кувшин светлого вина и белый ноздреватый сыр стоял на нашем столе уже через минуту.

— И лавку протри, — процедил он прислужнику, отстегивая с пояса ножны. — Развели тут грязь, как в хлеву.

К моему безграничному удивлению, мебель нам не только почистили, но и заменили. Пока мальчишка с тряпкой и миской кипятка занималса скамейкой, из соседнего зала принесли два массивных табурета, по которым, кажется, только что прошелса рубанок.

— Я требую объяснений, — обратилса ко мне господарь, когда суета, вызванная его появлением, наконец-то утихла.

— Каких? — осторожно спросила я, пытаюсь совсем уж откровенно на него не пялиться.

— Например, почему вдруг всех арадских чиновников поразила неизлечимая болезнь?

— Пряма так уж всех? — недоверчиво фыркнула я. — Ни один страшной хвори кранозубия не избежал?

— Выпорю! — мечтательно сообщил мне господарь, отхлебывая из своей чарки. — Сей же час через колено перекину...

— Взятчики они все, — затарахтела я, нисколько не испугавшись грозящей экзекуции. — Я только одному меченым динаром заплатила, а денежка, стало быть, дальше по рукам пошла. И не только по рукам...

— Но я не заметил никаких следов колдовства.

Я заржала в голос:

— Так там волшбы никакой и нет, только хитрость. Мне замковый кузнец внутри монеты незаметную выемку сделал, я туда и сыпанула пурпурного порошка, им как раз на рынке заезжий купец приторговывал. Обещал, что краситель сильный — ничем не отмыть, не отодрать. А с золотом всегда одна и та же история — владелец первым делом на зуб пробует!

— Понятно, — протянул Дракон, не разделяя моего веселья. — А в труппы тебя чего понесло? Развлечений на радостях захотелось?

— Михай Димитру в курсе, что за свою сбежавшую невесту сто флоринов отвалить должен? — задала я встречный вопрос. — Или ему об этом забыли сообщить?

Господарь одарил меня злобным взглядом, я ответила таким же. Казалось, пространство между нами начинает искрить.

— Ленута!

— Меня зовут Лутона, — четко проговорила я, с удовольствием наблюдая его смущение. — И теперь я знаю, кого должна благодарить за потерю памяти.

Дракон схватил меня за плечи, резко развернув к себе, приблизил лицо:

— Кто?..

— Трисветлый Ив, — ответила я, преодолевая неожиданно навалившуюся слабость. — Он каким-то образом разделил со мной сон...

— Отвали от нее, мужик, это моя девка! — орал Фейн, несясь через зал со шваброй наперевес.

Мальчишка-поломой, в одночасье лишенный орудия труда, трусил следом. Влад резко вскочил, прикрывая меня спиной. Завизжали девки, оживились мужики в предвкушении драки, испуганный трактирщик, вынырнув, казалось, ниоткуда, пытался спрятать за необъятным пузом самые ценные бутылки.

— На мне ведьмина клятва! — в отчаянии всхлипнула я.

Дракон услышал.

— Спокойно, вояка! — встретил он разозленного атамана поднятыми руками. — Я не знал, что она твоя, разойдемся по-хорошему.

Фейн остыл на удивление быстро. Широко улыбнулся мне, прищелкнув языком, отбросил швабру, выпил с Владом за знакомство, на посошок, сразу же «на коня» и «стременную». Для чего были все эти прощальные церемонии, я не очень-то понимала. Влад сидел за столом с таким видом, будто уходит куда не собирался, а, наоборот, всю ночь планировал провести за столом с пьяненьким хозяином Вороньей слободки, испуганной мной и постоянно сменяющими пост на коленях атамана развеселыми девицами. То одна, то другая жрица любви подбивала клинья к господарю, призывно ему улыбаясь, подливая в чарку вино и оголяя свои обильные прелести чуть не до пупа. На острых скулах Дракона играл румянец, но держался он твердо, не в пример Фейну, который уже мало что соображал.

— Говоришь, мил человек, работу в Араде ищешь? — спросил заплетающимся языком Фейн.

— Да, — кивнул господарь. — На Златом бреге воевал, а теперь вот ищу, где подзаработать.

— А чего, воинских трофеев на жизнь не хватает?

— Так нет их, трофеев, — простовато отвечал Влад, прихлебывая светлое вино. — Боев-то, почитай, и не было — пришли, оружием побряцали, и все... Так что самому как-то крутиться приходится.

— И куда пойдешь?

— Наемником, охранником... Вон, может, ты меня наймешь, деву свою сторожить?

Я поперхнулась и выпучила глаза:

— Еще чего!

— Охолонь, кареглазая, — широким жестом остановил меня Фейн. — Мужик дело говорит. Ты у нас ценная зверушка. Я сначала за сто флоринов хотел тебя жениху твоему сбаврить. А теперь вот засомневался — такая девица нужна самому.

— Это еще зачем? — Мой голос дрожал.

— Есть у меня мечта, бабам не понять, — закатил глаза Фейн. — Хочу я к морю, шхуну себе прикупить, собрать команду и...

— И что? — пыталась растормошить я Фейна, который уже уютно похрапывал, устроив голову на столе.

— Я тебе объясню, хм... кареглазая, — ухмыльнулся Влад, мановением руки подзывая прислужников.

— Отнесите его в гостевую комнату, пусть проспится, — отсыпал он ребятам горсть мелких монет.

— Твой новый друг хочет стать пиратом, — обернулся Дракон ко мне, когда убедился, что атамана осторожно оттаскивают в сторону внутренних дверей.

— Какое похвальное желание! — восхитилась я, размышляя о значении выражения «морской волк».

— И с магом ветра на борту у него в этой профессии конкурентов будет на порядок меньше.

Я зябко поежилась:

— Можно еще вопрос?

— Задавай!

— Каким образом ты... вы...

— С чего вдруг такая озабоченность правилами этикета? — хохотнул злыдень.

Я вздернула подбородок. Действительно, чего это я? Как поведал мне в приватной беседе Трисветлый Ив, поцелуй скрепляют дружбу. Значит, я вполне законно могу называть Дракона на «ты». Потому что... Ёжкин кот! Я прикрыла ладонями загоревшиеся щеки.

— Зачем ты здесь?

— Ну разумеется, я получил твое письмо и сразу же поспешил на помощь, — хмыкнул Влад, доставая из-за обшлага рукава пергаментную трубочку.

Я пробежала глазами текст. Полное слез, тоски и страха послание, и что забавно — на рутенском.

— Это не мой почерк, даже не похож.

— Ну мы же до сего дня эпистолами не обменивались...

— А то, что в каждом слове по две ошибки, тебя тоже не насторожило?

— Нет, — кратко ответил Влад. — Но я обязательно выясню, кто это писал.

Я задумалась. Кто писал, для меня было несущественно. А вот кому нужно, чтоб «приручение дракона» состоялось, я знала очень хорошо.

— Боги в помощь! — вернула я господарю клочок пергамента. — Я все равно рада, что ты меня нашел.

— Ты угодила в кабалу к какой-то ведьме?

Я разревелась и все ему рассказала...

— А самое ужасное, я не могу определить, какой бог или богиня со Щурой ведьминой силой делится. В одном уверена — не Макошь, Пряха таких черных дел не допустила бы.

Дракон в задумчивости теребил подбородок:

— На расстоянии и от меня мало толку. Давай уж в слободке разберемся, что к чему.

— Я поняла! Зеркальный лабиринт?

Сила воды, адептом коей был валашский князь, давала ему возможность перемещаться среди зеркальных отражений. Колдовство это было трудоемким и требовало участия другого человека — «маячка», на который и прокладывался путь. В свое время я не раз служила таким «маячком» для господаря.

— Нет, — покачал головой Влад. — Я пойду с тобой.

— А если кто-нибудь узнает в тебе правителя? Может, личину какую накинуть для надежности?

— Лутона!

От насмешки в его голосе меня опять бросило в жар.

— Твоя хозяйка — ведьма. Распознать наведенный морок для нее не составит труда. Да и мало ли оборванцев, похожих на нашего господаря, может шататься по дорогам? Сменил одежду, украшения снял, и все.

— Хорошо, — наконец кивнула я. Как будто мое согласие действительно что-то решало. — А если дело на два-три дня затянется? Что мы тогда будем делать? Ведь у тебя обязательства, государственные дела...

— Успокойся, птица-синица. Я буду с тобой столько, сколько понадобится, — проникновенно сказал Дракон, накрывая своей рукой мою ладошку.

Я, кажется, перестала дышать, считая медленные удары сердца. Подушечки пальцев покалывало, и я знала, что в этот раз волшба абсолютно ни при чем.

— Влад!

— Что, девочка? — Он легко поглаживал мою кисть, заставляя кровь бежать по венам в два раза быстрее.

— Влад, скажи честно, что ты тут делаешь?

— Спасая тебя, — удивленно поднял брови господарь. — Что же еще?

— Знаешь что! — выдернула я руку. — Тогда в Рутении я бы на это купилась — и на благородство внезапное, и на страсть во взоре. Но не теперь. Чтоб Дракон негласно, притворившись каким-то бродягой, ринулся ко мне на встречу? Мы все прекрасно знаем, что для черной работы у тебя есть Михай. Если бы я нашла способ передать тебе весточку, ты бы первым делом братчика своего на разведку отправил.

Лицо господаря богатством мимики могло соперничать с глыбой льда. Влад скрестил руки на груди и смотрел на меня с таким непередаваемым высокомерием, что мне приходилось сдерживаться, чтоб не вцепиться в него ногтями. Я смолкла, глубоко дыша.

— Продолжай свои умозаключения, девушка. Я с удовольствием их послушаю.

— Прощай, Дракон! — Я решительно поднялась. — Со своими неприятностями я сама как-нибудь разберусь.

— Сядь!

Я вздернула подбородок и шагнула к выходу.

— Лутона, вернись, — ударило в спину порывом ветра. — Я все тебе расскажу.

Надеюсь, моя довольная улыбка осталась им не замеченной.

Страдающий боярин Димитру представлял собой забавное зрелище.

— Ну Влад... — канючил он, топчась в дверях спальни. — Там Иветта рвет и мечет, что ты ее не принимаешь.

— Поорет и перестанет, — отвечивал господарь, подбрасывая в камин еще одно полено. — Скажи, мигренью страдаю, голову от подушки оторвать не в состоянии.

— А, плевать! — махнул рукой Михай, устраиваясь в соседнем кресле и наливая себе вина. — Все надоело.

— Чего так?

— Да бегают все, с делами какими-то дурацкими пристают. Будто в этом мире от меня все зависит. Надоело!

— Привыкай, — усмехнулся господарь. — Уж такая у правителя доля...

Они немного помолчали, наблюдая за скачущими язычками пламени.

— Она не хочет меня видеть, — сказал наконец Михай.

— Кто?

— Дарина. Я каждый день к ней с разговором набиваюсь, а она...

— Какие новости! — вяло удивился Влад. — Боярин Димитру опять влюбился?

— Я не знаю! — Вовкудлак раздраженно отставил бокал. — Иногда мне кажется, что мне никогда никто, кроме нее, нужен не был.

— А на ее сестре ты женился только для того...

— Брось, — отмахнулся Михай. — Я на ней женился, потому что тебе нужен был старик Мареш в друзьях.

— Браво! Для правителя главное — определить, кто виноват, и наказать примерно. Но позволь тебе напомнить, что, если бы один великовозрастный болван не полез под юбку очаровательной Вайорике, нам не пришлось бы настаивать на скорейшем браке с младшей сестрой.

— Дракон тебя подери, Влад! — заорал Михай, вскакивая с кресла. — Я к тебе с горем пришел! А ты!..

— А у меня нет времени на сантименты, — отрезал господарь. — Сейчас, когда отец умер, начнется борьба за передел территорий. И нам придется в ней участвовать, если не хотим потерять того, что у нас уже есть.

— Как умер? Когда?

— Я только что вернулся из Шегешвара, — ответил Влад, не отрывая взгляда от камина. — Здесь узнают только к вечеру.

— Прими мои соболезнования, — склонил голову боярин.

— Никто не вечен, — грустно ответил Дракон. — Хотя старик держался долго...

Они наполнили бокалы и молча выпили, не нарушая тишину неуместными здравицами.

— Что с Лутоней? — сухо вато бросил Влад. — Ты объявил о пропаже?

— Да, рисовальщики трудились всю ночь. Ее портреты теперь украшают каждый перекресток.

— Тебя что-то смущает?

— Пошли слухи, что я разыскиваю свою сбежавшую невесту. Матушка упорно интересуется, когда ей доведется понянчить внуков.

— Даже домна Димитру не может допустить, что по какой-то другой причине ее сынок может отвалить сто флоринов? Я ее прекрасно понимаю.

— Но ведь Дарина...

— Михай, избавь меня от своих чувствительных пассажей. Домна Мареш взрослая девушка и понимает человеческую речь. Объясни ей все сам.

Вовкодлак смущенно потупился.

— Зачем вообще быть великим колдуном, если ты не можешь отыскать Лутонию магическим способом?

— Каким? Из всех ее вещей у меня только пустая сфера земли. А артефакты для наведения зеркальных лабиринтов не годятся. Хотя...

Господарь звонко хлопнул себя по лбу.

— Михай, ты молодец! Артефакт артефакту рознь.

Влад вскочил с кресла, подбежал к письменному столу и извлек из ящика потрепанную колоду карт.

— Вероятности! Конечно!

Длинные пальцы уверенно перетасовали картинки и разложили на столешнице крестообразную фигуру.

— Три, четырнадцать, повешенный, башня...

Карты мерцали холодным голубым светом, в комнате похолодало. Михай вжался в кресло и замер, боясь помешать магическому ритуалу.

— Я нашел ее, — наконец охрипшим голосом сообщил господарь.

— Где она сейчас? — Вовкудлак вскочил и склонился над раскладом.

— Сейчас не знаю, но с заходом солнца она с большой долей вероятности окажется в местечке под названием «Приют бастарда». Еще бы выяснить, где он находится...

— Два квартала от рыночной площади на запад. Мне пойти за ней? — Боярин Димитру бежал к двери, поправляя перевязь.

— Нет, подожди. Надо подумать.

Михай замер, уже занеся ногу над порогом. Влад думал долго и со вкусом, попивая вино и перебирая какие-то бумаги на столе.

— Значит, так, — наконец сообщил он. — За птицей-синицей отправлюсь я.

— Но Иветта...

— Вот и я о том же, братец Волчек. Скоро моя венценосная мачеха узнает о своем вдовстве и начнется потеха. Мне очень хочется максимально оттянуть светлый миг нашей встречи. Понимаешь? Мы выступим, когда основные игроки уже определятся. Значит, сейчас мне нужно уйти, исчезнуть, испариться.

— До рассвета?

— Нет. Я найду Лутонию, верну ей память и провожу в вожденную Элорию. Пусть девочка наконец-то научится обуздывать свой ветер.

— А как же Трисветлый Ив? Он уже не разыскивает големские заклинания?

— Я разрешил ему построить храм в обмен на безопасность Лутони и...

Влад смутился.

— Договаривай, — настойчиво попросил Михай. — Что еще пообещал тебе вещун?

— Сведения об очень важном для меня предмете.

— Понятно, — протянул Михай, поняв, что уточнений от Дракона ему не дожидаться. — А как ты собираешься открыть портал? В Квадрилиуме до сих пор тебя не очень ждут.

— Я буду сопровождающим лицом нового мага силы — миленького такого, славненького и очень острого на язык. Так что пропустят они меня, никуда не денутся.

— Ладно придумал! — хмыкнул боярин Димитру, широко улыбнувшись. — А что мне людям говорить, когда ты исчезнешь?

— Говори что хочешь или вообще ничего. Ты моя правая рука, так что в мое отсутствие будешь править Валахией. Только щеки надувать не забудь.

— А это еще зачем? — растерялся Михай.

— Исхудал ты от любви, Волчек братик. Смотри, люди уважать перестанут эдакого задохлика.

Влад открыл двери гардеробной и вывалил прямо на пол ворох вещей.

— Одеться надо попроще, чтобы в толпе не выделяться.

Через несколько минут на месте господаря оказался довольно невзрачный долговязый субъект в кожаной куртке, с парой ножей за голенищем потрепанных сапог, коротким мечом на перевязи и еще парочкой кинжалов в тайных наплечных ножнах.

— Смотри не порежься ненароком, великий колдун, — улыбнулся Михай. — Ты же весь трактир одним движением ушей до основания снести можешь.

— Не могу, — огрызнулся Влад. — Любая магическая активность с моей стороны — и весь маскарад насмарку. Кстати, шевелить ушами я не умею, в отличие от некоторых желчных вовкудлаков.

— А как ты объяснишь Лутоне свое появление? Она вообще знает, что ты завладел колодой Марианны Алансон?

— Которую вышеозначенная девица-ворожея мне абсолютно добровольно отдала? — иронично поднял бровь Влад. — Нет, не знает. Откуда?

— Как пойдешь, порталом?

— Ножками. Я же тебе объяснял: никакой волшбы. Через кухню должен быть выход к хозяйственным постройкам.

— Привет от меня передавай.

— Всенепременно, — кивнул господарь, выскальзывая за дверь.

Михай проводил его задумчивым взглядом.

Я шмыгнула носом и сглотнула невыплаканные слезы:

— Мне очень жаль твоего отца.

Рука господаря, которую я схватила в порыве сострадания, вяло шевельнулась.

— Это жизнь, птица-синица. Кто-то уходит, кто-то остается...

Я обвела взглядом стол. Ничего крепкого пить больше не хотелось. Вот ряженки или простокваши я бы похлебала с большим удовольствием.

— Ну что, пора в твою Воронью слободку? — деловым тоном спросил Влад. — Я планировал на рассвете тебе память вернуть. Но раз уже все случилось без меня, пару часов форы у нас есть.

— Мне бы еще яблочного сидра где-то купить, — подхватила я свой сундук. — И личину подновить, которой Щура меня одарила.

— Фейн нам нужен? — Господарь уже подзывал трактирщика, призывно потряхивая кошельком.

— Проспится, сам дорогу найдет, — отрезала я.

Сидр в трактире нашелся, и даже неплохой. Я тщательно обнюхала бутылку на предмет нежелательных примесей. Пахло правильно: яблоками и чуть-чуть медом. Иравари будет довольна подношением. Давненько я ее любимым напитком не угощала.

А еще я разжилась вместительной холщовой сумой, в которую с облегчением переложила свои пожитки из громоздкого сундучка.

Мой новый охранник галантно открыл передо мной дверь, и мы вышли из заведения. Было свежо, над головой мягко светили по-летнему огромные звезды.

— Получается, ты сам это послание сочинил?

— Более того, я его прямо в трактире написал, как только тебя в компании разбойников увидел.

Я рассмеялась:

— Кто бы мог подумать, что валашский князь в грамоте не силен!

Влад, кажется, обиделся:

— С основными языками у меня все в порядке.

— Надо будет проверить, — продолжала я куражиться. — А то еще наказ какой издашь, а там ошибок целый воз. Стыдно будет перед подданными!

Синие глаза гневно блеснули. Я почувствовала, что близка к порке как никогда, и даже чуть испугалась. Дракон зарычал, молниеносно приблизился и схватил меня за плечи:

— Ну так дай мне пару уроков, птица-синица! — выдохнул он мне в лицо.

Я только сдавленно пискнула, когда его губы нашли мои.

ГЛАВА 7

О том, что некоторые узлы проще разрубить, чем развязать

Горох в поле да девка в доме — завидное дело: кто ни пройдет — тот щипнет.

Сны — материя тонкая, никем до конца не изученная. Особенно вещие. Или вот разделенные. В прошлой жизни я не раз общалась во сне с бабушкой. Яга вытаскивала меня в какие-то туманные пределы, как только моя голова касалась подушки, чтобы предупредить, или поделиться информацией, или просто поболтать о том о сем. А уж насколько хорошо во сне запоминались самые мудреные заклинания, я знала не понаслышке. Эх, как же я скучала о своем привольном житье-бытье под крылышком мудрой бабули! Как она там? Жива ли, здорова?

— О чем задумалась? — раздалось над ухом, когда я в очередной раз споткнулась о какой-то мусор.

— Да так, ни о чем, — ответила я, с удивлением замечая, что заброшенная пристань осталась позади и мы с моим охранником вот-вот окажемся в разбойничьем логове. — Погоди пару минут, мне морок сплести надо.

Влад только скептически поднял брови, когда я замерла и, поднатужась, стала притягивать к себе клочья тумана от реки.

— У тебя это всегда с такими сложностями получается?

— Взял бы и помог, — огрызнулась я, лихорадочно пытаюсь вспомнить, на какую сторону у рябой бабы, в которую меня Щура обрядила, был повернут нос.

— Разве что советом, — хмыкнул злыдень. — Не хотелось бы из-за такой мелочи раскрываться. Меня уже, наверное, с десятков разных магов выслеживает.

Я раздраженно фыркнула:

— Ну хоть что-то!

— Кисть расслабь, — вдруг скомандовал Влад. — Не эту, правую. И пальцами перебирай, будто струны на арфе пощипываешь.

— Ну да, я же у нас известная арфистка, — сообщила я, послушно наигрывая на воображаемом инструменте.

К удивлению, дело пошло легче. Я всем телом ощутила, как слой за слоем нарастает на меня личина.

— Ну как? — гордо спросила я, поворачиваясь вокруг своей оси. — Красотка?

— Обхохочешься, — серьезно кивнул Влад. — Я погляжу, твоя хозяйка к тебе благосклонна.

— На том стоим, — притопнула я ногой.

— А ничего, что твой морок уже частично просвечивает?

— Так и до полночи недалеко. Щура говорила, дольше держаться не будет.

— Понятно, — протянул gospodarь, оглядывая меня напоследок с какой-то плотоядностью во взоре.

Я покраснела.

— Иди сюда, — дернул он меня за руку, пытаюсь привлечь к себе.

— Ты чего удумал? — сопротивлялась я. — Бесценный опыт приобретаешь? Таких страшных баб у тебя, поди, еще не было?

— А мне все равно, как ты выглядишь, — быстро проговорил Влад, целуя меня в кончик кривого носа. — Ты — это ты. Под любой личиной.

Неожиданный романтический настрой Дракона меня пугал. А еще больше мое к нему отношение. Во время поцелуя у «Приюта бастарда» я почувствовала в себе темную клокочущую силу — страшную, сумбурную, требующую выхода. И это мне совсем не нравилось.

— Нет, — сказала я, отступая на два шага. — Не здесь, не сейчас и не...

— И не со мной?

Я смешалась и опустила глаза.

— Как хочешь, — легко согласился Влад. — Идем, птица-синица, разберемся с твоими неприятностями.

Воронья слободка была пустынной, будто вымершей. Обычно в это время веселье только набирало обороты. Мужики шумно праздновали дневные успехи, сокрушались о поражениях, считали деньги, бились об заклад, распевали песни пьяными голосами. А сейчас — тишина, темнота... Под ногами шуршали палье листья, будто не травень на дворе, а самая поздняя осень. Я моргала, активируя свое ночное зрение.

— Здесь сражались маги, — прошептал господарь, бесшумно крадущийся следом с обнаженным мечом.

— Какие маги? — охнула я, споткнувшись о валяющееся на земле ведро. — Откуда?

Влад замер, даже не попытавшись мне помочь.

— Все мертвое — деревья, животные, — указал он на труп собаки, распластанный у забора. — Земля без капли воды, хотя целый день шел дождь...

Я потянула носом — пахло пылью, трухой и железом.

— Ты думаешь, Щура...

— Нет, ведьмы так не могут. Задействована совсем другая структура магии. Такое я видел только на территориях, где велись битвы второй магической войны.

— Так она сто лет назад была.

— Некоторые раны долго заживают.

— Влад, мне страшно, — зачем-то сказала я, потихоньку продвигаясь в сторону дома.

— Подожди меня здесь, — предложил господарь, в чьих повадках неожиданно обнаружилась грация большой хищной кошки. — Я один справлюсь.

— Еще чего, — прошипела я, опуская руку в сумку и нащупывая шершавую поверхность индрикowego рога.

Дракон скептически оглядел непростое оружие, но мнение свое оставил при себе. Его глаза зеленовато отсвечивали в темноте — он тоже обладал ночным зрением.

Мы осторожно поднялись по ветхим ступеням крыльца, доски жалобно скрипнули. Сени. Расколотая бочка без следов воды, обломки лавки, исполосованное, будто огромными когтями, полотнище драпировки. Общий зал. Перевернутая мебель, глянцевые потеки светильного масла, нагромождение какого-то хлама...

— Ёжкин кот! — всхлипнула я, осознав, что то, что я принимала за кучи баракла, оказалось человеческими телами.

Комната, полная трупов. Букашко, лежащий на столе, широко раскинув руки и открыв рот в беззвучном крике. Стеша с неестественно вывернутой шеей, грузно осевшая в углу. Рыжий одноглазый разбойник, чья голова почти совсем отделилась от тела... Вся ватага разбитного Фейна встретила в этой горнице свою смерть.

Влад присел, осматривая ближайший труп.

— Они все обескровлены, — спокойно сообщил он мне. — Если со мной что-то случится, беги к Михаю, пусть поднимает свору.

— Далеко не уйду. После полуночи я опять на коротком поводке.

— Если ведьма мертва, ваше соглашение потеряло силу.

— А если нет?

Из коридора, ведущего в горницу Фейна, донесся дробный безумный смешок:

— Девка, иди сюда... Хорошая девка, послушная девка...

Волосы на моей голове зашевелились. Дракон метнулся на звук. Я осторожно шла следом, неистово стуча зубами. Под ногами хрустели осколки стекла.

В центре комнаты зиял провал. Как раз на том месте, где когда-то стояло огромное ложе.

— Оно спрыгнуло вниз. — Влад, свесившись через чудом уцелевший бортик, пытался рассмотреть что-то в глубине. — Тут ступени.

Из подпола тянуло холодом и сладковатым запахом тлена.

— Пошли. — Свесив ноги в провал, я пыталась нащупать первую ступеньку. — Это Щура.

— Ты уверена?

— Я узнала голос.

Это был сложный расклад. Карты выстраивались многослойными фигурами, картинка за картинкой, раскрывая их владельцу вероятность развития событий.

— Позвольте потревожить вас, господин.

Ганиэль одарил Хумэнь прохладным взглядом:

— Что-то срочное?

— Аудиенции ожидает председатель арадской коллегии.

— Брат Лодевийк не может сам решить вопросы строительства храма?

— Местное население отказывалось с нами сотрудничать, и братья призвали силы с той стороны.

— Результат?

— Ракшас вышел из-под контроля, возникла опасность беспорядков.

Вещун резким движением кисти смешал карты. У кого-нибудь другого сей жест мог быть демонстрацией крайней степени раздражения. Но Трисветлый Ив был выше таких простых эмоций.

— Передай брату, что я сам займусь этой проблемой.

— Господин не примет его?

— Нет. Я прибуду в Валахию через три дня, как только закончу неотложные дела, удерживающие меня в Стольном граде.

Хумэнь, мелко кивая, пятилась к двери.

— И пусть арадская коллегия готовится к выборам нового председателя. Брат Лодевийк

смещен с должности.

Лисица выскользнула за дверь, чтобы в точности передать слова своего господина. Ив шумно вздохнул:

— Хочешь сделать хорошо — делай это сам.

Что я ожидала увидеть внизу? Наверное, все-таки подпол — закуток, в котором терпеливо дожидалась нас опасная ведьма Щура. Действительность была гораздо неприятней. Земляные ступени спускались в настоящий подземный коридор.

— Мы будем продвигаться очень осторожно, — серьезно предупредил меня господарь. — Оно успело от нас оторваться и вполне может поджидать в засаде.

— Оно? — Я не возражала, просто хотелось заранее все уточнить.

— Полной уверенности у меня нет, но, кажется, твоя ведьмина клятва потеряла силу.

Я прикусила язык. К чему вопросы? Через несколько минут я смогу сама во всем разобраться.

Когда-то это были каменоломни, в которых добывали строительный камень для возведения Арада. Рукотворные ходы, переплетенные со временем с полостями естественного происхождения, образовали лабиринт, протянувшийся на сотни лиг в толще земли. Влад шел первым, почти бесшумно ступая по каменному дну тоннеля, я громко сопела, пробираясь следом, прикрывая наши тылы и поминутно озираясь. Замкнутое пространство вызывало во мне невыразимый ужас, и я боролась с желанием плюнуть на все и бежать назад. Коридор то сужался, то расширялся, высота тоже постоянно менялась, но еще ни разу не пришлось идти, согнувшись в три погибели или протискиваясь боком.

— Этим ходом часто пользовались, — проговорил господарь, указывая мне на следы сажи и потеки свечного воска на стенах.

— Ежу понятно, — восхитилась я монаршей смекалкой. — Разбойники и пользовались. Лаз прямо из логова обустроили и стаскивали под землю все самое ценное. А чего? Удобно — ни тебе любопытных глаз, ни внезапных проверок городской стражи.

Влад, не оборачиваясь, пожал плечами. Я невольно залюбовалась его спиной. Господарь относился к тому мужчин, который моя бабушка называла «осанистым». Высокий и худощавый, он, казалось, был свит из жил и мускулов. Очень тонкая талия, широкие плечи, длинные руки и ноги. С такой фигурой в какую одежду ни обряди — хорош будет.

— Ты на меня пялишься! — Влад повернулся так резко, что я уткнулась носом в его грудь.

— Не было такого, — соврала я, отступая на шаг. — Просто смотреть больше не на что.

— А ведь я тебе нравлюсь, птица-синица, — задумчиво протянул злыдень. — Учащенное дыхание, сердцебиение, расширенные зрачки... Я разбудил твое любопытство?

— Это от страха, — попыталась я возразить.

Он не слушал.

— Судьба так часто сводит нас друг с другом, что впору заподозрить какой-то вселенский заговор. Сначала ты меня спасла, потом обокрала, помогла в нелегком предприятии... И вот, когда я уже и думать забыл о маленькой рутенской ведьме, я обнаруживаю тебя в своей постели. Как это понимать?

Я не знала, что ответить. Краска бросилась мне в лицо, дыхание перехватило от подступающих слез. Влад так сосредоточенно смотрел на мои губы, что их начало пощипывать, будто коснулся их порыв ледяного зимнего ветра. Что вообще творится, ёжик кот?! Почему я вдруг перестала владеть своим телом и своими помыслами? У

меня над головой десятки футов земли, позади — обескровленные трупы разбойников, впереди поджидает неведомая смертельная опасность, а все, о чем я могу думать, — поцелует или не поцелует меня Влад, прежде чем я его об этом попрошу. Эх! Как говаривала бабушка — беда с девкой, то есть со мной. Бесконечно долго мы молчали, стоя друг напротив друга в каменном коридоре арадских катакомб. Целую вечность, в которую растянулись несколько минут.

— Когда все закончится, — наконец сообщил господарь, прикоснувшись кончиками пальцев к моей щеке, — мы запремся в спальне, и я удовлетворю твоё любопытство.

— Ты обещал проводить меня в Элорию, — вдруг вспомнила я, и эта правильная приземленная мысль разрушила наваждение. — Мне нужно в Квадрилиум, в университет. Или твоё слово...

— Я всегда выполняю обещания, — резко ответил Дракон. — Все.

Он отвернулся и пошел вперед.

— И, девочка моя, ты можешь не поверить, но в Кордобе тоже есть спальни.

Я подавилась заготовленным ругательством. Ну и что тут скажешь? На этом поле он меня переиграл.

Мы молча шли, и шли, и шли... Мне было скучно. За последний час я успела испытать ужас, злость, томление и раскаяние. Даже для меня получался перебор. Поэтому теперешняя навалившаяся усталость меня несколько не удивляла. Кажется, даже время под землей текло медленнее. Лениво истекли минуты. Где-то вдали размеренно капала вода, легко дышал Влад, едва заметно шуршали о гладкий камень подошвы сапог. Я зевнула. Если бы на ходу можно было спать, мой бодрый храп уже давно сопутствовал бы нашему перемещению.

Бах! Глухой удар сотряс стены. Я подобралась и поудобнее перехватила оружие. Что бы ни ждало нас за поворотом, мы к нему приближались. Коридор закончился небольшой полукруглой пещерой, в которой, видимо, разбойники и хранили награбленное. Факел, прикрепленный к стене кованым зажимом, горел, освещая фантазмагорическую картину. Сундуки, мешки, плотные тюки тканей были свалены в центре. На этом рукотворном холме в позе восточного божка, скрестив ноги и устроив запястья на коленях, восседала Щура.

— Хорошая девка... Ты пришла... — Голос ее скрежетал, как железо по камню, отражаясь от стен пещеры причудливым эхом.

Голова ведьмы шаталась от плеча к плечу, будто в шее не было ни одной косточки. Глаза цвета сырого мяса, без следа зрачков смотрели прямо на меня.

— К нам Лутоня пришла, да не одна, а с товарищем. И кто это у нас такой славненький, а, бурдючок на ножках?

Влад боком обходил бестию по кругу, чуть отведя в сторону руку с мечом.

— Тяни время, — шепнул в мою сторону одними губами. — Говори!

Мне показалось, что я разгадала его задумку.

— А это, бабушка, мой охранник. Фейн нанял — за мной присматривать. Мы с атаманом в таком чудесном месте отдыхали, что не передать. И публика там благородная, и увеселения всякие... «Приют бастарда» называется. Слыхала?

Багровые влажные губы растянулись в усмешке, с острых клыков капала слюна.

— Бабушка слыхала, бабушка видала. — Голова сделала оборот вокруг своей оси, перекрутив шею, будто неведомая прачка насухо выжимала тканое полотнище. — Только где она, твоя бабушка? Ау! Нет ее!

И новая порция безумного дребезжащего смеха.

Вместо ожидаемого страха я неожиданно почувствовала облегчение. Кем бы ни было это существо, это была не ведьма. Щура умерла. Я еще для надежности глянула на запястья, где до недавнего времени змеились шрамы ведьминой клятвы. Чисто. Я глубоко вздохнула:

— А куда же она подевалась? Бабушка то есть.

— Ты какую хрычовку имеешь в виду? — Голос менял тональность, из визгливого старушечьего фальцета становился низким, утробным. — Поганую валашскую душегубицу или свою Ягу?

Удивленный возглас Влада я оставила без внимания.

— А вопросом на вопрос отвечать неприлично. — Свободная рука сама собой уперлась в бок. — Или твой прежний хозяин не смог тебя этому обучить?

Визг бестии хлестнул по ушам. Старуха подпрыгнула, приземлилась на четвереньки спиной вниз, хрустнула костями, выворачивая руки из суставов, и поползла ко мне, поводя головой на неестественно вытянутой шее.

— Я замкнул линию, — сообщил Влад, выныривая на освещенное пространство из тьмы. — Оно не сможет перейти границу.

С левой руки господаря осыпались остатки белого порошка.

— Соляной круг? — переспросила я, не отводя взгляда от беснующейся твари. — Умно. Каждый раз полные карманы соли с собой таскаешь?

— У разбойников позаимствовал, на всякий случай. В общей комнате туесок стоял.

— Умно, — зачем-то повторила я и наконец рискнула взглянуть на суженого. — Сколько у нас времени?

Таким растерянным господаря я не видела никогда. На его бледном лице читалась сотня разных чувств — удивление, удовлетворение, узнавание... В эту минуту мне в голову почему-то лезли только слова на «у».

— Немного, — наконец справился с чувствами Влад. — Пошли, нужно срочно отыскать пентаграмму вызова. Может, тогда я смогу отправить эту тварь туда, откуда она явилась.

— Я убью тебя, сука! — доносился из круга истошный визг. — Убью, покалечу, кишки выпущу! И тебе и охраннику твоему. Всем! А потом...

Дальше следовали заковыристые планы, густо замешанные на расчленении и поедании плоти.

— Что это вообще за существо? — задала я вопрос.

Мы обогнули соляной круг, стараясь не наступить на него ненароком. В глубине пещеры обнаружилось еще два выхода. Влад решительно шагнул в правый, дернув меня за руку. Мы почти бежали. Коридор был давно заброшенным, осыпавшийся суглинок под ногами очень затруднял движение. Видимо, дальше пещеры-склада интересы разбойников не распространились.

— Это ракшас, — проговорил господарь, не сбиваясь с шага.

— Кто-кто? — запыхавшись, переспросила я.

Мелкая глиняная пыль забивала легкие. Сумка больно хлопала по боку, но свободных рук, чтоб ее поправить, у меня не было.

— Ракшас — высший демон. У нас о них почти ничего не знают. А вот на востоке, в пределах Урхана... Кто-то призвал его сюда, а контролировать не смог. Бестия сбежала и шаталась по катакомбам в поисках жизни. Вот туннель ее к твоим разбойникам и вывел.

— Демоны не такие! — При нашем темпе передвижения было удивительно, что мне хватало дыхания еще и на спор. — И они не могут к нам попасть.

Влад резко остановился. Коридор закончился тупиком. Перед нами была глухая стена.

— Лутона, — объяснял Влад, разворачиваясь и бегом устремляясь обратно. — Демоны бывают разные. И если ты общалась только с жителями Тонкого мира, существами в принципе безобидными, не значит, что не существует другой их разновидности.

Мы вбежали в полукруглую пещеру и, не мешкая, нырнули в левый коридор. Тварь проводила нас воем.

— Так значит, ракшас — демон, но не из Тонкого мира? — продолжала я допрос, мне на полном серьезе хотелось достать тетрадку и начать записывать за господарем.

— Из другого. Назовем его, к примеру, нижним. — Влад проговаривал слова четко, с учительскими интонациями, будто с листа читал. Не знаю, что на него нашло, может, таким образом у него выражалось нервическое возбуждение. — Ты помнишь, из-за чего началась вторая магическая война?

Честно говоря, я о ней вообще мало что помнила. Так, отрывки. Бабушка меня обучала вещам более практическим, но так просто признаться в невежестве я не могла.

— Ну одни маги и другие маги...

Этот коридор был гораздо длиннее первого, но такой же запущенный. Господарь с бега перешел на быстрый шаг, но руку мою так и не отпустил.

— Угу, одни маги против других магов. Потом одни маги, чтобы победить вторых, призвали силу с «той» стороны. А потом уже всем магам пришлось объединиться, чтоб эту силу обратно отправить.

Я хмыкнула про себя. Коротко, просто, по существу. Так, чтоб и ежу понятно было. История магических войн для туполомов.

— А чем опасны эти самые ракшасы?

— Они питаются жизнью.

— Ты хотел сказать силой?

— Лутона, не глупи. Наш пленник положил два десятка разбойников и выпил их кровь, какая уж тут сила?

— А почему он тогда в теле Щуры?

— Это что-то вроде одежды. Холодно ему у нас, смертельно холодно. Представь, как бы ты себя чувствовала голышом на морозе.

Я представила и поежилась. Коридор сделал очередной крутой поворот, и мы вышли к перекрестку.

— Так... — Господарь остановился и отпустил мою руку. — Какие будут предложения?

— Прямо, — ответила я, поправляя суму на плече.

— Почему?

— Потому что слева и справа крысы.

Влад взгляделся в темноту, которая ответила ему возмущенным попискиванием и мигающими красноватыми огоньками злобных глазок, и заржал:

— Будущая владычица ветра боится грызунов?

Я вздернула подбородок:

— Живые крысы, Влад. Маленькие такие «бурдючки на ножках», в отличие от тех, чьи кости похрустывают под нашими каблуками.

Неуместный смех господаря резко оборвался:

— Прости, что усомнился в твоей неустранимости, птица-синица. Идем!

Я оставила без внимания предложенную мне руку и пошла первой.

— Предвкушаю наши долгие беседы по дороге в Элорию, моя дорогая. Кстати, я был уверен, что твоей стихией будет земля. Все-таки считается, что отпрыск наследует от родителей более сильное направление...

— Значит, так, — зашипела я, резко обернувшись, — до осени я совершенно свободна. Слышишь? До осени. Я не знаю, зачем я тебе понадобилась и с какими далекоидущими планами ты заключил с моей бабушкой магический договор, и знать не хочу. Только в эти игры я играть не намерена.

— Нам ли спорить с судьбой, госпожа Ягг, — криво улыбнулся господарь. — Или лучше называть тебя донья дель Терра?

У меня, кажется, пена изо рта пошла, перед глазами опустилась багровая пелена. Я занесла руку, которую он легко перехватил у запястья, и без замаха захватила коленом ему в гм... живот. По коридору, вздымая клубы пыли, пронесся порыв ледяного ветра.

Влад резко выдохнул и согнулся чуть не вдвое:

— Тебе не кажется, что мы несколько отвлеклись?

Я пожала плечами и двинулась дальше.

— Держи такой настрой, девочка. Нам может понадобиться весь твой ветер.

Уж не знаю, нарочно Влад меня злил, или сейчас делал вид, что так и было задумано, но я чувствовала в себе силы порвать на лоскутки десяток ракшасов.

Впереди по коридору появилось слабое голубоватое свечение. Я замедлила шаг:

— Это она, пентаграмма?

— Похоже на то, — негромко произнес господарь. — Вряд ли она активна, но осторожность не помешает.

Еще одна пещера размерами не очень отличалась от предыдущей. Мне она представилась одной из редких бусин, насаженных на бесконечную ниточку подземного коридора. Пентаграмма на полу была выбита долотом или еще каким инструментом, четкие дорожки рисунка утопали в полу на пол-ладони, не меньше. Мягкий пульсирующий свет исходил от вязкой голубоватой жидкости, наполняющей углубления до краев.

— Что скажешь? — повернулась я к Дракону. — Она рабочая?

Тот рассматривал символ с азартом исследователя.

— Она даже не повреждена. Как ты думаешь, мы сейчас где?

— В катакомбах, — усмехнулась я. — Еще вопросы будут?

Влад ковырнул пол носком сапога и уставился наверх:

— Мы прошли почти по прямой лиги четыре. Шли, если я ничего не путаю, на запад. Значит...

— Значит что? — поторопила я задумавшегося господаря.

— У нас над головой подножие западного холма.

Я припомнила ненароком подслушанные в трактире разговоры:

— Там еще вещуны храм строят.

— Молодец, — похвалил меня Влад. — Работы ведутся ни шатко ни валко. Десяток крестьян, которых наняли посулами денежного вознаграждения, не справляются. Даже фундамент еще не установлен.

— А ракшаса вещуны вызвали, чтоб он им полтора последних землекопа порешил, ну тех, которые не справляются? — скептически подняла я бровь.

— Они хотели, чтобы тварь разрушила холм, — не поддержал господарь моего веселья. — Колдуны Урхана часто используют таких демонов именно для точечных разрушений. Ракшас вне человеческого тела в нашем мире может существовать пару минут, не больше. Потом следует мощный взрыв, и от потустороннего существа ничего не остается.

— Почему же ракшасы Урхана послушно идут на смерть, а не пытаются занять тело какого-нибудь колдуна?

— У них тоже есть ограничения — тело должно быть мертвым, иначе демон не может его занять.

Ёжкин кот! Получается, Щура была уже мертва, когда стала одержимой? Или она сама пыталась подчинить демона? Вопросы, вопросы... Как же мало я на самом деле знаю и как хочется этих самых знаний побольше!

Господарь, уже не обращая на меня особого внимания, склонился над рисунком пентаграммы и сосредоточенно шевелил губами, видимо читая какое-то заклинание.

— Чем Араду грозит наш ракшас? — задала я вопрос, дождавшись, когда господарь перестанет бормотать. — Если мы не сможем его отослать обратно?

— Он сначала будет бродить по округе, убивая все живое. А потом тело старухи придет в негодность, и он либо использует новый труп, либо взорвется. И судя по тому, сколько жизни он уже выпил, взрыв будет такой силы, что сровняет с землей и замок, и весь город.

Я похолодела.

— Ну так давай быстрее отправляй бестию туда, откуда она пришла. Или ты все еще боишься использовать магию, все еще собираешься от всех скрываться?

— Тут не все просто, птица-синица...

Меч господаря царапнул пол, подбираясь к пентаграмме, острие на мгновение окунулось в жидкость. Раздался треск, полетели искры, металл стек из рукояти. На камнях осталась булькающая лужа расплавленного железа.

— Во-первых, она активна. Колдун, который устроил это безобразие, сил не берег — будто на века ставил...

Движением острого подбородка господарь указал куда-то в глубь пещеры. Я проследила взглядом. Фигура в вещунске+м балахоне сидя подпирала дальнюю стену. Рядом валялась серебряная маска, а из-под капюшона выглядывали белые, будто полированные кости черепа.

— Он вложил в свою пентаграмму все, что имел, — грустно проговорил господарь.

— А во-вторых? — Моя любознательность не знала границ.

— Она односторонняя.

Я думала очень быстро, как будто на скорость собирала разноцветные камешки мозаики. Нашим разбойникам очень не повезло, что схрон был почти напрямую связан с местом активации пентаграммы. И больше всего не повезло Щуре. Только, если ракшас сам не может убить человека, чье тело потом будет обживать...

— Влад, он ждет подкрепления!

Дракон посмотрел на меня с удивлением, но я продолжала тарыхтеть:

— Пентаграмма активна, в конце коридора два десятка трупов — просто приходи и бери, сколько хочешь.

— Умная девка, — проскрежетало за спиной. — Ты умрешь первой.

Я резко обернулась. Ракшас вползал в пещеру, как огромный четырехлапый паук.

А дальше все произошло очень быстро. Я полетела в сторону от мощного толчка, и на сцену выступил Дракон. В руках он держал два длинных кинжала. Блеснула сталь, клинки обвели полукруг, и господарь ринулся на противника. По ушам хлестал истошный визг ракшаса, я сжимала индриксов рог, с ужасом понимая, что в такой рукопашной толчке от меня чуть.

— Слушай меня, птица-синица! — крикнул господарь, продолжая движение. — Рог единорога должен создать встречный портал! Они схлопнут друг друга! Действуй!

Конечно, ёжик кот! Я вскочила и подбежала к пульсирующей звезде. Мне показалось, что над ее поверхностью маревом поднимались бесформенные фигуры демонов. Закусив губу, я размахнулась и метнула рог в самый центр. Костяное навершие воткнулось в камень, как в масло. Низкий рев наполнил своды пещеры. С той стороны кто-то будто пржимал поверхность мыльного пузыря.

— Откройся, — шепнула я известное мне слово. — Откройся, слышишь!

Рог вибрировал, воронка встречного портала раскрывалась, наполняя на лучи пентаграммы. Я обернулась к Владу. Свистнула сталь, и голова колдуньи покатила к моим ногам. Влад отбросил оружие и быстро достал из-за пазухи что-то маленькое. Я напрягла глаза — в руках господаря болтался на цепочке мой янтаринный кулон, использованная сфера земли. Дракон склонился над трупом колдуньи.

— Я попытаюсь загнать демона в этот сосуд. Что с порталами?

Я посмотрела через плечо. На полу в неравной схватке сплетались два бесформенных пятна — бурое и ярко-голубое. Сильно похолодало, свод пещеры украсился сосульками.

— Дело почти сделано, — сообщила я Владу. — Я могу тебе помочь?

— Отдыхай, — отмахнулся тот. — Силы тебе пригодятся. Если что пойдет не так — беги и не оглядывайся.

Я прикусила губу. Над мертвым телом начинал виться красноватый дымок — ракшас покидал пришедшую в негодность «одежду». Дракон воздел руки и начал петь. Как в человеческой глотке могли рождаться столь отвратительные скрежещущие звуки, для меня осталось загадкой. Я подышала на пальцы и спрятала ладони под мышками — холод пробирал до костей. Стараясь хоть как-то согреться, я начала притопывать ногами, случайно поймав ритм колдовской песни.

«Иди ко мне! Иди ко мне! Тут хо-, тут ро-, тут шо! Тут хо-ро-шо! Иди! Тепло, три красных солнца над горизонтом, жарко. Три-три-три красных солнца! Три! И раскаленный черный песок. Иди сюда! Я согрею тебя! Сюда, сюда, иди, иди»...

Я топочу изо всех сил. Низкий голос ведет четкую простую мелодию и вторит ему другой — весь состоящий из обертонов, высокий, нежный... И я приближаюсь к чему-то горячему, бесконечному, родному...

Бах! Щеку обожгло огнем. И так же опалил безумный взгляд синих глаз.

— Очнись, девочка. Все кончилось, обряд завершен.

Я, кряхтя, села — на большее не хватило сил. Пещера выглядела так, будто по ней прокатился огненный смерч. Оплавленный камень, закопченный свод. На полу ни следа страшной пентаграммы и человеческих останков. Только хлопья пепла носились в воздухе подобно серому снегу.

Мертвенно-бледный Влад протянул мне кулон, в янтаринной толще будто застыла капля крови.

— Спрячь, — велел устало. — И никому не показывай.

— А ты? — послушно приняла я подвеску. — Сам-то как?

Он посмотрел на меня с недоумением и какой-то детской обидой и улыбнулся левым уголком рта:

— Не люблю умирать...

Я закричала, когда бездыханное тело Дракона упало на каменный пол.

ИНТЕРМЕДИЯ

Гербовый зал был наполнен людьми. Челядь, по поводу предстоящего торжества обряженная в самые лучшие одежды, жалась у входа, не решаясь пройти вглубь, негромко перешептываясь и вытягивая шеи, чтоб во всех подробностях рассмотреть благородных господ, которые подобной скромностью не страдали и рассаживались на заранее заготовленных креслах, подобно стайке ярких экзотических птиц. Мэтр Луиш Мария де Нагейра слуг не то чтобы не любил, просто обычно не замечал. Какое дело главному арадскому магу до того, кто чистит его сапоги, готовит обеды или чинит пришедшую в негодность одежду? И была бы воля досточтимого мэтра, он провел бы обряд в узком кругу, среди своих. В конце концов, этого требует обычай. Именно так он и сообщил противной девчонке еще накануне, во время аудиенции, снисходительно поглядывая на нее с высоты своего роста:

— Деточка, вам предстоит войти в высшее общество, поэтому с самого начала следует вести себя подобающе.

Пигалица сдвинула брови, на мгновение напомнив мэтру валашского Дракона, и твердо ответила:

— Слуги примут участие в церемонии. Велите подготовить Гербовый зал.

И молча удалилась, аккуратно прикрыв дверь кабинета. Вот так вот — без объяснений, без должного уважения. Просто сообщила. Поставила перед фактом. Будто именно ее слово было последним. *Cagado!*

Теперь она стояла в центре зала — строгая и сосредоточенная, с гладко убранными волосами, затянутая в узкое черное платье, расшитое по вороту и подолу серебряной канителью. Маленькие руки чинно сложены перед собой, взгляд карих глаз устремлен в пространство и неподвижен. Счастливая невеста...

Луиш Мария де Нагейра до недавнего времени не участвовал в свадьбах. Тем более не проводил их. В теории мэтр был неплохо подкован, перед выпуском из Квадрилиума студентов, отправляемых во внешний мир, готовили к любым обстоятельствам. И хотя должность замкового мага при великом валашском Драконе носила характер скорее номинальный, обязанности свои мэтр исполнял с должным усердием. И то, что потребуется от него сейчас, преотлично знал. К тому же буквально накануне, по схожему поводу он освежил знания чтением тематических фолиантов. После обращения к стихиям он задаст вопрос, добровольно ли желание молодых стать супругами. А затем испросит у Источника совершенной любви единомыслия и чадородия для новобрачных и соединит руки молодых в священном союзе. Так велит обычай.

Гости негромко переговаривались между собой, ожидая появления последнего действующего лица. Вдруг разговоры смолкли. По проходу быстро прошел Михай Димитру — бледный и взволнованный. Невеста тепло улыбнулась боярину. В наступившей тишине ее спокойный голос заполнил, казалось, все пространство зала:

— Досточтимый мэтр, можете приступать к обряду.

Луиш Мария де Нагейра оправил ниспадающие складки мантии и про себя проклял тот роковой день, когда донья Лутеция Ягг появилась в его размеренной жизни и перевернула ее с ног на голову.

ГЛАВА 8

О правах и обязанностях

Правда не шкварка, с кашею не съешь.

Может ли увеличиваться сила до бесконечности? Не магическая какая, не стихийная, а наша женская сила? Когда-то я читала, что муравей способен волочь по земле груз, который в тридцать раз тяжелее его самого. Мне по сравнению с умным насекомым задача досталась не то чтобы плевая, а решаемая. Только продвигаться приходилось крошечными шажками, и отдыхать чуть не каждую минуту. Колокол на Арадской башне отбил два часа пополудни, когда я наконец дотащила господаря до выхода. Лаз в разбойничье логово был прямо над моей макушкой, но ступени, ведущие наверх, представляли непреодолимую преграду.

— Помогите! — крикнула я во всю силу легких. — Помогите, люди добрые!

Тишина в ответ меня не обескуражила. Если бы мне на помощь ринулась покойная разбойничья братия, было бы гораздо хуже.

Я пристроила господаря у нижней ступеньки, расстегнула ворот куртки и резкими толчками перевернула тело на бок. Именно так учила меня бабушка. Влад все-таки дышал, но как-то поверхностно, и мне это совсем не нравилось. Все мои попытки привести его в чувство ни к чему не привели, поэтому сейчас я делала, что могла.

Не задерживаясь в разгромленном доме (помогать тут было уже некому), я выскочила на улицу и огляделась. Стояла светлая тихая ночь. Ни патруля, ни припозднившихся прохожих... Хотя одна некрепко стоявшая на ногах фигура все-таки виднелась. До моего слуха донеслась срамная песенка, и из-за поворота, покачиваясь и загребая для равновесия руками, появился Фейн.

Я подлетела к нему, как рассерженная курица:

— Пошли быстрее, мне мужская помощь нужна!

— К этому мы всегда готовы, — хихикнул атаман, начиная стягивать с себя порты. — Чем смогу, помогу.

Я зарычала в бессильной злобе. И что мне теперь делать прикажете? Ждать, когда этот охламон протрезвеет? А охламон тем временем по-хозяйски меня облапил, дыша в лицо перегаром:

— Сладкая девка... Я тебе хорошо сделаю... Погуляем, кареглазая...

Ага, сплю и вижу! Я скрутила из пальцев особый кукиш и изо всех сил стукнула им атамана по голове. Казалось, звон разнесся на целую улицу.

Фейн выпустил меня и схватился за маковку. Если я ничего не напутала в ведьмовском действе, сейчас весь хмель из касатика сбежал. Бабушка часто так деревенских от пьянства лечила. Правда, обычно жены страдальцев за обряд платили. Потому что ни один мужик в здравом уме на такое не пойдет. Надо будет атаману как-нибудь потом намекнуть, что он теперь всю жизнь ни капли хмельного в рот взять не сможет. Такой вот действенный метод.

— Голова болит, — пожаловался Фейн, глядя на меня трезвым грустным взглядом. — Ты чего дерешься?

— Слушай сюда, — велела я, оставляя вопрос без внимания. — Ты сейчас спустишься со мной в подпол и поможешь раненого на поверхность вынести. А потом нужно сбегать в замок и привести стражников.

— Ленута, ты с дуба, что ли, рухнула?

— Денег дам, — посулила я. — Сколько там за меня обещали? Сто флоринов получишь.

Атаман рассеянно поглядывал по сторонам и следовать за мной не торопился. Да уж, с

таким помощником и врагов не надо. Я резко вдохнула воздух. Ночной ветерок донес до меня густой запах тления.

— Штаны надень, ёжкин кот! — бросила я через плечо и побежала вперед.

Часовая башня арадского замка возвестила об окончании тринадцатого дня Травяной луны глухим колокольным звоном. С последним ударом скрипнула калитка западных врат, выпуская наружу закутанную в темный плащ фигуру. Дозорный проводил ее мечтательным взглядом и удалился продолжать обход, позвякивая потяжелевшим за время дежурства кошельком. Через оговоренное время он вернется на это же место, чтоб снова открыть калитку и получить вторую часть mzды. А пока вояке предстояло, чеканя шаг, нести свою нелегкую службу. И вспоминать терпкий запах цветочных духов, разлившийся в воздухе, когда холеная женская ручка на мгновение показалась из складок плаща.

Темная фигура уверенно поднималась по тропинке к вершине холма. Дорога была свободна. По ночам работы не велись. На закате поденщики отправлялись в дощатые бараки — отдыхать и набираться сил, а трисветлые братья собирались в общем шатре для обрядов и камланий, ибо истинно верующим не нужен сон. Серебристо светила луна. Фигура обогнула разрытую яму котлована и приблизилась к полотняной завесе.

— Кто посмел? — нарушил тишину змеиный шепот. — Кто? Кто посмел?

Гостя не ответила. Протянув руку, она вывела на тканой поверхности знак из трех исходящих из одной точки линий, которые сразу же замерцали холодным зеленоватым светом. Вопрошающий шепот захлебнулся и стих, как затухает залитый водой костер. Полог раскрылся, и загадочная посетительница юркнула внутрь вещунского шатра.

Разгромленный двор кишмя кишел народом. Ратников набежало — не протолкнуться. Уж не знаю, чего им там Фейн наплел, но Драконья свора была на месте впереди отряда городской стражи. Михай Димитру прохаживался с деловым видом, отдавая приказы и время от времени косясь в сторону конных носилок, которые должны были транспортировать в замок тело его господаря. Запрокинутое лицо Влада в свете луны казалось отлитым из серебра. Мне пообещали, что с ним все будет хорошо, мне пообещали... Всклипнув, я присела у забора на корточки и уставилась в пространство невидящим взглядом. По лицу текли слезы, но сил смахнуть их уже не было.

— Ты чего реवेशь? — примостился рядышком Фейн, теперь щеголявший в коричневом казенном плаще. Что еще он успел стащить под шумок, мне даже и думать не хотелось.

Я всклипнула:

— Стешу жалко-о-о!

Я как наяву увидела ее, взлохмаченную и раскрасневшуюся, сбегающую по смородиновому крутояру, вспомнила лукавый взгляд васильковых глаз, задорный смех, наши немудреные девичьи развлечения в той, прошлой жизни, и разревелась пуше прежнего.

— Плакса. — Свой вывод атаман подкрепил дружескими объятиями. — От всего-то у вас, девок, глаза на мокром месте. А убиваться, если по уму рассудить, и нечего — ты-то жива-здорова. Считай, чудом под раздачу не попали.

Он гладил мои волосы, шептал все эти благоглупости таким уверенным тоном, что я пихнула вовкудлака в теплый бок:

— Она же молодая совсем была, вся жизнь впереди... А посмотри, как оно стало!

Стражники как раз выносили на двор тела, укладывали их рядком, прикрывали неподвижные лица рогожками. От рутинной привычности их действий меня пробрал озноб.

— Да какая же это жизнь, — продолжал атаман, покрепче обхватив мои плечи, — приживалкой при разбойниках? Она-то мечтала ведьмину силу взять, мужиками командовать, потому под Щуру и стелилась. А конец у нее — что так, что эдак — один был, скорбный. Под забором бы померла лет эдак через пяток — у таких шмар век недолог.

— Скотина ты, Фейн! — с чувством припечатала я, вскочив на ноги. — Она тебя любила, а ты...

— Не знаю я никакой любви, — легко ответил разбойник. — Да и у тебя, как погляжу, с этим делом не особо. Жених-то твой соколом прилетел, только я сказал, что ты господаря ухайдокала, а ты ему и полсловечка не сказала.

— Ч-чего?

Я хватала ртом воздух, пытаюсь осмыслить только что услышанное. Кем оказался мой незадачливый охранник, я от атамана не скрывала, здраво рассудив, что так он активнее за подмогой побежит.

— Ты Михаю про ракшаса ничего не передал?

— Во-первых, я это мудреное слово забыл, как только от тебя отвернулся, а во-вторых, сама подумай: кто тебе, бедовой, поверит? В трактире сидели втроем, только ты с господарем куда-то ушла, а потом появляешься, как гром среди ясного неба, и начинаешь нелепицы городить...

Я заехала ему в ухо.

— И дерешься почем зря, — закончил атаман, потирая пострадавшее место. — А кто твоего «шаса», кроме тебя, видал?

Моих ноздрей коснулся навязчивый мускусный запах.

— Вещуны близко.

Фейн вскочил и жарко зашептал мне в лицо:

— Давай сбежим, кареглазая, пока не началось! Я ходы знаю разные, махнем через забор — только нас и видали. На тракт через кордон переберемся, а там...

— Что там?

— К морю двинем. Я же тебе про свою мечту рассказывал.

Я покачала головой:

— Нам не по пути.

Атаман меня не слушал:

— Ты же господ благородных знаешь, им главное — виноватца найти. Ты как раз крайней и окажешься. Думаешь, кто-то будет ждать, пока господарь в себя придет и скажет: кого казнить, кого миловать? Брось, Ленута. Пока его на ноги поставят, от тебя только горстка пепла и останется. За костром дело не станет, боярин Димитру на расправу скор.

Я молчала. Через плечо Фейна мне было видно, что к нам приближается вышеозначенный боярин в сопровождении высокой, закутанной в плащ фигуры.

— Ты только представь — бескрайнее море, крики чаек, соленый ветер в лицо...

Горячие руки атамана схватили меня за плечи.

— Решайся, кареглазая!

Я резко оттолкнула искусителя:

— Нет...

Несколько долгих мгновений разбойник испытующе смотрел на меня.

— Ну как знаешь! — бросил он наконец и немедленно растворился в ночной тени.

Я осталась одна. Жалеть себя или предаваться мечтам о том, как здорово было бы принять предложение молодого разбойника, времени не было. Михай со спутником были уже буквально в двух шагах. Я вздернула подбородок. Что сделано, то сделано, время обратно не повернуть. Очень захотелось рычать, как обычно делала Дарина на пороге трансформации.

— Ленута Мареш? — хорошо поставленным баритоном спросил темноволосый господин с бородкой клинышком.

Я кивнула, решив не умножать сущностей без необходимости и не уточнять, кем являюсь на самом деле. Рассмотрев поближе дорогое серебряное шитье на плаще моего собеседника, я с облегчением убедилась, что вещуном он не был.

— Вы отправитесь с нами в замок.

— В каком качестве?

Я пыталась поймать ускользающий взгляд Михая. Однако боярин Димитру кусал губы и смотрел куда угодно, только не на меня. Ай да братец Волчек! Я тяжело вздохнула. Значительное лицо темноволосого господина выражало бездну отеческого сострадания.

— В качестве свидетеля преступления, деточка. Для дальнейшего разбирательства.

Деточка! Надо же! А неплохо бы узнать, что за птица такая этот неожиданно нарисовавшийся «папаша».

— С кем имею честь?

Господин не ответил. Очень трудно отвечать с отвисшей чуть не до пупа челюстью. Он что думал, я кукла бессловесная?

— Мэтр Луиш Мария де Нагейра — главный арадский маг, — пришел на помощь спутнику Михай.

Понятно! Слыхали мы про этого господина. Видеть до сих пор не приходилось. Он, опять же если верить слухам, все время в своих покоях проводит — за раздумьями да опытами магическими. Значит, вон та загогулина у ворота — знак земли, ибо мэтр Нагейра — адепт именно этой стихии. Я чуть не подпрыгнула, пытаясь поближе рассмотреть рунное шитье. Маг испуганно отшатнулся.

— Ленута! — строго прикрикнул вовкудлак, не разделив моей любознательности.

Повинуясь жесту начальника, за моей спиной выросла пара дюжих молодцев в воинском облачении.

— Михай! — почти закричала я, поняв, что разговаривать со мной вообще никто не собирается, что все выводы уже сделаны, и сделаны не в мою пользу. — Вещуны призвали ракшаса, высшего демона...

— Мы после во всем разберемся, — едва шевелил губами боярин. — Мэтр Нагейра проведет дознание.

Мне показалось, что течение времени вокруг меня замедлилось. Движения окружающих сделались смазанными и неторопливыми. Мускусный запах уже невозможно стало терпеть. Вещуны были рядом, их было много, но я их не видела. Пара гнедых, запряженных в носилки, медленно перебирала копытами, в выпученных глазах лошадей застыло безумие. Я прищурилась. Над телом господаря сгущалась бледная полупрозрачная субстанция, из марева показались длинные хищные руки.

— Ёжкин кот! — заорала я, сдергивая с перевязи ближайшего ратника меч. — Врешь, не возьмешь!

В два прыжка я подскочила к носилкам и изо всех сил рубанула мутное колдовское облако. Раздался чавкающий звук, я выдернула оружие из вязкой жижи и снова ударила сплеча. В лицо летели брызги, пахло уже не мускусом, а свежей кровью. Я рубила и колола с каким-то остервенением, опасаясь только, что у меня отберут меч до того, как я завершу начатое. Запястье хрустнуло, руку пронзила острая боль. Я взвыла. Облако, теперь похожее на комок грязного молочного киселя, плюхнулось на землю, выпустило десяток коротких лапок и с проворством таракана ринулось прочь.

— Убей! — прокричала я. — Убей!

Клич Драконьей своры вознесся к небесам, разбивая оцепенение. Время, будто намерстывая задержку, понеслось вскачь. Звон оружия, крики, звериное рычание. Огромный серебристый волк Михай Димитру вел стаю. Колдовская тварь подпрыгнула и распалась на мириады крошечных полупрозрачных жучков. Я перекинула меч в левую руку.

— Ленута Мареш, вы арестованы! — Голос мага вибрировал от негодования. — Оставайтесь на месте!

— Всенепременно, — глумливо ответила я, устремляясь в погоню, и по щиколотки провалилась в землю, как в сугроб.

Мэтр Луиш Мария де Нагейра подошел ко мне, сжимая в руках янтарные нити силы.

— Это были вещуны, — не успокаивалась я. — Под западным холмом у них божница! Ох!

Проваливаться по пояс было еще и больно. Глаза мага отсвечивали красным.

— Смешная девчонка...

— Храм надо оцепить, иначе уйдут...

Земля уже поднималась до подбородка.

— Ты усиливаешь чужие магические способности? — склонился надо мной маг. — Каким образом?

— А вот таким! — Я от души плюнула в холеное лицо. — Тебе не мало?!

Маг брезгливо вытер щеку, и над моей головой сомкнулась земля.

Трактир «Приют бастарда» был пуст. Почти пуст. Мягкий свет масляных ламп выхватывал одинокую сгорбленную фигуру, примостившуюся на лавке у углового стола. Скрипнула дверь. Сидящий поднял голову.

— Доброй ночи, домна Мареш. Какими судьбами?

Женщина осторожно приблизилась, кожа воинского облачения едва слышно поскрипывала в такт шагам.

— И вам не хворать, достопочтенный. Предложите даме выпить?

— Разве что дама согласится пить из моего стакана. Как видишь, он у меня один.

— Почту за честь. — Женщина легко присела напротив. — Заодно узнаю, какие мысли в голове боярина Димитру обитают.

— Примета верная, — кивнул Михай. — Угощайся.

Дарина едва пригубила напиток и отставила чарку в сторону:

— Почему людей нет?

— Так облава же была. Четыре квартала оцепили. Думаю, казематы замка сейчас переполнены сбродом.

— Ленута?

— Тоже арестована.

— За что?

— А что мне было делать? — начал заводиться Михай. — Влад без сознания, в доме полно трупов, а девчонка от силы аж искрится. Я же помню, как она на Влада в охотничьем домике набросилась и неизвестно, что бы с ним сотворила, если бы я не подоспел! Я так магу и сказал. Опасная она, непредсказуемая. Ты бы видела, как она с мечом на какую-то туманную тварь набросилась! Одно слово — безумица.

— погоди, — мягко проговорила Дарина. — Ленута — моя воспитанница, я за нее отвечаю. Давай ты мне по порядку расскажешь, как дело было.

Это предложение боярин принял с радостью. Желание выговориться, разделить с кем-то ношу явственно читалось на его усталом лице.

— Господарь смылся, как только о смерти отца узнал, а княжество на меня оставил. Тут же всем мое присутствие понадобилось. Иветта визжит как резаная — утешения и поддержки требует, вещуны прискакали — вынь да положь им работников для возведения храма, договором перед моим носом трясут, угрозы всякие лопочут. А под конец мэтр Нагейра с башни спустился. Магическое возмущение засек, срочно требует отряд для расследования ситуации.

— А ты что?

— Дарина, я воин, а не царедворец. Пока с обмороками Иветты разбирался, ребята какого-то бродягу привели, он-то нас на Воронью слободку и вывел. А там покалеченный Влад, безумная девчонка, мертвяки. Кстати, ты вообще какими судьбами в Араде появилась?

Дарина задумчиво наклонила голову:

— Сон мне был вещий. Явилась старуха, ведьма рутенская, велела за Ленутой присмотреть. Да так велела, что я немедленно проснулась и отправилась на помощь. Как оказалось, не зря. А что ты там про какую-то туманную тварь рассказывал?

— Маг говорит, это все ленутины штучки — эманации магические. Она сначала эту заразу вызвала, потом в капусту покрошила и заставила нас за ней по всему городу гоняться. — Тут Михай густо покраснел и придвинул к себе чарку. — Когда клич Драконьей своры обращен к луне, мы себя уже не контролируем.

— А про клич заветный девица откуда проведала?

Вовкудлак опрокинул в себя содержимое чарки и еще больше покраснел:

— Ты же ее знаешь, и мертвого разговорит.

— Понятно. — Дарина устало опустила подбородок на сплетенные пальцы. — Ну и как охота? Перегрыз глотку туманной зверушке?

Михай покачал головой:

— Там глупо все получилось. Ленута мечом рубанула, тварь рассыпалась на сотню более мелких, а за ними гоняться все равно что за клопами — всех не передавишь.

Собеседники немного помолчали, каждый думая о чем-то своем. Дрожало пламя масляных светильников, за окном выводила трели ночная птица.

— Как ты меня нашла? — вдруг спросил Михай, бросив исподлобья быстрый взгляд.

— Сердце подсказало, — хмыкнула Дарина. — Я сначала в замок отправилась. А там — дым коромыслом. Никто ничего про Ленуту не знает, зато слухи носятся самые противоречивые. Кто-то из твоих ребят меня сюда и отправил. Заперся, говорят, боярин в опустевшем трактире, думы думать да горе заливать... Ты же понимаешь, что девочка не виновата? Ее нужно было сразу же расспросить о происшедшем.

— Да неужели? Мы пока за туманными паучками гонялись, Ленута напала на мэтра Нагейра. А ты говоришь, не виновата!

— Как напала?

— Как помешанная. Ему пришлось ее под землю загнать, чтоб поостыла маленько.

Дарина утробно зарычала:

— Если она пострадала, если хоть один волос упал с ее головы, и ты, и твой маг за это поплатитесь!

— Жива-здорова твоя воспитанница, — грустно ответил Михай. — Мы вовремя вернулись, еще до того, как она задыхаться начала. Хорошо еще в сарае лопаты нашлись.

— А чего ж ваш землерой свое заклятие назад не повернул?

— Я в магических делах не силен, я воин, а не...

— Не царедворец, — глумливо закончила тираду вовкудлака Дарина. — Ты уже об этом говорил. Отпусти девочку, по-хорошему прошу.

— Не выйдет.

— Почему? Твое слово сейчас главное.

— Потому что есть еще маги и вещуны, а господарь при последнем издыхании, и неизвестно, смогут ли его к жизни вернуть.

— Допусти меня к ней — поговорить.

— Не могу. До суда она не должна ни с кем видаться. Потому что есть законы. Не мною те законы писаны, не мне их и преступать.

Глаза домны стали пустыми и безжизненными.

— Если ты, Михай Димитру, не поможешь мне, я разорву вассальную клятву, и мне плевать, к каким последствиям это приведет.

— Ты не можешь.

— После смерти отца я номинальная глава клана, так что, Михай, хорошенько подумай, прежде чем супротив идти.

Она резко встала, оправив на бедрах перевязь, и пошла к выходу.

— Куда ты? — Голос боярина Димитру был жалок.

— Подальше отсюда!

Хлопнула дверь. За столом в уголке осталась сидеть одинокая сгорбленная фигура.

Как гласит старинная рутенская пословица: «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». Ну суму-то у меня отобрали, прежде чем в кутузку упечь, а тюрьма вот она, во всей красе — сырой каменный мешок с окованной дверцей. Три шага прямо, два шага налево, поворот — и опять три да два. Благодать, ёжкин кот! И развлечений хоть залейся. Хочешь — шагами узилище меряй, хочешь — валяйся на соломенной подстилке в уголке, а хочешь — вообще спи, сил перед очередной проходкой набирайся. Ну можно еще прислониться лицом к зарешеченному дверному окошку и, скосив глаза, увидеть копать на стенах коридора и краешек алебарды стражника.

— Служивый, — жалобно тянула я, просунув сквозь прутья решетки кончик носа. — А кормить заключенных у вас принято?

— Разговорчики! — прикрикнул охранник, судя по голосу, дядька в летах.

— Конечно, разговорчики, — радостно подхватила я беседу. — А иначе ты б услышал, как у меня в животе бурчит. А чего у нас сегодня на «пожевать» намечено или правду люди сказывают, что хлеб да вода — тюремная еда?

Охранник молчал. Подумаешь, какая цаца! Не очень-то и хотелось. Все равно ему с поста никуда не деться, так что если не собеседник, то уж слушатель постоянный у меня имеется.

— А кушать надо регулярно, — наставительно продолжала я. — Чтоб кишки не слиплись. И разнообразие в блюдах тоже приветствуется. Я еще когда с бабушкой в Рутении жила, у нас всегда на столе разносолы были, и мясное раз или два в седмицу, и крупы всяческие, и молочко, и сыр, и яички. Я больше всего сыры уважаю, и рассыпчатые творожные, и пахучие твердые. С рубленой зеленью чтоб да с краюхой свежего хлеба, да взваром сладеньким вприхлебку.

Рот наполнился слюной, я сглотнула.

— А ежели у вас заключенных кормить не в обычае, чем же питаться прикажешь? Крыс ловить? Служивый, тут крысы водятся? А готовить их умеешь?

Стражник хмыкнул. Разговор начинал налаживаться.

Мэтр Нагейра устал просто до фиолетовых драконников. Неожиданный приток силы нарушил что-то в его тонкой организации, сбил настрой. Однако отдыхать было еще не время. Сначала дела. А потом его голова коснется подушки, и благодатный сон...

— Как это понимать? — Высокий женский голос вывел мага из подступающей дремы. — Мои горести оставляют вас равнодушным?

— Тысяча извинений, моя госпожа, — смиренно проговорил мэтр, изящно скрыв зевок раскрытой ладонью. — Удар судьбы, постигший нас со смертью вашего супруга, оставил кровавую рану в моем сердце.

Иветта удовлетворенно кивнула. Ее слегка опухшее от слез личико посветлело.

Аудиенция проходила в покоях княгини, в комнате, носящей название Розовая гостиная. Символика расцвета жизни, томной зрелой красоты прослеживалась во всех элементах декора: от шелковых драпировок, изогнутых линий позолоченной мебели до заполненных цветами ваз. По случаю траура розы, доставленные сюда из оранжереи, были всех оттенков желтого — цвета печали. То, что желтый при этом великолепно оттенял светлые волосы Иветты Лузитанской и ее кремовую кожу, было не более чем совпадением.

— Ну вот, — шмыгнула носиком хозяйка, — теперь я вдова, одинокая и беззащитная, а единственный человек, который мог мне чем-то помочь, мой возлюбленный сын, мой Влад...

Не в силах справиться с чувствами, бедняжка разрыдалась.

Мэтр Нагейра вскочил с кресла и протянул княгине флакончик с нюхательной солью:

— Лекари делают все возможное, чтобы Дракон поскорее пришел в себя.

— У них что-то получилось? — быстро спросила вдова. — Ему лучше?

— К сожалению, нет, — ответил мэтр, вызвав новую волну рыданий. — Но...

— Ах, оставьте! Мои бедные мальчики остались без отца, я одна, одна в этом большом страшном мире! А теперь и Влад мертв, или почти мертв. И кто в этом виноват? Какая-то валашская крестьянка разрушила мою жизнь! Ее казнили?

— Боярин Димитру настаивает на дознании, — слегка озадаченный резкой сменой разговора отвечал маг. — Затем последует суд...

— Какая глупость! Немедленно сжечь ведьму! Йохана! Вели готовить мне

церемониальные одежды. — Нежная ручка княгини схватила серебряный колокольчик и энергично им встряхнула. — Я выйду к народу, я плюну ей в лицо, я...

Личико Иветты исказила ненависть. Стали заметны глубокие носогубные складки и сеточка морщинок на тонкой коже век.

Мэтр Нагейра подбирал слова с максимальной осторожностью:

— Насколько мне известно, в дело вмешался любовный интерес — господин Михай разыскивал девчонку как свою невесту, он заинтересован в том, чтоб открылась правда.

— Мне не нужна правда! — бушевала вдова. — Мне нужна помощь, защита и чтоб мерзавка сдохла в страшных мучениях!

Иветта, задыхаясь, откинулась на кушетку. Неслышно вошла приживалка, с укоризной взглянула на мага, будто только он был виновен во всех бедах ее хозяйки.

— Досточтимому мэтру лучше удалиться, — прошелестела, присев в глубоком поклоне. — Госпоже Иветте надо отдохнуть.

Мэтр де Нагейра с непередаваемым облегчением покидал Розовую гостиную, не забыв придать лицу скорбное выражение.

Убить, сжечь, колесовать... Еще чего! Девочка нужна ему самому. Причем живая и до поры до времени здоровая. В конце концов, как говаривали в его родной деревеньке еще до того, как седьмой сын мелкопоместного дворянчика Луиш Мария отправился постигать науки в Квадрилиум, «Cada um rixa a brasa para a sua sardinha». Каждый двигает угли к своей сардине.

— Я даже испугаться толком не успела... Вот только-только под слоем земли очутилась, как мне лопатой ухо чуть не отчекрыжили. Боярин Димитру очень уж спешил меня раскопать, — заканчивала я примерно через час описание своих злоключений. — Это еще хорошо, я быстро орать перестала, а то бы полный рот земли был. У меня до сих пор из одежды комья сыплются.

Я подпрыгнула в доказательство своих слов, в воздух поднялось пыльное облачко. Йоска неодобрительно покачал головой:

— Круто с тобой обошлись.

— Вот-вот, и главное, ни за что. — Я обхватила губами соломинку, через которую сердобольный охранник поил меня ягодной брожулькой из личной фляжки. — Я же не лиходейка какая.

Сама фляжка через решетку не пролезла, поэтому пришлось потрошить соломенную подстилку. Есть все равно хотелось. Ржаной сухарик, разломанный Йоской на маленькие кусочки и скормленный мне, только раззадорил аппетит.

Йоска вообще оказался дядькой весьма обходительным и свойским. Годков ему было под пятьдесят, а хитринка в светлых глазах выдавала в нем мужика не простого, а себе на уме.

— Попала ты, девка, как кур в ощип.

— Еще побарахтаемся, — не соглашалась я. — Когда там, говоришь, суд будет?

— Ты не суда бойся, а дознания. Суд-то чего — разговоры всякие да крючкотворства, а вот когда до пыток дело дойдет...

— Меня, что ли, через палача в судилище поволокут?

— Никто ничего толком не знает, только мой внучатый племянник, который полотером при замке подвизается, сказывал, что маг к себе на аудиенцию главного кнутобоя кликал.

— И чего? — дрожащим голосом спросила я. — О чем говорили?

— Откуда ж нам знать, как господа промеж собою беседуют? Мы люди маленькие.

— Брось, в жизни не поверю, что никто из «маленьких» к замочной скважине не прислонялся.

Йоска пожевал губами:

— Три дня дознаваться будут. Сегодня на вечерней зорьке начнут. И велено у ведьмы прознать не только то, как она господаря жизни лишала, а и про скрытые той ведьмы таланты.

Я на минуточку задумалась. Кажется, досточтимый мэтр Нагейра излишне мной заинтересовался. Усиление чужих способностей? Как? Не знаю, ёжкин кот! И под пытками мне этот вопрос не прояснится.

— Ты, Ленута, раньше времени всполошилась, — видя мой испуг, проговорил стражник. — Люди сказывают, у палача с Нагейрой непростой разговор был. Нет меж ними дружбы и доверия, так что кнутобой из шкуры лезть ради мажеской прихоти не собирается.

— Сам-то не вылезет, а с меня спустит, — попыталась я отшутиться.

— Он тебя подручным передаст.

— И чего?

— А они, как мы, — люди маленькие, с ними и договориться попроще.

— Денег, что ли, посулить?

— Чего сразу денег? — испугался Йоска. — Побеседовать по-человечески, душу излить... Никто у нас ни мага этого земляного, ни вдовицу романскую, которая всем заправлять ринулась, не любит. Так что простой народ на твоей стороне будет, не сомневайся.

— А ежели докажут, что я на жизнь и здоровье господаря покушалась?

— Ты? — хохотнул стражник. — Малявка от горшка два вершка? На Дракона?

Я вежливо переждала смех собеседника.

— Иветта Лузитанская в Араде? — спросила я, немного помолчав.

— В Романии сейчас неспокойно, туда возвращаться опасно.

— А Влад? Он очнулся?

— Невестка у меня в горничных при замке служит. Так она сказывала, лекари руками разводят. Вроде жив господарь и повреждений никаких не обнаружено, а в себя не приходит. Вот такие дела...

Мы еще немного посплетничали со словоохотливым Йоской, обсудив непростую политическую ситуацию, перспективы засева злаков и новейшие рецепты приготовления мамалыги. Фляжка опустела, меня начинало клонить в сон.

— Давай-ка, девка, на боковую отправляйся, — велел стражник. — Тебе к вечеру отдохнуть надобно.

Я широко зевнула, попрощалась с кормильцем и устроилась на соломенной подстилке.

Место казалось мне знакомым. Нет, не место — пространство. Изогнутые хрустальные стены смыкались высоко над головой, под ногами посверкивала выложенная камнями дорожка. Изнанка? Сон. Стекланный лабиринт тянулся, казалось, бесконечно. Я сначала считала повороты, потом бросила это занятие, сворачивала каждый раз направо и

просто бездумно шла дальше. Каблочки слюдяных туфель отщелкивали шаги, шуршал подол голубого франкского платья. Во сне я была одета так же, как на балу в Стольном граде, когда кудесница Инесса превратила маленькую рутенскую крестьянку в знатную госпожу. В лицо пахло свежестью, лабиринт закончился. В центре огромного зала, подвешенный серебряными цепями к потолку, покачивался хрустальный гроб. Я приблизилась. В домовине лежал Влад. На обнаженной груди поблескивал иней, глаза были закрыты, только легкое облачко пара, поднимающееся от губ, говорило о том, что он еще жив.

— Чего уставилась? Голых мужиков не видала? — вывел меня из созерцания писклявый голосок.

— Не видала, — честно ответила я маленькой темноволосой девчонке, появившейся передо мной будто ниоткуда. — А ты, что ли, денежку за просмотр собираешь?

Малышка, одетая в желтую рубаху и сарафан, притопнула ногой, косицы потешно подпрыгнули:

— Пошла прочь! Я его охраняю и никому не отдам!

Ее карие глаза метали молнии, а личико кривила злобная гримаса.

— Тебя как зовут? — миролюбиво спросила я, приближаясь на шаг к собеседнице.

— Не твое дело, — гордо вздернула подбородок пигалица.

На минуту я перестала дышать. Да и нужен ли мне был воздух в этих сонных пределах? Я поняла, почему все здесь показалось мне знакомым. Влад нашел себе самого преданного, самого лучшего хранителя. Меня! Я глубоко вдохнула. Легкие обожгло морозом.

— Ты Лутоня, — уверенно обратилась я к девочке. — И тебе сейчас лет восемь-девять, не больше. И днем ты живешь с бабушкой в деревеньке Мохнатовка, что стоит на реке Смородине, по хозяйству хлопчешь, собираешь в лесу грибы да ягоды, а ночью...

— Откуда ты про все это узнала? — всплеснула руками малышка.

— Потому что я — это ты.

Она поверила мне сразу. Без слез, без сомнений. Умненькая девчонка. Мы сидели с ней на полу, поджав ноги, и беседовали:

— Я, когда просыпаюсь, почти ничего не помню, — говорила она, не забывая зорко поглядывать в сторону домовины. — Только глаза его синие. Он же иногда их открывает и смотрит, только молчит все время.

— А почему ты тогда решила, что должна его оберегать? И главное, от чего?

Малышка пожала плечами:

— Знаю, и все. Мы с ним одной ниточкой повязаны. Ты-то должна это чувствовать. А еще бывает со мной, как накатит что-то — тогда вообще все разумею, все умом обнять могу, будто он со мной так беседует. А проснусь — опять дура дурой, только в дочки-матери играть горазда.

— Ты выучишься, — утешила я ее. — Бабушку только слушайся да читай побольше. А как сила в тебе проснется, отправишься на волшебный мажий остров Элория — науки разные постигать.

— Ты оттуда сейчас ко мне явилась? — доверчиво спросила малышка.

Я густо покраснела. Врать самой себе не хотелось, а разочаровывать еще больше. Поэтому ответ у меня получился осторожным:

— Я пока в пути, все на другие дела отвлекаюсь. Но доберусь обязательно...

Под сводами зала разнесся низкий трубный звук. Мы испуганно вскочили.

— Кажется, мне пора просыпаться, — пробормотала я. Мне показалось, я расслышала среди раскатов свое валашское имя.

— Подожди, птица-синица, — велела девочка.

Цепкая пятерня схватила меня за подол. Глаза на запрокинутом личике горели нестерпимым синим светом.

— Найди артефакт, который Дракон собирал. Найди, пока враги на него лапу не наложили. В той вещи его жизнь и ваше спасение.

— Я даже не знаю, что это! — кричала я, уже уносимая прочь из зеркального пространства сна. — Хоть подсказку какую дай!

— Ну он же Кашей, наш с тобой суженый, — ответила девочка. — Вот и думай!

ГЛАВА 9

О господах и слугах

Для того дело тянется, что виноватый нравится.

Просыпалась я с трудом. Во рту поселилось поганое послевкусие ягодной брожульки, спина затекла. Ну кто тут меня на пытки отвести примеряется? Я, кряхтя, уселась на подстилке. Йоска колотил в дверь:

— Посетитель тут к тебе пожаловал. Впускать?

— А покушать чего мой посетитель с собой прихватил? — грозно зевнула я, чудом не вывихнув челюсть. — Я на голодный желудок пытаться не соглашалась!

Стражник хохотнул, звякнул ключ в замочной скважине, из открытой двери потянуло сквозняком.

— Гость в дом — радость в дом, — бормотнула я обязательное приветствие. — Поднос тут, в уголке, поставь.

Вошедший подобострастно повиновался. Я орлиным взором окинула ломти хлеба, сыр, колечко колбасы и вместительную калабашку с шапкой белой пены, и нечеловеческим усилием подавила в себе желание сразу все это выпить и съесть.

Йоска прикрыл дверь:

— Я на стреме постою...

— Вот так вот разложение и настигает государство. Сначала поварята с кухни сбегают, потом стражники на свои обязанности плюют. А следом что? Переворот? Развал власти?

— А давай мы тебя, Ленута, на княжество кликнем? — донеслось из коридора. — Ну пока господарь не в себе. Ты как раз девка подходящая, и колдовать горазда, и мысли казенные надумывать.

— Так я первым делом вас всех выпороть велю, чтоб неповадно было.

— А может, мы только твердой руки и ждем.

Нашу пикировку прервало робкое покашливание:

— Времени-то у нас не особо...

Я разъяренной кошкой обернулась к посетителю:

— Тебя, Томашик, я собственноручно уму-разуму учить буду. И приступлю прямо сейчас.

Поваренок спал с лица и, кажется, пошевелил ушами. Я попыталась сдернуть с пояса ремешок. Ага! Как же! Пояс у меня тоже отобрали, прежде чем в кутузку упечь. Похвальная предосторожность.

— Я тебя по всей Вороньей слободке разыскивала! Думала, пленили тебя. А ты тем временем, значит, в замке прохлаждался! — отвесила я огольцу подзатыльник. — И еще посмеивался небось.

— Не так все было, — заплакал Томашик, широко открыв рот. — Фейн меня отпустил, обещал, что тебе поможет.

— Рассказывай, — велела я, остывая и усаживаясь на подстилку. — С того момента, как мы с тобой к разбойникам сунулись.

Я отхлебнула из калабашки забористого духмяного квасу и принялась за сыр.

— Тебя в дом отволокли, — начал поваренок свою историю, — а я из кустов выбрался и перекинулся, чтоб ловчее к окнам подбираться. Хотел сначала подслушать, что внутри

творится, а потом уже за подмогой бежать.

— Очень разумно, — кивнула я. — А мысль о том, что может мелкий, вроде тебя, противопоставить десятку здоровенных лиходеев, тебе в голову не пришла?

— Я как лучше хотел, — насупился мальчишка. — Да и бегаю я побыстрее этих самых здоровяков. Меня когда заметили, знаешь, как я припустил? Так бы и убег, если б Фейн меня не догнал.

— Дальше что? — Восхищение, с которым поваренок говорил об атамане, мне совсем не нравилось.

— А потом была Щура, ведьма старая. И это было очень-очень страшно.

— Она тебя мучила?

— Ага... Обряды всякие проводила, хотела, чтоб я и душой и телом ей верен стал. А у меня и сил-то не было ей отпор дать...

Поваренок упал на подстилку и уткнулся лицом мне в живот. Вот честное слово, попадись мне сейчас валашская колдунья, я б ее по-новому на тот свет снарядила. Я обняла мальчишеские плечи, чувствуя, как по моему лицу стекают дорожки слез.

— Не плачь, Ленута, — принялся утешать меня зареванный Томашик. — Все равно у нее ничего не вышло, Фейн меня раньше спас.

Закаты и рассветы давно уже смешались для волчонка в одну бездумную хмарь. Сколько прошло времени, он не помнил. Хозяйка приходила несколько раз в день, отпирала ключом дверцу клетки и бросала на пол кусок какой-нибудь еды. Он выползал, уже даже не пытаясь встать на разъезжающиеся лапы, послушно ел, хлебал из миски мутную воду и ждал, какую пакость приготовили для него в этот раз. Клетка его стояла в старой заброшенной конюшне на другой стороне реки. Здесь витали запахи застоявшегося лошадиного пота и прелого сена, которое никто никогда не убирал. Поначалу Томашик еще надеялся, что его спасут. Бойкая Ленута ни за что не оставила бы его в таком положении. Потом и надеяться перестал. А однажды ночью произошло чудесное. Вслед за бряцанием ключей отворилась дверь, и в конюшню, ни от кого не таясь и освещая свой путь фонарем, вошел Фейн. Волчонок заскулил при виде атамана и испуганно попытался забиться в уголок. Разбойник накинул кольцо светильника на потолочный крюк и склонился к клетке:

— Давай, малыш, поднимайся, — скрипнула дверца, — я тебя до забора провожу.

Томашик взвизгнул, когда Фейн попытался ему помочь, ухватив за бок.

— Ты ранен?

Подхватив мохнатое тельце, атаман вытащил волчонка наружу и перевернул на спину.

— Так, так, — протянул задумчиво, рассматривая длинный разрез от грудины через живот. — Знакомая картина. В человека перекинуться можешь?

Томашик протестующее зарычал. Он все слышал, все понимал, но ответить не мог. Не предназначена волчья глотка для человеческих разговоров. Он очень-очень хотел перекинуться — при смене ипостаси любая рана на вовкулаке заживает в мгновение ока. В безуспешных попытках сокращались мышцы, учащалось сбитое дыхание... Еще чуть-чуть... Волчонок застонал, упал на бок и прикрыл глаза.

— Эх, бабка Щура, ведьма злобная, — бормотал атаман, высматривая что-то на стенах. — Время идет, а штучки твои не меняются. Хорошо, не одна ты по запирианиям в волчьем теле мастерица, а еще лучше, что встретился мне нужный человек, пояснил, как колдовство твое порушить. Так что я теперь ученый...

Томашику было совсем худо. Он понимал, что жизни в нем осталось всего ничего, на пару мгновений. Из пасти вываливались клочья пены, в груди горело, перед глазами

опускалась темная пелена.

— Так вот же он! — вскрикнул атаман, приближаясь к одному из опорных столбов. — Держись, малец, сейчас полегчает.

Разбойник ухватил за что-то, потянул на себя. Раздалось потрескивание, похолодало, в разные стороны полетели снопы голубоватых искр.

— Хэх! Накоса выкуси! — Фейн повалился на спину, сжимая в руке длинный охотничий нож.

По позвоночнику Томаша прошла первая волна трансформации.

Мне подумалось, что большинство людей гораздо глубже, чем кажутся, и что нельзя судить о человеке по первому впечатлению. Ведь каким представлялся мне Фейн поначалу? Жизнерадостным, но недалеким красавчиком, окаянником с большой дороги. Я припомнила, как сама заперала Фейна в человеческом теле, чтоб предотвратить насилие.

— Когда это все произошло?

Томашик посчитал на пальцах, задумчиво глядя в потолок:

— Ну я уже дня два как в замок вернулся. Всем сказал, что в деревню к мамке бегал. Меня сначала выпороть хотели, а потом дядька Григор сжалился.

Понятно! Получается, когда я пыталась договориться с атаманом, выторговывая у него свободу поваренка, мальчишка был уже в безопасности.

— А почему боярину про меня сразу не сообщил?

— Фейн сказал, сам разберется. Хочешь, шрам покажу? — суетливо вскочил Томашик, не желающий со мной на скользкие темы беседовать.

Он задрал рубашонку до подбородка. От живота к подмышке тянулась бледная линия. Видала я похожую отметину. Значит, вот как Шура сумела себе Фейна подчинить. Непроста была покойница.

— Атаман говорит, на всю жизнь теперь метка останется, — с гордостью тарахтел поваренок. — Мы теперь с ним навроде кровных братьев...

— А чего ж твой братец любезный тебя в замок направил, а не к себе в банду взял?

Поваренок осекся:

— Ну понимаешь, тут...

— Шпионить? — грозно нахмурилась я. — Воровать?!

— Он сказал, пока ведьма при власти, мне к ним в компанию ход заказан. Мы хотели вместе к морю выбираться, у него мечта есть...

Про Фейновы устремления я и так знала, поэтому, особо не вслушиваясь, продолжила трапезу. Тюрьма тюрьмой, а обед по распорядку.

— Ты, Ленута, не бойсь. Фейн — он знаешь какой? Мужик сказал, мужик сделал! Он обязательно поможет.

Видали мы таких помощников! Хотя, конечно, дружеское участие мне не повредит.

— Ты Дарину видел? — спросила я поваренка. — Домна Мареш в Араде не появлялась?

— Не было вроде. А чего передать?

— Заканчивайте лясы точить! — прикрикнул из коридора Йоска. — Обход скоро.

— Просто расскажи ей, в каком я положении оказалась, может, она придумает, как мне из тюрьмы выбраться.

Томашик послушно кивнул, собрал опустевшую посуду и юркнул в приоткрытую стражником дверь.

Пыточная на меня особого впечатления не произвела. Во-первых, мне было о чем подумать, кроме измышлений о том, к каким из вбитых в стены крюков меня будут прикручивать и какими из раскаленных на жаровне щипцов за что потянут. А во-вторых, хитрые серые глаза в вырезах палаческой маски напоминали мне одного знакомого стражника. И я готова была последние портки поставить, что предусмотрительный Йоска, проводивший меня до самых дверей экзекуторской, передал меня с рук на руки кому-нибудь из своих многочисленных родичей. И мысли мои сейчас были даже не о пострадавшем ни за что Томашике и не о моей названной сестрице, а о том, что сказала мне маленькая рутенская девочка в хрустальном сне.

Обстановка к размышлениям располагала. Красноватые отблески пламени выхватывали из темноты какие-то лавки с потертými ремнями для рук и ног, массивное кресло с креплениями, видно для этих же целей. На потолке болтался пучок цепей с кандалами и шипастыми ошейниками. Я хмыкнула, оглядев все это великолепие, и вежливо поздоровалась. Пахло раскаленным металлом. Палач растерянно переминался с ноги на ногу. Я, четко впечатывая шаг, пересекла пыточную и уселась в кресло. На щиколотках сами собой защелкнулись захваты. Я пошевелила ногами, прикинув, что, если что, свободно смогу выскочить из сапог, и благожелательно кивнула:

— Приступай.

Палач откашлялся:

— Признаешь ли ты, Ленута Мареш, — начал он заунывно, — злоумышления супротив господаря нашего...

«Ёжкин кот! Как же мне быть? Как отыскать вещицу, которую Влад собирал? И что это вообще может быть? Маленькая Лутоня говорила — он Кашей, от этого и плясать надо. Что я вообще про кашеев знаю? Бабушка рассказывала, что так когда-то назывался страшный Черный бог — покровитель зимы, тьмы и смерти.

На что Кашей ни взглянет — все вянет. Он на Птиц посмотрел — птицы смолкли в лесах, Над травой пролетел — и засохла трава. На скотину взглянул — повалилась скотина...

И цвета его были черный да серебряный. А еще благоволил он к одному людскому племени, затерянному в холодных северных горах. В те незапамятные времена, когда деревья были большими, а моря — маленькими, враждовали между собой народы яггов и кашеев.

И что мне это дает? А ничегошеньки. Разве что понятно, почему моя бабушка так Влада ненавидит. Память предков, не иначе. Кстати, почему он Дракон? Не потому ли, что Чернобога называли еще Черным змеем?»

— Так злоумышляла или нет?!

Крик палача заставил меня вздрогнуть и мелко затрясти головой:

— Ни в чем я вины своей не признаю. И стоять на том буду твердо!

«А еще была старинная легенда о том, что напал как-то Кашей на Ярилу, бога земледелия, и обратил того в зайца колдовством своим поганым. Заяц, утка, игла... яйцо».

— Слушай, — обратилась я душевно к заплечных дел мастеру. — А в Валахии есть какие-нибудь приметы, связанные с яйцами?

— К-какими яйцами?

— Куриными, не человеческими же. — Двусмысленность своего утверждения я решила не замечать. — Например, в Рутении в самую долгую ночь в году нужно раздавить в ладони яйцо, чтобы беда стороной обошла.

— Нет у нас такого обычая, — тихонько пробормотал палач, косясь куда-то в угол. — А вот ежели яйцо в хлеву, например, спрятать, то, пока оно будет целое, и приплод у скотины хороший будет, и про болезни можно будет забыть. Ну и от пожаров помогает, и вещи утерянные искать.

Я проследила за его взглядом. У самого потолка в уголке, где сходились тесаные каменные стены, поблескивал медью широкий раструб. Ёжик кот, ну надо же быть такой некумекой! Сразу не могла сообразить, что нас подслушивают? Я вопросительно подняла брови, серый глаз в разрезе маски мне подмигнул.

Палач подошел к жаровне, провел пятерней по рядам щипцов с длинными ручками. Звук получился угрожающим. Я всхлинула:

— Не виноватая я!

Раскаленные щипцы плюхнулись в бадейку с водой, к потолку с шипением поднялось облако пара.

— А-а-а! — поддержала я представление. — Больно-о-о!

Дальше покуражится не получилось. В экзекуторскую ввалился в дымину пьяный боярин Димитру. Палач, схлопотавший прямой удар в челюсть, благоразумно уполз за лавку. Михай, ругаясь и потряхивая выбитым запястьем, подскочил к моему лобному месту и с воплем: «Прости меня, девочка!» — рухнул на колени.

Девочка была готова все простить прямо сейчас и кому угодно, если бы благородный спаситель в пылу раскаяния не попытался отпереть ножные захваты. Металлические кольца с лязгом поддались, чтоб еще плотнее обхватить мои щиколотки. Я взвыла, на этот раз не понарошку, и мстительно скрутила отрезвляющий кукиш. А чтоб неповадно было в пьяном виде к девицам врываться и от важных дум их отвлекать! Будущий вечный трезвенник поднял на меня грустные глаза:

— Тебе больно, птица-синица?

Я опустила руку и откинулась в кресле:

— Не нужно меня так называть... Свое что-нибудь придумай.

— Вот и Влад мне так говорит, — забормотал Михай, поднимаясь. — Рожу презрительную скорчит и давай вразумлять.

Боярин Димитру обходил пыточную по большому кругу, будто разыскивал какую-то вещь.

— Придумай, говорит, что-то свое...

Искомый предмет оказался деревянной тесаной лавкой. Временный правитель Валахии улегся на нее, закинув руки за голову.

— А что я придумаю? Я и птиц-то с пяток всего знаю. Курицу знаю, сойку и эту, как ее... Выпь! Курица — жмурится, сойка — спой-ка, выпь...

Богатырский храп сотряс помещение.

— А выпь-то чего? — негромко спросил палач, выбираясь наконец из-под лавки.

— Наверное, сыпь... — вслух подумала я.

— Ладно получается, — одобрил он, — выпь-сыпь, напевно очень.

У меня на этот счет было свое мнение, но мужик осторожно отстегнул ножные кольца.

— Меня зовут Нелу. — Маска съехала в сторону.

Палач был молод, лет двадцати, наверное. Широкоскулое курносое лицо его выражало сосредоточенность.

— Будем считать, что на сегодня работа закончена.

— Как скажешь, — с готовностью ответила я. — А кому ты должен был о результатах доложить?

— Ему, — кивнул палач в сторону Михая. — Вот проснется...

Нелу потер подбородок. Ссадина, оставленная драчливым боярином, слегка кровила.

— Подлечить? — Я прикоснулась ладонью к его скуле, подушечки пальцев привычно закололо. — Я же ведьмой деревенской раньше была, могу зашептать, чтоб заживало быстрее.

Парень принял мою помощь с благодарностью. Через несколько минут на его коже остался только розоватый след.

— Что с боярином делать будем? — вытерла я руки одолженной тряпицей и присела на краешек скамьи. — Мне тоже с ним поговорить надо.

— А я знаю? — пожал плечами Нелу. — Подождем, пока проспится, если у тебя каких наговоров от этого дела нет.

Мое предложение отрезвить боярина Димитру раз и навсегда ведьмовским кукишем было отвергнуто как бесчеловечное.

— Лучше уж пусть он сам как-нибудь, — пробормотал палач, пряча глаза. — Может, ты пока от пыток отдохнешь?

Я обиженно отвернулась. Подумаешь, какое единство!

Обратно в камеру меня вел не Йоска, а какой-то незнакомый стражник. Мужик так угрожающе поводит алебардой, что с разговорами я решила слегка обождать. Да и, если честно, не до них мне было. Я сразу же завалилась на свою соломенную подстилку, повернулась к стене и прикрыла глаза. Сон не шел. Вот ведь незадача! Всегда так! Когда не надо, чуть не стоя заснуть могу, особенно после сытного обеда. А сейчас — ни в какую! А ведь совет Лутонюшки из хрустального лабиринта мне ох как пригодился бы. Пока еще Михай проспится и сможет мне о господаревом артефакте рассказать... Тем более что я догадываюсь, что искать, теперь нужна подсказка — где.

Я попробовала считать овец, но эти наглые твари вместо того, чтоб монотонно перепрыгивать через наскоро придуманный заборчик, разбегались кто куда, глумливо бекая. «Ну правильно, — здраво рассудила я. — Они, наверное, боятся прыгать в пустоту». Я зажмурилась. За заборчиком расстелился ковер изумрудной сочной травки. Пастбище с четырех сторон окружили покатые склоны гор, на западе алело солнышко, ветер принес запахи распаренной земли и далекого дождя, застрекотали кузнечики. Я перекадилась на спину и подложила руки под затылок. Вечерело...

На тропинке, сбегавшей с пригорка, показалась женская фигура. Прихрамывая и от того слегка дергая плечом, ко мне приближалась... бабушка. Я обрадованно вскочила, перекинула за спину косу и побежала навстречу, путаясь в длинном подоле сарафана. Яга улыбалась, разноцветные глаза лукаво шурились. Как же я соскучилась по ней!

Скрипнули петли, хлопнула дверь камеры. Я подняла голову. Сон рассыпался, оставив после себя чувство пустоты и неудовлетворенности.

— *Estou doente*, — прохрипел Луиш Мария де Нагейра. — Я болен... Я умираю! Что ты сделала со мной, ведьма?

Маг рухнул, отбросив светильник. Ручейки горящего масла устремились к подстилке.

— Пожар! — заорала я. — Горим!

На помощь мне приходиться не торопились. Я прыгала по камере, будто горная коза,

затапывая огонь. Мне показалось, запахло паленым мясом. Мантия Нагейры тлела. Я заколотила в дверь, сбивая в кровь руки. Ёжкин кот!

— В коридоре никого нет, я велел, чтоб не беспокоили...

— У кого ключ?

— Не у меня...

Досточтимый надсадно кашлял, вяло подергивая конечностями. Умирает он, ага! Скоморох балаганный!

Ну почему моя стихия не вода? Почему порывы ветра, которые заполошно вырываются из моих рук, только раздувают пламя? Стоп, Лутоня! Огонь есть там, где есть воздух. Значит, твою силу нужно попытаться использовать наоборот. Не призвать ветер, а... отослать? «Пожалуйста, — шептала я своему дружку. — Уходи, на минуточку оставь меня. Мне очень-очень нужно...» Ветер недоверчиво фыркнул и юркнул в дверную щель. Сразу стало трудно дышать, заломило виски, легкие горели. Маг тоненько скулил на полу. Я задержала дыхание. Язычки пламени пожухли, обесцветились и... пропали. Глаза слезились, в горле будто застрял целый выводок ежей.

— Теперь вернись! — прохрипела я, борясь с головокружением. — Я больше не выдержу...

Наверное, ветер прислушивался за дверью. Он ворвался, благоухая жизнью и морем, поцеловал меня в щеки и играючи задрал подол мажеского облачения.

Я облегченно вздохнула: мэтр Нагейра под мантией носил нормальные штаны.

Привалившись спиной к стене, я прикрыла глаза. Как всегда, после использования стихийных сил, накатило изнеможение, затем слабость и нечеловеческий голод.

— Ты ветреница. — Маг приподнялся на локтях и сел.

— Это что-то объясняет? — ядовито переспросила я. — Или просто к слову пришлось?

Меня душила такая злоба на недотепу-мага за недавний пожар, за нелепое подземное погребение и, самое главное, за расстроенную встречу с бабушкой, что я готова была зубами вцепиться в его длинный нос и не отпустить, пока она, злость, не утихнет.

Нагейра моего состояния не заметил или не счел нужным замечать.

— Теперь понятно, почему в твоём присутствии моя сила так возрастает. Маги твоей стихии иногда могут служить источником для других.

— Других сил или других магов? — заинтересовалась я.

— Адепты ветра обычно не дружат с себе подобными... Ты училась? Кто был твоим наставником?

Я покраснела. Что за день-то такой? Все подряд меня носом в Квадрилий тычут, как нашкодившего котенка. Сначала маленькая Лутоня, теперь этот вот...

Кстати, мой ответ мага и не интересовал. Он подслеповато щурился, пытаясь высмотреть что-то в темноте.

— Ты можешь найти лампу?

Я пожала плечами и подобрала с пола светильник. Дорогой стеклянный колпак его, конечно, приказал долго жить, но фитилек был на месте, и даже чуток масла плескалось на дне плоскости.

— Кремень нужен и кресало, — сообщила я.

— Пустое...

Из складок мантии мэтр Нагейра извлек нитку блестящих бус, отщипнул один шарик:

— Давай сюда.

Я протянула лампу. Маг сжал бусину пальцами, раздался негромкий щелчок, и на фитиль упала капля жидкого огня. Я зажмурилась, а когда открыла глаза, встретила испытующий взгляд:

— Расскажи мне, что на самом деле случилось с валашским князем.

Иветта Лузитанская примеряла церемониальный наряд. Большое настенное зеркало послушно отражало ее гибкую грациозную фигурку в пене черных кружев. Глубокое декольте открывало манящую ложбинку между грудей, а высокий ворот подчеркивал безукоризненность длинной шеи. Жемчужная диадема, венчавшая сложную прическу, придавала образу величие. Иветта была прекрасна, впрочем, как и всегда. Горничная из местных расправляла многослойный подол, ползая на четвереньках по наборному паркету. Наконец идеал был достигнут.

— Пошла прочь, — отослала княгиня служанку. — Сообщи Йохане, что я жду ее.

Девушка кивнула, присела в поклоне и попятилась к выходу. Иветта поморщилась. То, что она не смогла захватить из Шегешвара всех своих прислужниц, доставляло определенные неудобства. Вот, например, сейчас: одно неосторожное слово с ее стороны, и простоватая горничная в мгновение ока могла превратиться в свирепого зверя. Волки-оборотни! О боги! Что прикажете с этим делать? Постоянное напряжение, запах мокрой псины, от которого подступает мигрень, провинциальная непосредственность местных дворян...

— Госпожа звала меня?

Княгиня вздрогнула всем телом. Йохана появилась неслышно, будто просочилась сквозь стены. Теперь она стояла перед княгиней — предупредительная, верная, надежная.

— Есть новости? Девка созналась под пытками?

— С ней работает лучший специалист.

— Славно! — Иветта радостно хлопнула в ладоши. — Мы подготовили запасной план, если этот не сработает?

— Да, госпожа.

Из складок серого платья появилась небольшая плетеная корзина, заполненная ярко-красными осенними яблоками.

— Ты уверена, что яд хорош?

Йохана едва заметно усмехнулась:

— Он идеален и действует на магов с такой же интенсивностью, как и на обычных людей. Я подсыпала малую толику в питье мэтру Нагейра...

— Ай-ай-ай, — погрозила пальчиком Иветта. — Надеюсь, мой досточтимый земляк не отойдет в лучший мир раньше времени?

— Маг в порядке. Доза была минимальной. Все симптомы исчезнут через пару-тройку дней.

— Прекрасно!

Иветта провела кончиками пальцев по одному из глянцевых фруктов:

— Будь наготове, наша маленькая бестия может в любой момент проголодаться.

Йохана молча кивнула. Княгиня взмахом руки отослала компаньонку:

— Иди, моя дорогая, мне предстоит нелегкий день. Распорядись, чтобы подготовили

омолаживающую ванну служанки. — И задумчиво добавила, возвращаясь к созерцанию своего отражения: — А к вечеру мы посмотрим, кто из прекрасных дам достоин управлять Драконом.

ГЛАВА 10

О дворцовых порядках, девичьих обидах и умудренных магах

Quem tem amigos nao morre na cadeia.

(В тюрьме умирает тот, у кого нет друзей.)

А слушать-то маг не умел совсем. Спрашивается, зачем вопросы задавать? Чтобы сейчас сидеть с растерянным видом, потирая переносицу, и шарить глазами по стене камеры?

— Вы мне не верите? — В моем голосе звучало раздражение.

— Понимаешь, девочка, — осторожно начал Нагейра. — Ракшасы — существа более мифические, чем реальные. Призывать их разучились более ста лет назад, так что твою историю я склонен считать... нет, не ложью, скорее фантазией. Женщины более, нежели мужчины, склонны к нервическим расстройствам. Не знаю причин твоей ненависти к адептам культа Трехликого бога, но обвинения твои голословны и не выдерживают никакой критики. Я изучал эту религию, еще будучи студентом. Аскеза и молитва — вот пути, по которым следуют ее скромные служители во имя способности предсказывать, которую дарует им их божество. Самоотречение, ограничение и исполнение сложных обетов, даже самоистязание. Но ракшас? Нет.

— Да неужели? — расстроилась я. — Тогда что же, по вашему мнению, произошло в арадских катакомбах? Каким образом погибли люди и пострадал князь?

Мэтр Нагейра опять потер переносицу. Я с опозданием сообразила, что в обычной жизни досточтимый носит очки, помогающие ему видеть нити силы.

— Валахия вообще чудесный край. За десяток лет я так и не смог его познать до конца.

Вот ответ так ответ! Тебе, девчонка чумазая, веры нет, ибо я, такой великий маг, ничего придумать не могу. А сам вон без очков под носом своей магии не разглядит! Ёжкин кот! Да его же вообще мои рассказы не интересуют! Он просто хотел узнать, почему в моем присутствии его от силы распирает.

— Так ты у нас неиницированная магичка? — свернул Нагейра на интересующую его тему. — Направляешься в Элорию для обучения?

Зачем я ему только все про себя выложила? Толку же никакого. Ну хорошо, не все, а так, по верхушкам. Жила-поживала, Мохнатовка, ветер, дорога, резкий поворот судьбы, Валахия, Арад, катакомбы. Кто меня за язык тянул?

— Угу, направляюсь, — рассеянно ответила я, пытаюсь половчее замять разговор. — Вас когда отпирать договорено? А то я хочу у стражников свежей соломки попросить.

— У нас еще есть время. — Мажьи глаза нехорошо блеснули. — А тебе приходило в голову, что образование в университете стоит немалых денег?

Я похолодела. Не приходило, конечно. Бабушка мне об этом никогда не говорила, да и Зигфрид помалкивал. А я и не спрашивала. Мне почему-то казалось, что, как только я ступлю из портала на мостовую Кордобы, все получится само собой. А ведь и правда. Университет, преподаватели, библиотека. Все это денег стоить должно. Не утренней же росой маги питаются, или там переписчики, или служители. Должна с учеников плата взиматься, как без этого? Хотя... Чего мне сейчас-то над денежными вопросами голову сушить? Попаду куда надо — на месте разберусь. Сейчас у меня дела и поважнее есть.

— Почему вас это интересует? Вы собираетесь помочь мне финансово?

Тут стены камеры содрогнулись от мощного удара. Я вскочила с пола и забилась в угол, прикрыв голову руками. Дверь треснула, слетела с петель и прихлопнула мага, который моей скоростью и выучкой не обладал. К Дарине бы его на пару седмиц отправить для вразумления. Из облака пепла и древесной пыли вынырнуло востроглазое лицо Фейна:

— Этот сморчок тебя, что ли, огнем пытал? Смердит гадостно.

— И вам доброго здоровьичка, — побряхтывая, поднялась я, кивнув занявшему весь дверной проем Жоху: — Что за балаган?

— Спасать тебя прибыли, — деловито ответил тот. — Томашик сказывал, страдаешь в заточении безвинно. Недоедаешь, недосыпаешь и недопиваешь.

— А также недобиваю, — хмыкнула я, пытаюсь сдвинуть с недобитого мага пудовую дверь. — Подсоби, что ль, человек-гора.

Жох справился одной левой.

— Ну чего, к морю двинем? — дернул меня за рукав Фейн. — Там стражники через пару минут в себя приходиться начнут, придется с боем пробираться.

— Кто-то погиб? — У меня нехорошо засосало под ложечкой.

— Не, мы осторожненько — сонных чар напустили. У меня еще от старых запасов чуток осталось. — Фейн пошевелил усыпанными перстнями пальцами. — Видала?

То, что я когда-то принимала за страсть атамана к блестящим побрякушкам, оказалось обычной домовитостью. Несколько из предъявленных мне колец испускали мягкое колдовское свечение. Вот так вот умные разбойники свои артефакты и таскают — на себе, чтоб не спер никто.

— Давай, кареглазая, не медли. Сейчас мага обыщем, и вперед — на волю вольную.

— Поспешать надобно, — поддержал подельника Жох.

— Нет, — простонал Нагейра, нелепо перекатываясь на спине и пытаюсь укусить склонившегося над ним атамана за смуглое запястье. — Она нужна мне!

— Ну мне-то нужнее, — будто прописную истину изрек Фейн, уже вовсю шерудящий во вместительных карманах мажьего одеяния. — Есть у меня мечта...

— Хватит, — строго прервала я знакомую песенку. — Лучше поясните мне, как Жох умудрился выжить. Или ты не в Воронью слободку из трактира отправился?

— В нее, родимую, — пригорюнился разбойник. — Только, Ленута, струсил я, в самый страшный момент бежал, когда старуха оживать начала...

— Стража! — неожиданно громко вякнул мэтр. — На помощь!

— Заткни его, — скомандовала я Фейну. — Только не по голове. Мне нужно, чтоб он все хорошо слышал. — И, убедившись, что маг надежно спеленат подолом своей же мантии, а рот его заткнут самодельным кляпом, кивнула Жоху: — Продолжай!

— Это он старуху порешил, пока мы с твоим господарем в трактире сидели, — наябедничал Фейн. — Можно сказать, самолично ракшасу труп предоставил.

— Я же не знал, что так все обернется, — смутился человек-гора. — Я в слободку прибежал, говорю ведьме: «Пошли, разговор есть». Ну она меня для беседы в атаманову горницу и определила. Слово за слово. Я ей про отравления да планы ее лиходейские. Она давай мне угрожать да мерзостями всякими ругаться. Ну я и осерчал, а она в подпол шмыгнула, еще и заклятие бросила. Я пока с ним разбирался, пока рычажок тайный нащупывал, время-то и упустил. Догнал ее уже в катакомбах. А там звезда какая-то кривобокая на полу мерцает и воняет гадостно, будто на скотобойне... Тут Щура будто обезумела: песню скрипучим голосом завела, а слова в той песне про то, что-де приглашает она к нам на пир кого-то и подарочек ему приготовила. Я сперва ошалел, а как она с ножом на меня пошла, не выдержал, перекинулся и голову ей свернул.

— Стоп, — затрясла я головой. — Ты же сам мне говорил, что не вовкудлак. Врал?

— А чего, на свете только вовкудлаки попадаются?

— Существует несколько видов ликантропов, — сообщил маг, каким-то волшебным образом успевший то ли прожевать, то ли выплюнуть свой кляп. — Если я не ошибаюсь, а я не ошибаюсь, перед нами образчик так называемого вербера, или урсолака.

Характерная структура тела и наклон лобной кости...

— Ты медведь? — ахнула я. — Полукровка? Берендей?

Мне стала понятна и скрытность Жоха, и его сила нечеловеческая, и устойчивость к магии.

— Ну да, — кивнул человек-гора. — Матушка меня от лесовика понесла, только померла родами. Батя пожалел, из лесу вынес, до человеческого селения добрал и подкинул на крыльцо домишки позажиточней. В той деревеньке я и жил, пока в силу не вошел и перекидываться по ночам не начал. Пару коровенок задрал, селяне и осерчали, еле ноги унес. С тех пор по свету и скитаюсь. С Фейном вот сейчас...

— А твой настоящий отец? — всхлипнула я, очень уж живо представив непростое житейское бытие разбойника. — Навещал тебя?

— Зачем? Он и так все, что мог, для меня сделал.

— Очень интересная история, — кашлянул с пола мэтр Нагейра. — Но давайте вернемся в катакомбы. Ты убил старуху, свернув ей шею. Что произошло дальше?

— Звезда вспыхнула, — послушно вспоминал Жох. — Меня откинуло в сторону, я чуток головой об пол приложился и пару минут ничего ни видеть, ни слышать не мог. А потом, смотрю, Щура поднимается...

Тут разбойник замолк, будто не в силах справиться с чувствами. Даже с моего места была заметна его бледность.

— Давай быстрее! — не выдержал Фейн. — Поднимается старуха. А ты?

— А я испугался и убежал, — почти шепотом поведал нам грозный берендей. — Что-то с ней такое стало... Страшное, неправильное... Почти до рассвета вокруг Вороньей слободки круги наматывал, ближе подойти боялся. А потом атамана встретил. Вот.

— Когда ты оттуда... уходил, — проговорил маг, — пентаграмма на полу еще была активна? Ну звезда мерцала?

— Да, — кивнул Жох. — Еще ярче, чем раньше. И еще... у меня от той ночи памятка на теле осталась.

Он без стеснения быстро снял рубаху. На спине и груди, поверх бугрящихся мышц, виднелись убористые строчки каких-то закорючек. Я осторожно подошла поближе, в надежде опознать странные знаки, но разочарованно покачала головой. Этого языка я не знала.

— Дайте мне посмотреть, — скомандовал маг, пытаясь выпростать из перевязи руки. — Мне нужно больше света.

Жох послушно приблизился к Нагейре и склонил свой торс его лицу, я поднесла лампу поближе. Маг шевелил губами, сосредоточенно глядя на странные письмена.

— Как ни горько мне это признавать, девочка, но с твоим другом позабавился ракшас.

— Что значит «позабавился»? — испугался Жох.

— Он тебя пометил. Теперь ты — вождельный сосуд, потенциальное вместилище его темной силы. Если бы не твое спорное происхождение, до утра ты бы не дожил.

— А теперь-то чего? — Разбойник хотел узнать о будущем досконально.

— Ничего, — равнодушно проговорил маг. — Через пару лун само рассосется.

— Время лечит! — озвучил Фейн народную мудрость.

— Хорошо то, что хорошо кончается, — поддержал атамана Жох. — Ну чего, Ленута, двинули? Сто флоринов за твою поимку мы уже получили, в Араде нас ничего не держит. Томаш ждет с лошадьми в тайном месте, так что через два дня мы будем у границ

Валахии.

— Задумайся, девочка. — В голосе мэтра был мед и елей. — Ты можешь встать на кривую дорожку, и ни к чему хорошему она не приведет. Тебе надо учиться, развивать свой дар, а не бродить по дорогам с подозрительными личностями. Я помогу тебе, у меня есть некоторые связи в Квадрилиуме...

— Море, — выложил свой козырь Фейн. — Ветер и свобода.

Мне очень хотелось принять предложение любвеобильного атамана. Слишком хотелось, поэтому отвечала я быстро, чтобы не передумать:

— У меня есть обязательства перед человеком, который меня спас. Я должна остаться в Араде.

— Что ж, это твой выбор. Может, еще свидимся когда, кареглазая...

На прощанье Жох молча обнял меня за плечи, а Фейн легко поцеловал в щеку и прошептал:

— Замуж побыстрее выходи.

— Это еще зачем? — так же шепотом спросила я.

— Чтобы при следующей встрече у нас с тобой все получилось...

Я отвесила нахалу затрещину, тот рассмеялся и послал мне от двери воздушный поцелуй.

Выдержка домны Димитру была на исходе. Цокот вязальных спиц, которыми она творила очередной шедевр, казался мне щелчками жвал огромного насекомого. Я издала душераздирающий вздох и обернулась:

— Уважаемая, я похожа на дятла.

— Не говори глупостей, Ленута! — Домна наградила меня свирепым взглядом. — В этом сезоне все континентальные модницы носят именно такие головные уборы.

Я еще раз взглянула в зеркало. Крошечный ярко-малиновый берет, украшающий мою макушку, сполз на затылок. Захотелось клюнуть какую-нибудь континентальную модницу. Просто так, чтоб неповадно было. Скрывая чувства, я присела в неглубоком поклоне. Складки серого немаркого платья, в которое меня обрядили по случаю, зашуршали о ковер.

— Благодарю, досточтимая.

Домна прижала к груди неоконченное вязание:

— А еще он тепленький. Весна в этом году выдалась прохладной, вот ты свою головку и побережешь.

Угу. Целый вершок уберегу. Больше-то шапочка и не прикрывает. Я кивнула, подавив очередной вздох. В конце концов, почему бы не уважить пожилую матушку Михая? С меня не убудет. Может, и не заметит никто, пока я по коридорам шествовать буду — вся такая континентальная. А там спрячусь в своей комнате и засуну рукотворный шедевр куда подальше, моли на прокорм. А чего, все жить хотят, и питаться регулярно тоже...

Я присела напротив хозяйки за круглый сервировочный столик и вернулась к трапезе. Перед вручением бесценного дара домна Димитру угощала меня чаем с сырными рулетиками. Откусив кусочек тающего на языке яства и отхлебнув из чашки, я попыталась поймать нить беседы.

— А вы мне не расскажете, как этот пурпур добывают?

— Конечно. — В голубых глазах хозяйки зажглись огоньки удовольствия. — Из раковин

специальных моллюсков.

— Как жемчуг?

— Почти. Раковины раскладывают на берегу, под палящим солнцем, и оставляют так лежать.

— Нечищенные? — поперхнулась я. — Представляю, какие там ароматы витают в воздухе.

— Ну так красота всегда жертв требует, — непреклонно ответила домна Димитру. — Иначе никак...

Да уж! Несказанная красота, намертво въевшаяся в зубы всех арадских писарей, стоила любых усилий. Я широко улыбнулась.

— Тебе удобно в гостевой комнате, дитя мое? — сменила тему домна Димитру.

— Конечно, — с готовностью кивнула я. — Благодарю. Служанки сообщили, что вы лично занимались моим обустройством.

Своим новым положением я была довольна. Суд то ли отменился, то ли откладывался. Заточение в камере мне заменили необременительным домашним арестом. Мэтр Нагейра, получивший интересующие его сведения, был тих и предупредителен. Чело мага украсила тканая повязка, что придавало его облику вид заморский и загадочный. Его неожиданный обморок в камере мы с ним дружно списали на последствия переизбытка силы и пообещали друг другу впредь быть осторожней. Теперь я чувствовала себя почти гостьей, а о моей несвободе напоминал только неотлучно находившийся за дверью стражник. Так прошло два дня. Я валялась на чистой постели, опустошала подносы с едой и принимала немногочисленных посетителей, не утруждая себя приличиями. Еще я много спала, в надежде опять попасть в хрустальный лабиринт или на луг, где ждала меня бабушка. Надежды не оправдывались — я проваливалась в темноту, как только моя голова касалась подушки.

— И также примите мою искреннюю благодарность за приглашение, — продолжала любезничать я. — Чаепитие в вашей компании...

— Ах, оставь, дитя, — тряхнула седыми бровями хозяйка. — Я не в том состоянии, чтобы самой наносить визиты.

Я недоверчиво осмотрела ее худощавую, закутанную в шаль фигуру. Домна Димитру не производила впечатления немощной старухи. Ее слегка выцветшие голубые глаза смотрели зорко из-под кустистых бровей, спина была прямой и осанистой. А уж цепкости пальцев, ловко управляющихся с длинными вязальными спицами, даже я могла бы позавидовать. Но если кому-то хочется поиграть в болячки, я возражать не буду.

— Мой сын очень расстроен сложившейся ситуацией.

Еще бы он не был расстроен, пьянчужка. Чуть что — в кувшин с горячительным лезет. Будто там все ответы на загадки мироздания спрятаны. Он же ко мне каждый день ходит, да не по одному разу, только вот трезвым я его что-то не упомню. Придет, у кровати на колени рухнет, и давай стонать. Выпь-сыпь, ёжкин кот и драконья мать!

— Мне очень жаль, — выдавила я, не понимая, какого ответа от меня ждут.

— Он говорил, ты требуешь вернуть свои артефакты?

Я закусила губу. Требую я, а как же! А также прошу, умоляю и уговариваю. Причем всех подряд. А еще торгуюсь. Только толку от этого немного. И блюдо мое простое, и подвеска с упрятанным в ней ракшасом валяются сейчас где-то без дела.

— Мои вещи необходимы мне для продолжения занятий, — пояснила я хозяйке. — Там же тетрадки с магическими записями...

Домна Димитру кивала головой:

— Я могу тебе помочь, Ленута Мареш.

— Ой, спасибочки! — простецки обрадовалась я, прижав руки к груди. — Век вас благодарить за это буду.

— А взамен...

Вот мы к самому интересному и подошли. А я еще думала, зачем управительница весь этот визит с чаепитиями затеяла, для каких таких надобностей? Я наострила ушки и, придав лицу серьезность, приготовилась внимать.

— Все что угодно, досточтимая.

— Я стара, дитя мое. Не перечь! — строго прервала хозяйка мою попытку подольститься. — Время не щадит никого, и скоро я уже присоединюсь к моему славному супругу в охотничьих угодьях Тзеваны.

Мой неопределенный кивок для поддержания разговора замечен не был, и я осторожно подцепила с блюда еще кусочек рулетика. Домна монотонно щелкала спицами, будто подчеркивая каждую высказанную мысль.

— Но уйти просто так, не оставив после себя памяти, продолжения рода, было бы нелепо... И только озабоченность положением своего единственного сына заставляет меня просить о помощи.

Я продолжала жевать.

— Михаю нужна жена.

Я фыркнула, подавилась и закашлялась, засыпая крошками подол платья:

— Мне рано о замужестве думать.

Домна осеклась, строго взглянув на меня, и звонко расхохоталась:

— Тебе?! О нет, дитя мое! При всем моем хорошем отношении ты абсолютно не подходишь в жены моему сыну. Рутенка? Магичка? Нет. Это вовсе не возможно! Девочка, ты даже не оборотень!

— Это почему же такие ущемления? — отдышавшись, обиделась я. — Получается, если я не вовкудлак, то и мужа недостойна?

Не то чтобы мне захотелось с места в карьер продолжить славный род Димитру, еще и при такой свекрови, но справедливость какая-то на свете быть должна.

— Что? В Валахии не бывает смешанных браков? — ввернула я умное словечко. — Чтобы по любви?

— У вас не может быть детей, — кратко ответила хозяйка. — Даже если на минуту допустить возможность такого мезальянса. Вы относитесь к разным видам.

— Тогда чем я могу вам помочь? — спросила я, насупившись, и подумала мельком, что надо срочно продолжать занятия, а то по умным словам я собеседнице проиграла подчистую.

Домна Димитру отложила вязание. Спицы клацнули о полированную поверхность столика.

— Я хочу, чтоб ты уговорила на замужество Дарину Мареш, свою опекуншу.

Па-бам! На скоморошьем представлении эту фразу подчеркнули бы фанфары.

— Но я... сестрица...

— Это будет чудесный брак, — отмела домна мои вялые попытки возразить. — Они прекрасно подходят друг другу. К тому же насколько я поняла, мой сын испытывает к Дарине определенную симпатию.

— А она?

— Дитя мое, когда придет твой черед связывать себя брачными обетами, ты поймешь, что для женщины любовь в браке вовсе не обязательна. Наша задача — быть опорой супругу и рожать здоровых жизнеспособных наследников.

— И принести в приданое какой-нибудь обширный жудец, например, Слатину?

Мой вопрос получился более ядовитым, чем я планировала.

— Я родила двенадцать детей, — задумчиво проговорила домна. — Двенадцать веселых волчат, одиннадцать из которых не дожили до совершеннолетия. У меня остался только Михай. И я все сделаю для того, чтобы он был счастлив.

Тикали настенные часы, за дверью негромко переговаривались стражники. Хозяйка Арада смотрела на меня, почти не мигая.

— Я поговорю с Дариной. Согласия ее не обещаю, но поговорю.

— Тебя отведут к ней, — обрадовалась домна Димитру, опять протягивая руки к вязанию. — Она ждет...

Поднявшись, я направилась к двери:

— Когда я смогу получить свои артефакты?

— Тебе придется очень-очень постараться, — улыбнулась хозяйка. Ее заострившиеся клыки хищно блеснули.

Последующие несколько минут я попыталась потратить с толком — привести в порядок разбегающиеся мысли. Я неторопливо шла по коридору в сопровождении верного Йоски. Заставлять кого-то менять свою жизнь в угоду моим сиюминутным целям страшно не хотелось. Дарина женщина взрослая и независимая. Еще мне не хватало ее уму-разуму учить. Тем более что история с замужеством ее младшей сестры для меня все еще оставалась загадкой. Значит, сначала мне нужно задать своей опекунке пару-тройку вопросов, а потом уже предложение руки и сердца выкладывать. Так, мол, и так — у нас товар, у нас же и купец. Не желаете ли, досточтимая домна Мареш, за боярина? А на то, что он вам макушкой только до плеча достает, ровным счетом наплевать. Главное, что у него к вам нежная страсть. Кстати, ваши чувства в расчет не принимаются. Потому как ваша будущая свекровь считает, что они в браке необязательны. Да уж, тонкости изложения у меня ни на грош... Положеньице, ёжкин кот. Да на месте Дарины я бы себя чем-нибудь тяжелым приложила, и ходили бы мы на пару с Нагейрой все такие загадочные, в повязках. Эх, похитрее мне надо быть да подготовиться к разговору основательно.

— Ты покойную жену боярина Димитру помнишь? — огорошила я стражника неожиданным вопросом.

— А как же, — с готовностью ответил тот. — Из самой Слатины привез. Седмицу в честь этого гуляли, не меньше. Вино просто рекой текло.

— А померла она отчего?

— Утопла. Омут под горой у Южных врат видала? Вот у того омута ее одежду и нашли.

— Она руки на себя наложила? — ахнула я.

— Да кто ж теперь скажет. Может, и наложила. А может, и помог кто. Не любили ее у нас... И время, опять же, беспокойное было, не до дознаний.

Как так? Девочка-колокольчик, уже нарисованная моим богатым воображением, должна была вызывать в народе только теплые чувства. Да они должны были носом землю рыть, чтоб отыскать убийцу любимой жены боярина. Мне хотелось расспросить Йоску поподробнее, только он уже приоткрывал для меня створку массивных дверей. Мы были у цели.

Досточтимая домна Мареш вихрем подлетела ко мне:

— Тебя пытали?

Я обняла ее, уткнувшись носом в мягкую грудь, и от души разревелась.

— Не плачь, девочка! — Дарина гладила меня по голове, и от этого на душе становилось спокойно, и тепло ручейками растекалось от жесткой ладони моей названной сестрицы.

— За Михая замуж пойдешь? — всхлипнула я.

— Что это за уродство? — отстранилась Дарина, вертя в руках красную шапочку.

— Домна Димитру связала, — ответила я, вытирая слезы рукавом. — Ну так как?

— Я твоему Михаяу на днях чуть войну не объявила, а ты говоришь — замуж, — подмигнула домна Мареш, отбрасывая в сторону творение будущей свекрови. — Тебя кто со мной об этом говорить подучил?

— И вовсе он не мой, — почти успокоилась я. — Давай сядем?

Комната, в которой организовали нашу встречу, была одной из гостиных. Драпировки разных оттенков серого приятно гармонировали с моим немарким платьем, камин был пуст, как и стол, расположенный между двумя глубокими креслами. Стало быть, беседовать предстояло всухомятку. Я устроилась в креселе, удобно откинувшись на спинку.

— Меня понарошку пытали, ничего страшного, если тебя это интересует. А ты где с Михаем повстречалась?

— Кто ищет, тот найдет, — отмахнулась Дарина, внимательно меня рассматривая. — А ты изменилась.

Я ответила пристальным взглядом. Сестрица моя выглядела не очень хорошо. Под глазами залегли тени, длинная русая коса давно просила гребня, да и потертое воинское облачение сидело на ней кривовато. Дарина медленно подошла ко мне:

— Ты все вспомнила?

— Да, — не стала я ломаться. — Добрые люди помогли.

Я быстро пересказала ей все свои приключения в Рутении, не забыв о первой встрече с Михаем, договоре с господарем и роли последнего в моей потере памяти.

— Приятно познакомиться, Лутоня Ягг, — криво улыбнулась Дарина. — А чего же ты в Араде теперь сидишь, бежать не пытаешься? Или помощь в побеге нужна?

— Я не могу, — пролепетала я, покраснев. — Влад меня спас. И меня, и весь город. Я теперь должна господаря к жизни вернуть. Должна. Понимаешь?

Описания приключений в катакомбах с каждым разом занимали у меня все меньше и меньше времени. Сказывались частые пересказы. Словесная шелуха отлетала, оставляя саму квинтэссенцию происшедшего.

— Теперь я должна отыскать этот артефакт, — закончила я рассказ. — А я не знаю где. Одна надежда — если домна Димитру вернет мое блюдо, я смогу совета у Иравари попросить.

— У кого?

— У демоницы одной знакомой, из Тонкого мира. Она умная — страсть. Если уж Иравари не знает, где Дракон предмет волшебный хранит, то никто узнать не сможет.

— Понятно... А для этого тебе нужно, чтоб я предложение руки и сердца приняла?

— Ну да, — кивнула я. — Только я тебя не неволю. Если ты не захочешь, я какой-нибудь другой способ найду свои вещи вернуть.

— Понятно, — ответила Дарина, и за мгновение до того, как я собралась упрекнуть ее в однообразии ответов, вскочила с места и молнией ринулась к камину.

Округленными от ужаса глазами я наблюдала за тем, как мою сестрицу выворачивает над гладкими серыми плитами облицовки.

— Это что такое, ёжкин кот? — испуганно спросила я.

— Ужин или завтрак, или оба вместе, — пояснила домна Мареш, вытирая рукавом губы. — Такие вот дела...

Все мои впечатления вдруг сложились в четкую картину. Отросшие волосы Дарины — давно не перекидывалась, рубаха, почти не сходящаяся на груди, мешки под глазами...

— Срок какой? И кто у нас счастливый отец?

— Лютень, морозный был месяц, вот и посчитай. Скоро уже заметно будет, под одеждой не скроешь...

Ой, мамочки! Меня как раз по сугробам в Валахию доставили... Метель, яркая полная луна и разносящийся по округе вой. Я, конечно, не очень-то в себе была, но кое-что помню. Братец Волчек...

— Михай! Ты беременна от Михая? А он знает?

— Как-то к слову не пришлось, — хмыкнула Дарина.

Поверхность зеркала, прислоненного к стене спальни, покрылась морозными узорами. Иветта поежилась, но продолжала шептать заклинание. Звуки слетали с губ облачками пара, будто сами собой, будто и не напрягала она память, проговаривая сложные слова чужого языка. Наконец связь была установлена. Зеркало потемнело, отражение приобрело четкость и глубину, чтоб сразу смениться другой картинкой.

— Второй вызов в тот же день, — укоризненно сказал Трисветлый Ив, хмурия брови над огромными фиалковыми глазами.

Из-за расстояния, разделявшего их, звуки долетали до Иветты с некоторым опозданием. Вот шевельнулись тонкие бескровные губы, будто золотая рыбка в пруду открыла рот, предвкушая лакомство, и только затем змеиный шепот начал заполнять пространство комнаты. Все же Иветта Лузитанская не прогадала, вытребовав у вещунов сложное заклятие для общения с их распорядителем. Так было гораздо удобнее, чем каждый раз тайком пробираться в помещения строящегося храма.

— Что-то срочное? Ваш пасынок пришел в себя?

— Нет, — ответила княгиня. — Влад все в том же состоянии. Но...

— Так зачем же было отвлекать меня от важных дел? — Раздражение в негромком голосе Трисветлого скорее угадывалось. — Мы, кажется, обсудили с вами все насущные проблемы?

— Я хочу получить гарантии, — твердо проговорила Иветта, капризно изогнув губы. — Только что я получила послание. Мои сыновья в Шегешваре беззащитны перед произволом захватчиков.

— Ну так собирайте армию, мадам, попытайтесь отбить принадлежащие вам земли. В средствах вы не стеснены...

— Неужели мои услуги, оказанные вам в прошлом, ничего не стоят? — В картинном заламывании хрупких рук вдове не было равных. — Ведь именно я сообщила вам, кем является маленькая рутенская ведьма, которой так дорожит Дракон.

— О да, мадам. — Бледное лицо Ива было непроницаемым. — К сожалению, эта информация не являлась для меня новостью. Что еще вы хотите мне поведать?

— Я знаю, где находится артефакт Дракона.

— Где же?

— У меня!

Из зеркала к Иветте вдруг потянулась полупрозрачная рука. Княгиня, засмеявшись, отшатнулась:

— О нет, мой милый друг! Артефакт вы получите только после того, как все мои проблемы будут разрешены. Волшебную грону вам отдаст только княжна всея Романии и Валахии, никто более. Ах, и мою Авилу, в которой так привольно расселся мой кузен Жофри, я тоже хочу получить назад. Вы же понимаете, у меня много сыновей, и каждый из них достоин княжества.

— Я прибуду в Арад завтра, — наконец произнес Ив. — И, мадам, бойтесь, если вы попытаетесь обмануть меня.

Зеркало опустело. Его поверхность снова отразила великолепную княгиню Иветту.

— Вы не боитесь разозлить Ганиэля? — тихо проговорила Йохана, появляясь из-за драпировки, за которой она пряталась всю беседу своей госпожи с Трисветлым Ивом. — Он может испортить нашу игру одним мановением руки.

— Точно так же он может и помочь, — звонко рассмеялась Иветта, оправляя складки мантии. — С его влиянием на большинство монархов континента его подтверждение моих притязаний на престол будет решающим. Ах, как же невероятно сложна экзистенция обычной женщины в этом мире, полном магов, вещунов и оборотней! Приходится изворачиваться, всюду искать поддержку, чтобы соблюсти свои интересы. Что мы имеем в сухом остатке? Покойного супруга, который вместо того, чтоб облегчить своей своевременной кончиной мое существование, только добавил мне проблем. Его почти покойного сына, который в данный момент мне нужен скорее живым, чем мертвым, и юную невесту последнего, которая своим появлением пытается смешать наши карты.

— Но у нас нет самого главного, — напомнила госпоже приживалка. — У нас нет артефакта.

— Ну так найди его, моя дорогая, у тебя полно времени. Главное, что теперь мы уверены, что он существует. Привлеки свою рутенскую подружку, напомни ей о вашем знакомстве. Если уж ты узнала Ягг под личиной Ленуты Мареш, она вспомнит тебя без труда. Какая удача, что я не запрещала тебе отправлять твой смешной культ Небесной Пряхи, с этими ведьминными штучками и регулярными шабашами.

— Великолепная предусмотрительность, госпожа, — кивнула Йохана, пряча глаза. — Что мне делать, когда мы найдем яйцо?

— Ну не знаю, угости малышку яблоком. Отметьте завершение поисков.

— Мэтр Нагейра выразил свою заинтересованность в судьбе ветреницы.

— Маг вне игры, — жестко ответила Иветта. — Мы выяснили, что без подпитки извне он мало чего стоит. Так что...

— Боярин Димитру?

— Тоже мелкая карта. Пьянчужка, случайно угодивший в наши интриги. Его пока не будем трогать. У меня появилась неплохая идея о том, как мы сможем использовать неожиданно свалившуюся на него власть.

— А его мать и Дарина Мареш, сегодня появившаяся в замке?

— Ох, Йохана, нам ли с тобой не знать, как мало в нашем мире значат женщины и их желания? Но мы отклонились от темы, моя дорогая. Отправляйся на поиски артефакта. На закате я жду тебя с отчетом.

Удостоверившись, что указания приняты к сведению и приживалка отправилась их исполнять, Иветта вернулась к зеркалу.

— Яйцо! О боги, какая пошлость!

— Яйцо? — недоверчиво переспросила Дарина. — Это может быть что угодно — подвеска, кольцо, брошь...

— Да я же тебе объясняла: в вещем сне подсказка была. Маленькая Лутоня была уверена, что я взрослая подсказку пойму.

Домна Мареш пошевелила ноздрями:

— Ну не знаю... Может, я по запаху отыскать попробую? Ты же знаешь, я волшеббу носом чую.

— Давай, — обрадовалась я. — Сейчас Йоску кликнем, он нас в покои господаря сопроводит, оттуда нюхать и начнем.

Я дернула дверь на себя и сразу отскочила назад.

— Никто никуда не идет, — непререкаемо заявила домна Димитру. — Вы, девки, совсем безголовые, что ли?

Мысли о скорой смерти управительницу, видимо, оставили. Потому что носилась она по гостиной со скоростью смерча и с молодецким задором.

— Тебе, Дарина, не за артефактами охотиться надо, а о здоровом потомстве думать!

— Она взрослая, сама как-нибудь разберется, что делать, — попыталась вступить я за подругу.

Домна Димитру зарычала. Я ойкнула и взглянула на сестрицу. Та растерянно переводила взгляд с меня на будущую свекровь.

А вот интересно: матушка Михая с самого начала под дверью подслушивала?

— Ты-то уж точно ни при чем, Лутоня, — одновременно мне нанесли обиду и удовлетворили любопытство. — Так что сядь в уголке и помолчи!

Я надулась как мышь на крупу, но послушно уселась в кресло. Не очень-то и хотелось!

— Это мой ребенок, — наконец разлепила губы Дарина. — Мой и больше ничей.

— Мысли свои возвышенные вон ей излагать будешь. — Широкий жест в мою сторону. — И независимость демонстрировать. Внука я погубить не дам. И байстрюком ему тоже не бывать. Сначала поженитесь, потом мне здорового волчонка родишь. Молодо-зелено, за вами глаз да глаз нужен. Завтра же...

— Завтра я буду по дороге в Слатину.

— Посмотрим, — не стала спорить будущая свекровь. — Стража!

В комнате сразу стало очень мало места. Явившиеся на зов домны Димитру ребята несколько не походили на расхлябанных замковых караульных. Четверо рослых молодцев, чьи кожаные нагрудники украшала крылатая гербовая фигура, бесшумно образовали полукруг за спиной Дарины, еще двое стали в дверях. Так вот кто у нас на самом деле Драконьей сворой командует!

— Ты останешься в замке, — ласково сообщила арадская управительница.

Дарина поднялась:

— Я сбегу при первой же возможности.

— Посмотрим...

Когда процессия, замыкаемая домной Димитру, вышла в коридор, я наконец смогла пошевелиться:

— Сестрица, я что-нибудь придумаю!

Хлопнула дверь, пуховой периной навалилась тишина. Из глаз брызнули злые беспомощные слезы. Я изо всех сил стукнула кулаком по столу. Холщовая сума, которой минуту назад здесь не было, подпрыгнула от сотрясения. Я схватила пропажу, испытав неожиданную и не очень уместную радость. Досточтимая исполнила свою часть уговора.

ГЛАВА 11

О старых знакомых и родительских чаяниях

Где баба, там рынок; где две, там базар.

Мои руки дрожали, когда я осторожно, чтоб не расплескать, наливала в серебряное блюдце забористый яблочный сидр. Йоска, привычно занявший пост за дверью моей комнаты, сторожил уже не столько меня, сколько мой покой от неожиданных посетителей. За те несколько часов, которые прошли с неудачного сватовства Дарины, у меня уже успели побывать: мэтр Нагейра с дурацким вопросом про самочувствие, пара служанок с предложениями поесть, испить чего-нибудь или заняться рукоделием, и досточтимый Михай Димитру, с порога получивший в лоб первым подвернувшимся под руку предметом (к слову, оказавшимся медной ночной вазой) и быстро ретировавшийся, потирая наливающуюся багрянцем шишку. После этого мой охранник, осторожно заглянувший в горницу, чтобы поставить на место ту самую выкатившуюся в коридор вазу, решил, что мне лучше побыть одной. Некоторое время. Пока самочувствие не улучшится или вожжа из-под хвоста не выскользнет. Решение это мне сообщили шепотом, как бы про себя. Я вежливость оценила, поэтому орала на стражника недолго и без вдохновения. Теперь меня наконец-то оставили в покое. Изредка из коридора доносилось Йоскино грозное «пускать не велено!». Непростое блюдечко, по самый венчик наполненное «наливным яблочком», начало волшбу, и я перестала прислушиваться. Жидкость твердела, я покусывала губы в нетерпении.

— Для нас очень важен ваш звонок, — растягивала слова Иравари, появляясь из клубов дыма. — Если вы хотите узнать о возможностях заключения договора, нажмите единицу, или двойку, или...

— Колокольчик для звонков мне предоставят? — лукаво подмигнула я демонице. — И еще покажи, где циферки нажимать.

— Ёжкин кот! — заорала та, отлепляя от уха какую-то круглую штукину. — Сколько лет! Сколько зим!

Дальше следовал десяток словечек, о забористости которых я могла только догадываться, ибо языка, на котором демоница выражала радость от встречи, отродясь не знала.

— Ты жива! А я еще думаю, какой чудак меня на яблочный сидр приманивает?

— А чего, у вас теперь другие напитки в моде? Хотя нет, не отвечай, еще засчитаешь за полноценный ответ...

— Предусмотрительной я тебя девицей воспитала, — улыбнулась Иравари. — Только я в честь долгожданной встречи договор о трех вопросах на сегодня отменяю. Спрашивай, что надо, чем смогу — помогу.

Необходимость осторожничать отпала сама собой. Я расслабилась.

— Больше всего меня сейчас интересует один мудреный артефакт...

Домна Димитру смотрела на своего единственного сына со смешанными чувствами. Сквозь материнское обожание и гордость — «поглядите, люди добрые, какого ладного молодца на старости лет воспитала», змеиным жалом пробивалась... печаль и какое-то мимолетное отвращение, с каким только может смотреть сильная женщина на демонстрирующего свою слабость мужчину.

— Дарина теперь от нас никуда не денется, — в который раз повторила она, будто роняя слова в пустоту. — Через несколько дней маг проведет обряд бракосочетания.

— Неправильно все это. Не ко времени, — жалобно тянул Михай надоевшую всем отговорку.

— Ты же мужик! — вдруг стукнул кулаком по столу маэстру Радулеску. — Обрюхатил бабу — женись. Это же тебе не клуша какая деревенская, а девка знатного рода...

Малый совет проходил в личных покоях домны Димитру, и допущены на него были люди проверенные, свою преданность доказавшие на деле и не по одному разу. За полукруглым тесаным столом кроме домны Димитру и ее непутевого сына сидели семеро бояр. Главный конюший, почтарь, библиотекарь и четверо ратников. Сотник Костин Радулеску вообще приходился досточтимой родным братом, и доверяла она ему как самой себе.

Михай никак не отреагировал на тираду дядюшки, продолжая рассеянно смотреть на огонь, который по случаю прохладного вечера велела развести в камине хозяйка.

— Голубь доставил ответ из Слатины.

Домна Димитру приняла у боярина Мокану, главного арадского почтаря, плотную трубочку послания и спешно развернула ее:

— Мареша присягнут тебе на верность. Слышишь, Михай! Не романскому бастарду, а тебе! Посольство уже направляется в Арад, чтоб принять участие в церемонии.

Удовлетворенный гомон собравшихся заставил Михая поднять голову. В голубых глазах боярина была такая пустота, что у домны Димитру невольно сжалось сердце.

— Замковый гарнизон на нашей стороне, — кивнула она Костину, отбросив неуместную жалость. — Драконья свора тоже пойдет за своим предводителем. Опасаться надо только неожиданного хода Иветты. Если хитрая bestия уговорит вешунов перебросить сюда войска из Шегешвара...

— Так надо убрать вдову, пока не началось...

Кто из бояр высказал эту осторожную мысль, домна Димитру не заметила, поэтому просто покачала головой:

— Рано, она пока никак не проявила себя. Давайте пока делать вид, что княгиня Иветта — просто гостя в нашем чудесном замке.

— Гостеприимство гостеприимством, только охрану при ней я, пожалуй, удвою, — решил Костин, переждав одобрительные смешки.

...У меня уже грудь болела от смеха. Иравари тоже хохотала, вытирая слезы кружевным платочком:

— За лошадь? Замуж?!

— Ну он же не всегда в единорожьей ипостаси был. По ночам...

— Умора! А размножаться в какой ипостаси планировалось?

— В какой надо. Мы до этого момента не дошли.

Беседа наша длилась уже не первый час. И давно из делового русла свернула на разные девчачьи фривольности. Мою идею о том, что Кащеев артефакт должен быть именно яйцом, Иравари с ходу одобрила, быстренько подогнав мне пару-тройку разных народных сказаний и легенд по теме. Я цепко держала в памяти всю полученную информацию, решив тщательно ее обдумать попозже.

— А сестрица твоя, значит, волчицей понесла?

— Ну да, — кивнула я. — У вовкудлаков зачатие в звериной ипостаси происходит. Рожать-то она тоже волчонка будет. Представляешь, ее сейчас в человеческом теле заперло, а как срок придет — перекинется.

— И сколько ей еще носить?

Я быстро сосчитала в уме:

— Пять лун примерно. Как раз в вересне на сенокос теткой и стану...

— Принимай поздравления! — хихикнула Иравари.

— Что ты! — испуганно замахала я руками. — Заранее нельзя — примета плохая.

— Ну значит, свистнешь, как срок придет. Вместе отмечать будем!

Я погрустнела. Неизвестно еще, как дальше наши с Дариной судьбы сложатся и где мы к тому времени очутимся.

— Лутона, — ласково проговорила демоница, заметив смену моего настроения. — У тебя вообще какие планы?

— На когда?

— На остаток жизни. Так и собираешься сидеть неизвестно где и неизвестно чего поджидать?

— Вообще я очень на мэтра Нагейру надеюсь, — честно ответила я. — И на его ко мне интерес.

— Он тебя тоже домогался? — ахнула Иравари.

— Окстись! Он мне в отцы годится, — покраснела я. — Маг намекал — у него в Элории связи имеются. Вот я и хочу ему сделку предложить. Влад говорил, за доставку такой сильной стихийницы, как я, в Квадрилиуме всяческие плюшки положены.

— Значит, малыша Зиги ты уже не ждешь?

Я пожала плечами:

— Сама посуди: расстались мы в Рутении, в Стольном граде. Даже если у Зигфрида получится за мной вернуться, искать он меня будет именно там.

— Так, может, стоит самой туда податься, чтоб его поиски облегчить?

— Времени нет. Совсем...

Я дернула шнуровку платья, ворот сполз с плеч, кружево нижней рубахи было совсем тонким, поэтому я повернулась спиной к своему непростому блюдцу:

— Видишь?

— Да уж, отметина знатная. И давно это с тобой?

— Думаю, с зимы, — всхлипнула я. — Чесалось — страсть! Я думала, может, укусил кто или заразу какую подцепила... Я б и раньше заметила, только у нас с Дариной в избушке всего-то и зеркал было — плошка с водой да медный таз...

— Понятненько. — Иравари перебирала стопку каких-то бумаг, ее длиннющие алые когти сквозь слезы казались мне язычками пламени. — Значит, быстро находим яйцо, быстро оживляем твоего суженого и сбегает от него с помощью годящегося нам в отцы Нагейры. Кстати, я, пока ты рыдала, глянула его бумаги в университетской канцелярии... Красивый мужик. Может, заодно попросишь, чтоб он тебя инициировал?

— Поганый у тебя язык! — Дрожащими от возмущения пальцами я пыталась самостоятельно стянуть шнуровку платья. — Ёжкин кот!

— Ты же деревенская девчонка, — цедила слова демоница. — В аистов не веришь, про тычинки с пестиками рассказывать не нужно. На природе вы и так все видите. Так к чему эта скромность? Понимаю, бабка тебя держала в строгости, но неужели самой не интересно? Запретный плод и все такое? Или будем того единственного ждать?

— Думаешь, все так просто? Трах-бах, потискались, и я уже инициированный маг? Это

обряд, веками отточенный, священнодействие, можно сказать!

— Ты влюбилась! — вскрикнула Иравари. — Точно! И это не нежное участие к огневику, тут дело посерьезнее.

— Глупости! — отрезала я, наконец затягивая ворот. — Просто хочу, чтобы все по-человечески было.

— Роковая страсть! И кто у нас объект? — не поверила демоница. — Можешь не отвечать. И так понятно: Влад Дракон собственной полудохлой персоной.

— Не сама ли ты мне говорила, что он хорош?

— Да он тебя с косточками прожует и выплюнет! И даже не обернется посмотреть, что там, на дороге, валяться оставил. Не для любви он хорош!

— Тогда для какой надобности?

Я так разозлилась, что уже шарила взглядом по комнате в поисках чего-нибудь тяжелого. Хотелось треснуть по волшебному блюдцу так, чтоб ледяные зеркальные осколки разлетелись по комнате, чтоб сбить эту поганую ухмылку с остросулового лица Иравари. Но в глаза упорно лезла только пресловутая ночная ваза с погнутым боком, поэтому я просто сжала кулаки и отвела правую руку для замаха.

— Хотя... Знаешь... В некотором роде он действительно идеален. В этом самом роде. К тому же зачем трепыхаться, если он и так предназначен тебе судьбой? Ну или легкомысленно заключенным договором твоей бабушки...

Я выдохнула:

— Вот поэтому у нас ничего и не получится. Потому что никакая это не любовь, а просто ниточки ведьминой клятвы тянут меня к нему. И его ко мне...

— Да все у вас получится! — Демоница, кажется, разозлилась. — Все, кроме любви. Нет у твоего Дракона органа, который за это отвечает.

— Сердца, что ли? — хмыкнула я недоверчиво.

— Это метафора, — отмахнулась Иравари. — Да и не это сейчас важно... С чего ты решила, что твоя неожиданно проснувшаяся страсть — результат магических манипуляций?

— А как иначе?

— Ты свободна в своих действиях! — отчеканила демоница. — Ты не договаривающаяся сторона, ты — предмет.

— И чего? — обиделась я.

— Ты можешь в любой момент показать нос своему суженому и смотаться, куда душе угодно, хоть в Элорию, к Зигфриду, хоть по морю-океану пиратствовать с твоим дружкой Фейном. Под ударом останется Яга.

— С ней все в порядке?

— Нет, — опустила очи долу Иравари. — Ее с вашей зимы не видал никто. Я тут на днях с Радаром пересеклась в одной компании, он тоже не знает, куда твоя бабка делась.

— Она со мной поговорить пыталась, — грустно сообщила я. — Так меня в самый неподходящий момент разбудили. Я потом уж столько раз пробовала в тот сон вернуться — ни в какую. Будто кто-то препону какую поставил — ничего не получается.

— Дело темное, — кивнула демоница. — Радар говорит, на Ягу Трисветлый Ив вышел, зверушку свою подослал...

— Думаешь, у вещунов бабушку искать надо?

— Сиди уж здесь, разведчица! Своих проблем мало? Только трехликих для полного счета и недостает! Или у тебя к Иву тоже роковая страсть? Вы же целовались вроде?

— Во сне не считается, — покраснела я, подумав мимоходом, что зря я Иравари все подчистую о себе выложила, надо было что-то и утаить.

— Бабка твоя сама со всем разберется. Тебе до ее уровня еще расти и расти...

— Так что же мне делать?

— Ну во-первых, яйцо это несчастное разыскать. Причем до свадьбы.

— До чьей?

— Ты думаешь, твою опекуницу просто так в ее жудец отпустят? Выдадут за Михая как миленькую.

— Дарина не согласится.

— А у нее выхода нет. Ты же сама говоришь, заперло ее в человеческом теле до самых родов. Думаешь, она с пузом будет по лесам-горам скакать? А вот после обряда самая потеха и начнется. Димитру начнут власть брать.

— Плохо ты их знаешь!

— Я людей знаю, этого достаточно. Не удивлюсь, если, пока мы тут с тобой лясы точим, Арад уже на военное положение перевели: мосты подняли да копейщиков с лучниками на стены поставили.

— Значит, у меня тем более свободы перемещений нет. Я же вроде как под арестом...

— Лутоня, — протянула демоница жалостливо. — Ты в комнате заперта только потому, что сама так решила. Ну вот выйдешь ты за дверь — что тебе будет?

— Йоска остановит! Хотя... один стражник, даже и с алебардой...

Я представила, как приседаю, уворачиваясь от режущей кромки, и выбрасываю вперед правую ногу, как с подломленным коленом падает охранник, которого я добиваю резким ударом ребром ладони по кадыку. На раз-два-три, как Дарина учила. Права, ох права моя знакомица. Сижу, выжидаю незнамо чего, когда дело делать надо.

— На закате встретимся? — твердо встретила я взгляд черных глаз Иравари. — Только сидру уже не обещаю. На водицу придешь?

— Буду вызова ждать, — даже не улыбнулась та. — Какую тебе информацию найти, пока время есть?

— Про все подряд. Про яйца, ракшасов, про боярские свадьбы. И еще мне бы хотелось знать, почему в подземелье Дракон сказал: «Не люблю умирать».

— Хорошо, — кивнула Иравари. — Действуй, воительница! Покажи им всем, где рутенские раки зимуют!

Я шепнула отпускающее слово, быстро собрала свои вещи. Подвеска с плененным ракшасом теплой бусиной висела на груди. Таскать остальной скарб с собой не хотелось, поэтому я просто положила суму на видное место. Порывшись в пристенном сундуке, извлекла оттуда кусочек пергамента, стило и закупоренный пузырек чернил. Большими четкими буквами написала пару строчек и положила записку поверх своего имущества. Так... Следующий этап был непростым. Тени на стене, клочок тумана, ниточка паутины, слюдяно поблескивающая в углу, солнечный зайчик... Морок сплетался неохотно, тем более что такую личину мне раньше делать не приходилось. Я часто дышала, пот заливал глаза и солеными капельками собирался на губах. Мне вдруг на мгновение показалось, что стою я в глухом лесу и ветер играет кронами деревьев высоко над головой. Свежо. Раз, два... Будто в омут нырнула я в свою придумку и личина пристала ко мне. Три! По ощущениям я оказалась внутри подрагивающего мыльного пузыря. От моих движений стенки его мерцали и поблескивали.

— Отопри дверь, Йоска! Разговор есть.

Створки скрипнули, в образовавшуюся щель просунулась лохматая голова стражника. Серые глаза внимательно оглядели комнату, скользнув мимо меня. Ёжкин кот! Кажется, получилось! Я задержала дыхание.

— Ах ты ж... — бормотнул мужик расхожее ругательство и вбежал внутрь.

Алебарда ходила ходуном в дрожащих руках. Ключ от моей темницы болтался на поясе незадачливого охранника. Я засмеялась и выскользнула в коридор. Дверь хлопнула, пластина внешнего засова мягко вошла в пазы. Ключ остался внутри.

— Посиди там до вечера, — четко проговорила я в пустую замочную скважину. — Вернусь — отблагодарю.

— Обход скоро, тебя поймают. — Пленник прислонился к двери с той стороны.

— Не твоя печаль, Йоска. Если что и случится, тебя никто винить не будет. Ты же пострадалец — все это время в заточении просидишь. Только не кричи, пожалуйста.

И, не дожидаясь ответа, я отправилась на поиски.

Если я правильно определила свое местоположение, сейчас я находилась в гостевом западном крыле. Значит, идти надо на восток, где-то разыскать лестницу, ведущую на внешнюю галерею замка, и уже оттуда — переход в покои господаря. Заблудиться я не боялась. Представив себе золотистую нить, которой крепко-накрепко связаны наши с Драконом судьбы, я просто шла по ней. Время от времени мне встречались слуги, спешащие по своим делам, и даже пара стражников, никуда не торопящихся, но, несмотря на это, не обративших на меня ровно никакого внимания. Морок работал. Насколько его еще хватит, я старалась не думать. С галереи открывался вид на главный церемониальный зал. Там вовсю кипела работа. Со стен снимали гербовые полотнища правящего дома. Кажется, Иравари была права, твердя мне про передел власти.

Я перешла в другое крыло, поднявшись еще на один пролет по винтовой лестнице. Тишь да гладь. Только потрескивают факелы да шуршит о гладкий пол подол моего платья. Дверь в покои Влада не охранялась. Массивные, отделанные серебряными вставками створки подались от легкого толчка. Я вошла. Пустая гостиная, полуоткрытые двери в другие комнаты. Поворот налево. Кабинет. Я заглянула туда с порога, быстро оглядев обстановку. Письменный стол, обтянутое кожей кресло, кипы книг на полу, огромный шкаф в половину стены... Ну там у меня еще будет время порыться. В спальне стоял тяжелый спертый воздух. Полутьма, пыльные оконные занавеси, ложе, укрытое черными простынями. А на нем... Я даже глаза протерла от удивления. Нет, все правильно — не померещилось. Изогнувшись с грацией хищной кошки, на кровати возлежала женщина. Лиловое кружево ночной рубашки сбегало с точеных плеч, прихотливо облекая высокую грудь. Волосы разметались по подушкам, золотом своим контрастируя с мрачностью ложа. Глаза незнакомки были закрыты, она спала. Незнакомки? Полноте... Видали мы эту даму. Правда, не живьем. Но такую красоту несказанную не скоро позабудешь. Когда-то Влад Дракон показывал мне портрет своей мачехи, Иветты Лузитанской. Так вот — художества влюбленного пасынка не отражали и половины всех прелестей оригинала. Мне в грудь будто острый нож вонзили да еще провернули пару раз для надежности. Во рту стало солоно от подступивших слез.

Такие вот дела, Лутонюшка. Где уж тебе, простушке, с эдакими дамами тягаться? Скромнее надо быть, девушка, приземленной. А то вон напридумывала себе всяких глупостей романтических, а теперь... хоть криком кричи. Я до боли сжала кулаки, решая, что делать: бежать куда глаза глядят, или...

— Eu preciso da sua ajuda, — пробормотала Иветта, поворачиваясь на другой бок. — Érgente...

Я вытерла слезы рукавом. Потом пострадаю, если время будет. Вот ведь, глупая девка, чем душу беречь, лучше подумай. За какой такой надобностью ты в покои вдовы романской княгини явилась? К Дракону шла, ниточки путеводные себе сочиняла, а оказалась вот тут. Нешто красотка Иветта под своей кроватью твоего драгоценного Влада бережет? Я еще раз внимательно оглядела обстановку. Спальня как спальня.

Кроме неприятного запаха, ничего подозрительного. Ну ширма расписная в дальнем углу да прикрытое черной кисеей напольное зеркало. Так, может, хозяйка перед сном любоваться на себя приучена. Я прищурилась. Моя воображаемая ниточка вела именно туда — под полупрозрачное покрывало. Нелепица какая-то! А еще я заметила, что зеркало раньше стояло в другом месте. На полированном полу виднелись глубокие безобразные полосы, оставленные острыми углами рамы.

— Госпожа, срочные новости. Госпожа!

Негромкий голос, донесшийся из гостиной, заставил Иветту проснуться, а меня испуганно замереть. Княгиня села на постели:

— Я здесь, Йохана...

В спальню торопливо вбежала женщина. Думала я очень быстро. Увидеть меня не должны — морок исправно действует. Унюхать... Вошедшая, невысокая и круглолицая, вовкудлаком точно не была. Я сделала несколько плавных шагов назад, чтобы не оказаться ни у кого на пути. В плечо больно ткнулась кованая рама зеркала. Сдержав готовый сорваться вскрик, я застыла, внимая происходящему.

— Ты нашла яйцо? — А вот голос у Иветты подкачал: тонкий, высокий, будто надтреснутый. — Так быстро!

О! Да я, оказывается, не одна господаревы артефакты разыскиваю. Кто бы мог подумать!

— Еще нет, госпожа, — присела в поклоне Йохана. — Но моя информация стоит вашего беспокойства.

— Ну что там еще? — по-кошачьи зевнула княгиня, прикрыв ладошкой рот. — Ни минуты покоя...

Где я эту бабу видела? Ну точно же видела! Прямой нос с чуть широковатой переносицей, темные волосы, гладко зачесанные за уши, серое неприметное платье. Внешность этой женщины будто говорила: «Во мне нет ничего особенного, отвернись и забудь о моем существовании, я никому не интересное существо, забудь». И тут она на меня посмотрела. Ее темные, близко посаженные глаза будто прожгли во мне дыру. Я перестала дышать. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Йохана! Ну конечно! Идолова поляна, ведьмин круг Небесной Пряхи! С ней еще тогда подруга была.

— Так что там? — нарушила Иветта затянувшееся молчание. — Язык проглотила?

Йохана широко улыбнулась, подмигнула мне и перевела взгляд, вдруг резко ставший почтительным, на свою госпожу:

— В Араде происходят странные вещи. Князь Влад пропал.

— Как пропал? — взвизгнула Иветта, спрыгивая с постели. — И ты только сейчас об этом говоришь?

— Его покои, которые я обыскивала на предмет обнаружения артефакта, пусты. Я осторожно расспросила прислугу.

— И что ты узнала?

— Последний раз его видели на носилках по дороге в замок.

— Подожди... — Княгиня принялась мерить шагами спальню, я вплотную придвинулась к зеркалу. — А как же лекари, маг?

— Вот ту-то и кроется загадка. Все говорят с чужих слов. Кто-то видел кого-то, кто говорил с лекарем, и так далее...

— Что же, по твоему мнению, происходит?

— Мы имеем дело либо с чудовищной мистификацией, либо с похищением.

— Зови служанок, Йохана. Мне нужно одеться. А потом я нанесу визит в покои своего

дорогого Влада. Курица Димитру! Посмотрим, как она будет изворачиваться, когда я поставлю ее перед фактом!

Иветта пнула ногой ширму, прикрывающую дверь в гардеробную, и устремилась туда. Йохана двинулась следом:

— Бабушке привет передавай, — шепнула она, поравнявшись со мной. — Скажи, все помню, чему она меня учила.

Истошный звон колокольчика ударил по ушам. Пара рослых горничных появилась на пороге спальни с военной четкостью. Я вжалась спиной в зеркало.

— Госпоже надо одеться, — скомандовала Йохана девушкам. — Поторопитесь.

И уже с порога еще раз мне подмигнула.

Из-за открытой двери послышалась обычная дамская возня: шуршание платьев, резкие окрики княгини, почтительные ответы прислужниц, плеск воды. Я, почувствовав себя свободней, попыталась отлипнуть от зеркала и, зацепившись застежкой платья за черную кисею, потянула покрывало за собой. Ткань с шорохом опала к моим ногам. Я испуганно глянула в сторону гардеробной, а когда мой взгляд вернулся к зеркалу, было уже поздно. Жгут молочно-белого тумана, вырвавшийся из-за зеркальной глади, обхватил мою шею. Я захрипела, туман еще уплотнился, дернул меня вперед. Лицом я прижалась к поверхности зеркала, продавливая ее. Кружилась голова, руки бестолково молотили по вязкой жидкости, в которую меня затягивало, как в трясины. Что ж это творится, ёжкин кот?! Кикиморы болотные! С чавкающим звуком я провалилась внутрь и кубарем полетела на пол. Шею отпустило, и я жадно хватала ртом воздух.

— Что там, Йохана? — донеслось издалека.

— Наверное, мышцы, госпожа. Они сняли покрывало.

— Повесь его на место. С Трисветлым Ивом мы свяжемся позднее. И пусть он только попробует не примчаться на помощь!

— Хорошо, госпожа.

Спокойный голос Йоханы уже не слышался, а скорее угадывался. Тихое шуршание смолкло. Зазеркалье окутала тьма.

ГЛАВА 12

О явных и тайных коридорах, чувствах и зеркалах

Держись за пять шагов от быка, за семь — от слона, а за тридцать — от пьяного.

Дарина с отвращением оглядела содержимое блюда:

— Я же не корова, чтоб траву жевать!

Раздражение ее, до сего момента сдерживаемое странной апатией, наконец выплеснулось наружу.

— Передай домне Димитру, что я не буду есть до тех пор, пока мне не вернут свободу! Поняла?

Молоденькая горничная изменилась в лице и залепетала что-то оправдательное.

— Пошла прочь! — закричала домна Мареш. — И не смей заходить, пока я тебя не позову.

Служанка суетливо выбежала, оставив нетронутой обеденную сервировку. Из коридора донеслись ее обиженные всхлипывания. Дарина подхватила с блюда бледный салатный лист и разревелась.

Время в заточении тянулось медленно. Хотелось пробежаться по влажной траве, хотелось моченых яблок. Слегка тянуло низ живота — новая растущая жизнь напоминала о своем существовании. Дарина неторопливо поела, вытерла руки скатертью и свернулась на кровати калачиком. Думать о плохом она себе запретила. Ради ребенка. Интересно, кто у нее будет — мальчик или девочка? Маленький попискивающий комочек... Глаза опять увлажнились, теперь от умиления. Да кто бы ни родился, главное, чтоб здоровенький. А она-то уж постарается — вырастит, воспитает. И не нужны ей для этого никакие мужики...

Стражники за дверью возбужденно переговаривались. Судя по понуканиям и костяным перестукам, в коридоре шла игра на деньги.

— А мы вот так зайдём!

— Врешь, не возьмешь!

— А мы вот так! Нака-ся, выкуси! Леща ему отвесь!

Вдруг возня смолкла. Настороженная тишина разбавлялась лишь шаркающим звуком неуверенных шагов.

— Не велено!

— Очень надо, ребятушки. — В тягучем голосе боярина Димитру была такая пьяная проникновенность, что мужские сердца дрогнули.

— Ну чего ты, Наум? Человек к невесте идет.

— Не велено, — уже с меньшей уверенностью повторил строгий стражник.

— Так матушка добро дала, и дядюшка тоже...

Лебезящий Михай был отвратителен. Дарина поморщилась и села на постели.

— Сотник нас выпороть велит.

— Так я отблагодарю за страдания.

Раздался металлический звон. Судя по всему, растянутый нетвердой рукой боярина кошель расстался со своим содержимым. Монеты покатались по каменному полу.

— Это моя, не трожь!

Полупридушенный вскрик Наума раздался уже издали — служивые ринулись собирать свою выручку.

Домна Мареш пружинно поднялась, быстро оправила складки платья. На пороге появился Михай, в одной руке боярина тряпкой болтался пустой кошель, в другой булькала содержимым увесистая фляга.

— Ты на меня все еще сердишься?

Вопрос застал Дарину врасплох. Она поспешно опустила глаза:

— Сержусь? Что вы, маэстру! Я невыразимо счастлива оттого, что наши судьбы вскорости окажутся связанными.

— Язва, — решил Михай после недолгого обдумывания. — Боюсь, беспокойное меня с тобой супружество ждет.

— Слово «боюсь» не подходит такому великому воину.

Жених приложился к фляге, хмыкнул нечто невнятно-утвердительное и тяжело плюхнулся на постель. Долговязая Дарина стояла столбом в центре комнаты. Картина теперь вырисовывалась вовсе комическая.

— Мой господин желает, чтобы я разделила с ним ложе?

Боярин кивнул так радостно, что Дарина поняла, что ее сарказм пропал втуне.

— А свежего перелома конечностей мой господин не желает?

— Да молчи уже...

Пьянчужка вихрем сорвался с места, схватил домну за руки и повалил на постель. Откатившаяся фляга щедро поливала своим содержимым тонкий лен белья. Ноздрей Дарины коснулся пряный ежевичный дух.

— Ты болтливая, — сообщил боярин, покрывая быстрыми поцелуями шею домны Мареш. — Это на тебя Лутоня плохо влияет. Вы же теперь, как вместе соберетесь, кого угодно до смерти заговорите. Владу надо было ее не памяти, а языка лишать...

— Подожди, — слабо сопротивлялась Дарина. — Нет! Я не хочу!

Ее била крупная дрожь. Учащенное дыхание, внезапно повлажневшие ладони — все выдавало охватившее ее возбуждение.

— Я слишком долго ждал этого...

— Стража может войти.

Михай застыл и прислушался:

— Не до того им. Сонное зелье действовать начало...

Толкнув в грудь своего жениха, Дарина выскользнула из-под его разгоряченного тела и, пошатываясь, поднялась с постели.

— Нет! Пока ты все мне не расскажешь...

Михай оперся на согнутый локоть и разочарованно вздохнул:

— Все просто. Это твоя подопечная меня на мысль натолкнула. Слышала, пару седмиц тому в Араде у всех чиновников зубы покраснели?

— Ну...

— Влад мне с этим делом разобраться велел. Я все голову ломал, что между нашими писарями общего. Ну кроме непомерной жадности.

— И что выяснил?

— Лутона писарю меченым динаром за услугу заплатила. Принесла кузнецу монетку и попросила надрезать по боку. Тот согласился, работа-то филигранная, а он — мастер. А потом девчонка насыпала в образовавшуюся полость пурпурного порошка.

— Вот хитрюга! — расхохоталась Дарина. — А чиновники ваши, значит, денежку на зуб пробовать принялись?

— Ну да...

— А ты?

— Я пока из кузнеца по словечку сведения выбивал, он мне с десятков монет точно так же искалечил. Мастерство свое доказывал. Хорошо хоть золота при себе не было. А нужное зелье у меня давно припрятано — травница Иляна когда-то от бессонницы лечила.

— К чему такие сложности? — недоверчиво переспросила Дарина. — В еду или в питье подсыпать гораздо проще.

— Это же замковые стражники. Костин — кобель хитрый. Для проверки кушаний у него отдельный человек приставлен, да и ребятушки строго наказ блюдут — ничего съедобного ни от кого не принимать.

Михай потянулся к фляге, но Дарина его опередила. В сосуде плескалось на доньшке. Дарина сделала глоток и поморщилась:

— Слишком сладко. А сок ежевичный вместо зелена вина хлебать тебя тоже Лутона надоумила?

— Нет, это Влад. Я же не могу сбежать, когда отечество в опасности, а вот в запой уйти — самое то. С пьяницы взятки гладки, никто не пристаёт, можно спокойно делами заниматься. Вон даже ты поверила.

Домна Мареш жарко покраснела:

— Лицедей...

Повисшее молчание было тяжелым, обволакивающим. Воздух в комнате вибрировал в такт их дыханию. Казалось, каждый из них может слышать биение сердца другого. И эта тишина сближала их быстрее тысячи любовных тирад.

— Я, наверное, влюбился в тебя с самого первого взгляда. Тогда, в Слатине. — Голос Михая был хриплым. — Почему ты отказала мне тогда?

Дарина до крови закусил губу:

— Ты трус и обманщик! Вспомни, как бегал за моей младшей сестрой!

— А ты себя вспомни — глыба неприступная! Честь рода, политические интересы, воля батюшки! Обязательства тебе подавай да обещания в жизнь не лезть!

— А сам, а ты...

Злость захлестнула домну Мареш тугим жгутом. Она бросилась на обидчика, глотая слезы. Михай принял ее в объятия, осторожно положил на постель:

— Ну все, все, красавица моя, оставим прошлое в прошлом...

Дарина не сопротивлялась. У них было здесь и сейчас. И это «сейчас» было для нее гораздо важнее прошлых обид и даже будущих неурядиц. Отвечая на поцелуй любимого, она вдруг подумала, что это их первый раз в человеческом теле. А потом ей стало не до размышлений.

Мне не было страшно, вот нисколечко. Подумаешь, в зазеркалье попала! Тем более что

темнота быстро кончилась. С порывом ветра налетела стая мелких светлячков, усыпала стены мерцающим пологом. Я на мгновение ощутила себя очень маленькой, не больше букашки-огонька. Потому что зал, знакомый мне по разделенному с Трисветлым Ивом сну, был огромен. Я тряхнула головой. Размер значения не имеет, умение важней. Неторопливо обходя помещение, любуюсь голубоватыми прожилками мрамора и ажурной резьбой толстых колонн, я, как могла, утешала себя первыми пришедшими на ум изречениями. Что в лоб, что по лбу... Мал золотник, да дорог... Даже если тебя проглотил медведь, у тебя есть целых два выхода. Кстати, его-то мне на глаза и не попадалось. Не медведя — выхода. А если это не сени, не преддверие, а тупик? Если затащило меня сюда чьей-то злой волей просто для того, чтобы под ногами не путалась? Вот и буду тут до морковкина заговенья зал шагами мерить, пока не помру.

— Долго же ты меня искала!

Ленивый голос, сталь и мед, шелк и колючки. Из-за ближайшей колонны мне навстречу вышел Дракон. Мой невидимый морок исчез, видимо отслужив свое. Сердце билось где-то в горле, мешая говорить.

— Как смогла — пришла.

— Молодец! — Влад тряхнул волосами, из складок черного плаща появилась бледная рука, убирая с лица непослушную прядь. Очень странный жест, слишком картинный, слишком... Женский?

— Так, значит, ты сюда от всех арадских неурядиц скрылся?

Господарь пожал плечами.

— От себя не убежишь...

Что-то было не так — нелепо, неправильно. По спине бежали мурашки, на этот раз вовсе не от близости суженого.

В два длинных шага он подошел ко мне, заглянул в глаза, лицо его осветила жесткая улыбка.

— Как долго я ждал тебя, страдал, но верил, что ты явишься ко мне, моя маленькая ветреница. — Его руки твердо взяли меня за плечи.

Я вырвалась, отпрыгнула назад и вздернула подбородок:

— О твоих мучениях мы потом поговорим, при случае. А лучше давай ты мне письмо об этом напишешь — длинное и печальное.

Улыбка Влада стала безумной.

— Видимо, я преувеличивал твое ко мне расположение.

— Да я тебя, потвору, ненавижу! — припечатала я. — Могла бы — голыми руками задушила бы за то, как ты Зигфрида покалечила.

Мгновение Дракон размышлял, потом громко, весело расхохотался. Лицо его поплыло, волнами заходил вещунный балахон. Истинный лик Хумэнь будто вытаивал из-под снега. Лисица оказалась прехорошенькой — смуглокожей и широкоскулой. Острый треугольный подбородок украшала ямочка, а раскосые глаза весело глядели из-под пышной челки.

— Что ж я на вас, яггов, никак управу не найду? Кого ни представлю — не верите.

— Так ты с бабушкой моей повстречалась? И как она — жива, здорова?

— Пошли, ветреница, — оставив мой вопрос без внимания, скомандовала лиса. — Господин ждет.

— А как ты меня приманила, каким колдовством? — послушно следовала я за провожатой, решив, что кровная месть может и подождать. — Там же точно путеводная нить была.

— У господина много фокусов в запасе, — охотно отвечала Хумэнь. — Он по-разному может на других влиять: через сны, плотские желания, мечты...

Понятно! Значит, память мне не просто за «спасибо» вернули.

— Мы сейчас где?

— В месте, которого нет, — хихикнула лисица, — ни на картах, ни в памяти людской.

— Мир-то хоть наш?

— Ваш. — Спутница вдруг остановилась и серьезно поглядела на меня. — Знаешь, что мне в тебе нравится, девочка? Твоя страсть к знаниям. Умеешь ты и слушать, и вопросы задавать. И, знаешь, я тебе отвечу. Потому что сегодня ты будешь принадлежать моему господину — и духом, и телом, и разумом, и никому не сможешь поведать о том, что услышала.

Уж не знаю, чего в этот момент от меня ожидали. Что я заору «нет, молчи, лучше дурочкой помру»? Или паду ниц, подчеркивая архиважность момента? Или в обморок брякнусь? Не на таковскую напали, ёжкин кот!

— Выкладывай, — поторопила я слегка растерявшуюся лису. — Времени-то не особо...

Он поцеловал ее полуприкрытые глаза. Задремавшая было Дарина вздрогнула и села на постели. Михай с шаловливой улыбкой потянул на себя простыню:

— Пора просыпаться, соня.

Она тихонько зарычала выгибаясь. Тело приятно ныло.

— У меня сколько угодно времени. Неужели ты забыл, что я под стражей?

— Досточтимная домна Мареш, — проговорил он с дурашливой серьезностью. — Я пришел предложить вам свободу.

— Но как? — Не обращая внимания на свою наготу, она вскочила с ложа, радость близости сменилась недоумением. — Ты не хочешь брака? Как же я раньше не догадалась! Ты получил то, что хотел, а теперь...

— Вот не умею я с женщинами разговаривать, — сокрушался Михай, притягивая к себе ее, недовольную и дрожащую. — Красавица моя, свет мой ясный. Неужели ты могла подумать, что я...

Жаркими поцелуями покрывал он ложбинку между ее грудями, гладил по спине, все больше распаясь.

— Я люблю тебя, я хочу на тебе жениться. Но не так, не потому, что этого хочет моя властолюбивая матушка. Бесценная моя, я спрячу тебя в тайном месте, и как только вся эта политическая катавасия закончится, мы принесем брачные обеты перед серебряным ликом Тзеваны. Верь мне.

Дарина застонала, отвечая на поцелуи. Он, тяжело дыша, отстранился:

— Одевайся. Нам надо идти.

— Куда? — спросила Дарина, натягивая платье еще дрожащими от возбуждения пальцами.

Голова Михая вынырнула из ворота рубахи:

— Вам, домна Мареш, предстоит охранять самое ценное, что есть у вашего жениха.

— Будущего ребенка? — Она повернулась спиной, чтобы он помог ей с застежками.

— Кхм... Ты права... — Его рука нежно прикоснулась к ее животу. — Ребенок — это самое

важное. Но я хочу, чтоб ты сберегла моего господаря.

Мыслей было много. Даже слишком много. А самая яркая из них была — почему я постоянно на бегу размышляю? У нормальных людей для этого привалы какие-то предусмотрены, кабинеты с уютными креслами или хотя бы трактирные столы со всякой снедью, чтобы раздумья чем-нибудь вкусным зажевать. А у Лутони Ягг все с лету — на бегу, на ходу и быстренько. Лисицын монолог длился пару минут от силы, а информации на меня свалился целый воз. Значит, занесло меня в самое вещунское логово — в главный храм. И если Хумэнь не врет, где-то здесь обитает сам вещунный бог — загадочный Трехликий. Только ведут меня не к нему, а к моему знакомцу Ганиэлю — Трисветлому Иву. Как же я число три ненавижу, кто бы знал!

— Чего ты там возишься? — недовольно обернулась провожатая. — Плетешься как сонная муха.

Я в ответ скорчила злобную рожу и прибавила шаг. В этом бесконечном коридоре мы оказались, провалившись сквозь плиты мраморного зала. Лисица наступила носком туфли на какой-то едва заметный значок на полу, и мы под мой истошный крик рухнули вниз.

— Мы что, по кругу ходим? — прислушалась я к своим ощущениям, что-что, а направление я всегда чувю.

— Не по кругу, а по спирали. Глубокий сакральный смысл этого пути в трудности постижения бога смертными.

— Зубрила ты, прям как с листа читаешь.

— А вот завидовать не надо. Сначала поживи с мое, а потом и ругайся на старших да опытных.

— А я к тем старшим, которые моих друзей убить не пытались, со всем уважением.

Хумэнь не обернулась, только спросила:

— Шваб твой выжил, что ли?

— Ну если ты не в состоянии свою работу доделать...

— Выжил, — протянула лисица. — А на помощь к тебе не спешит. В Кордобе-то барышни поинтереснее обитают, чем мелкая ведьма-недоучка.

— Ах ты... — Я вцепилась в гляцевую шевелюру провожатой и дернула изо всех сил. — Убью!

Мы покатались по коридору, пинаясь и царапаясь, как пара обезумевших кошек. Соперница была очень сильной. Отжав руку, она коленом уперлась мне в грудь. Растрепавшиеся волосы щекотали лицо. Я не удержалась и чихнула.

— Успокойся, — почти ласково велела Хумэнь. — Мы приближаемся, оттого все это дерьмо наружу и полезло.

— Что полезло? — пыхтела я, пытаюсь подняться.

— Помнишь, что я тебе про спиральный путь говорила? Трехликий — очень сильный бог. Сильный и недобрый. Мы сейчас пройдем через все свои пороки — жадность, злобу, похоть. Найди в себе что-то светлое, то, до чего он не сможет дотянуться. Иначе мы просто поубиваем друг друга.

Лисица размеренно дышала, расслабляясь:

— Справишься?

Я зажмурилась, вспоминая...

Михай толкнул неприметную стенную панель. Деревяшка, крутнувшись на металлическом штыре, провалилась внутрь, открывая черный зев хода.

— Туда, — кивнул он Дарине. — По коридорам гулять опасно. Большая удача, что матушка именно в этой комнате тебя поселить придумала.

Волчица сосредоточенно кивнула и протиснулась в лаз первой. Вот такой она обычно и была — серьезной, боевитой, слегка отстраненной. Вот такую ее он и испугался много лет назад, увидев впервые в гербовом зале Слатинского замка. Дурак! Мальчишка! Почему он сразу не разглядел ее горячего сердца, доброй души, ее молочной зрелой красоты? Почему привлекли его детские ужимки не по годам хитрой Вайорики?

— Ты чего застыл? — поторопила жениха Дарина. — Сам же твердил, что счет на минуты пошел...

Михай тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и стал спускаться по узкой винтовой лестнице. Панель стала на место. Хозяин замка толк в потайных ходах знал и неплохо успел натаскать в этом знании своего молочного брата. Теперь оставалось надеяться, что домна Димитру не разглядит, куда ушла ее пленница.

Было темновато даже для зорких глаз вовкудлака, но огня он решил не зажигать. Его ноздрей касался едва заметный запах возлюбленной. И он стремился за ним, будто беря верхний след в волчьей ипостаси. Дарина негромко ругнулась, споткнувшись о какую-то неровность.

Михай подхватил ее за талию и зашептал, касаясь губами горячей мочки:

— Сейчас идем мимо жилых комнат. Перегородки тонкие, так что — тихонечко, как мышки...

Дарина прижалась к нему, он почувствовал соблазнительные изгибы ее бедер. Захотелось плюнуть на осторожность и немедленно повторить все, что они проделывали на льняных простынях спальни. Его пальцы скользнули по ее животу. Ребенок! Михай еще не знал, как относиться к своему будущему отцовству. Он был рад, естественно, рад. Сын, наследник, продолжение рода. Или дочь — умница, красавица и родительская отрада. Но неожиданно разгоревшаяся в его душе любовь к Дарине загоразживала все остальные чувства. Как будто она, любовь, была так велика, что не оставляла места для других, более мелких. Его ладонь неожиданно ощутила мягкий толчок. Михай вздрогнул. Дарина шепотом рассмеялась:

— Он здоровается с тобой! Наш малыш пошевелился.

И тут боярина Димитру затопила такая всеобъемлющая любовь, что стало трудно дышать. В это самое мгновение он понял, что ради этого ребенка и этой женщины он пойдет на все — горы свернет, только бы они были счастливы.

Я билась затылком о каменные плиты пола. Было очень больно. Руки и ноги мои были стянуты веревками, которые Хумэнь наскоро сплела из тканых лоскутов. Тряпочки раньше были подолом моего серого платья, поэтому сейчас коленки Лутеции Ягг трогательно белели в полумраке.

— Ну Дракона своего разлюбезного вспомни, — увещевала уже слегка испуганная Хумэнь. — Лутоня, ты же любишь Влада?

— Ненавижу! — хрипела я, выдувая изо рта клочья пены. — Он использовал меня, он предавал меня, он лишил меня памяти. Поганый колдун!

Тело мое выгнулось дугой. Я опять приложилась затылком.

— Всех ненавижу! Тебя, себя, бабушку...

— Меня-то понятно... А ее за что?

— Порола меня в детстве, учиться заставляла. Целыми днями — ни сна, ни роздыху. Ведьма!

— А себя?

— Бестолочь! Училась плохо. Лентяйничала, сквернословила, от работы отлынивала!

Я захлебнулась пеной и закашлялась.

— Что же мне теперь с тобой делать, — задумчиво проговорила лиса, — с такой правильной?

— Подеремся? — радостно предложила я. — Один на один, врукопашную. Только я видала, у тебя под плащом на поясе ножик приторочен. Так вот, мы драться будем по-честному, а потом я оружие твое сдерну да прирежу тебя, как куренка.

— Чудесный план, — улыбнулась Хумэнь. — А главное — коварный какой!

— А вот, говорят, курица без головы еще пару кругов по двору сделать сможет. В соседней Полпудовке трактирщик за денежку эдакое чудо показывал. У него, видно, топор косо пошел...

— Рот закрой, девчонка! Мне подумать надо.

Я обиженно смолкла. Вот ведь тварюка подлая! Истории ей мои не нравятся. Ну ничего, я добрая, я все прощу. Потом догоню — и еще раз... прощу, а потом еще один простец в голову устрою, для надежности...

— Когда я поклялась в вечной преданности своему господину, — заговорила вдруг лиса, — он велел мне пройти по спиральному коридору в первый раз...

— Ива твоего, который Ганиэль, тоже ненавижу, — сообщила я. — А также число три, всех богов и молочную пенку в каше...

Я могла бы продолжать бесконечный список ненавистных мне предметов и понятий, но подлая лисица оторвала от моего платья еще один лоскут и заткнула мне рот. Кляпы я ненавидела всем сердцем, но этому ценному знанию пришлось остаться при мне.

— Я была совсем одна, — продолжала Хумэнь, когда я перестала метаться в бессильном припадке. — Мне было страшно. Но господин велел мне преодолеть этот путь. Это был единственный способ ослабить влияние его бога на меня. Я шла очень долго, до мяса сдирали руки о каменные стены, ползла на четвереньках, каталась по полу в конвульсиях. И только одна мысль не давала мне окончательно обезуметь...

Лисица глубоко вздохнула, ее глаза поблескивали, будто от слез.

— Дети, девочка... Мои дети привязывают меня к этому миру. И ради них я смогла, я выдержала, я победила.

Я, хлюпая, дышала носом. В горле першило, по лицу текли слезы. Дарина вон тоже осенью ребеночка родит. Хороша же тетка будет у маленького вовкудлака — убийца бешеная. Я мотнула головой.

— В детях наша слабость, но в них же наша сила, — не замечала лисица моих телодвижений. — Ты сама это поймешь, когда вырастешь...

Я плакала — истово, обильно. Слезы приносили облегчение. Мне казалось, что вместе с жидкостью из моего тела выходят злость и ненависть.

Хумэнь провела по моей щеке рукой, рассмотрела окрасившиеся черным кончики пальцев:

— Вот и славно, вот и молодец.

Она взяла кинжал и разрежала веревки. Запястья саднили, когда я дрожащими руками вытаскивала кляп. Зубы стучали, меня колотил озноб.

— Пошли. — Лисица помогла мне подняться. — На бегу согреешься. Там еще парочка искушений, если я правильно запомнила.

— Какие? — равнодушно спросила я.

— Плотские утехи, гордость, жадность и еще что-то по мелочи.

«Я справлюсь, я смогу», — уговаривала я себя, пытаюсь натянуть на сбитые колени укороченный подол платья.

Их поцелуй был бесконечно долгим.

— За стеной кто-то есть, — наконец отстранилась Дарина.

Михай, протянув руку, надавил пальцами на какие-то углубления. Темноту тайного коридора прорезали два косых луча. Волчица взглянула в образовавшиеся отверстия.

— Это комната Иветты, — шепотом сообщила она. — Княгиня спит.

— Все в порядке. Пойдем.

— Подожди. Что-то не так. — Ноздри Дарины раздувались. — Запах какой-то неправильный.

— Мачеха у Влада та еще вонючка, — наябедничал Михай. — Я всегда на аудиенциях чихаю без остановки.

— Там Ленута, — прошептала Дарина. — Я ее чую.

— Дай посмотреть!

Михай, отстранив невесту, сам устроился подглядывать.

— Нет там никого... А нет, кто-то вошел... Приживалка. Мутная девка, не доверяю я ей.

— Но как же...

— Тихо! Послушать дай.

Дарина замолчала и прислушалась.

«...господарь пропал... артефакт... курица Димитру... всем покажу... Трисветлый Ив...»
Приглушенный стеной грохот мебели...

Михай повернулся к невесте:

— Они поняли, что Влада в замке нет. Нужно торопиться.

Дарина покачала головой и прильнула к смотровым отверстиям.

— Еще минуточку...

Перед ее глазами была серая спина приживалки. Вот спина отдалилась, открывая обзор. Комната опустела. Сама собой поднялась темная кисея. Из зеркала просочились струи мутного тумана...

«... здесь кто-то есть... мыши... на место...»

Дарина наконец повернула к жениху встревоженное лицо:

— Какая-то дымная тварь затащила Ленуту в зеркало. Это проделки твоего господаря?

— Дракон подери девчонку! — ругнулся Михай. — Опять влезла куда не надо. Мы туда сейчас не можем. Если за Лутоню вещуны принялись, у нас против них шансов нет. Эх, незадача! Влад еще пару дней в отключке будет...

— Ты-то откуда знаешь?

— Думаешь, он в первый раз помирает? На моей памяти этот — четвертый.

Боярин Димитру осторожно подтолкнул невесту и, не забыв закрыть смотровые отверстия, продолжил путь.

— Его, когда он кутенком еще был, именно в таком состоянии в Арад привезли. Матушка не помнит, она у соседей с отцом гостила. Честно говоря, я тоже не особо помню. Сам мелкий был. Нам кормилица рассказывала. Мы же с Владом молочные братья...

— Я думала, вас домна Димитру выкормила, — шепнула Дарина.

Судя по глубокой тишине вокруг, уровень жилых помещений они уже миновали, но осторожность не помешает.

— Матушка? Не смей меня! У домны Димитру всегда были дела поважнее, чем дойной коровой при детях подвизаться... Осторожно, ступеньки.

Михай толкнул каменный блок. Они выбрались из коридора. Комната была пуста. Широкое ложе аккуратно застелено светлым, в тон оконных драпировок, покрывалом.

— Это спальня Влада, — пояснил Михай, забрасывая на тайную дверцу плотный гобелен.

Еще несколько тканых полотнищ украшали глухую стену.

— Слушай внимательно, — обернулся он к растерянной невесте. — Ты сейчас своей воспитаннице можешь помочь только одним — неотлучно быть при Владе. Если Лутоня попала в беду, он с вещунами разберется.

Дарина быстро размышляла. Будь она женщиной другого склада, ее жениху пришлось бы выдержать и слезы, и укоризненные взгляды, и фразы типа «я останусь с тобой». Но домна Мареш была такой, какой была. И очень хорошо понимала, что в своем состоянии может стать обузой своему мужчине, помехой в реализации его планов. А ей этого очень не хотелось.

— Значит, я выхожу замуж за похитителя? И далеко мне придется отправиться?

— Без понятия. Наш господарь создал такую запутанную сеть двусторонних и односторонних порталов, что, наверное, уже и сам не помнит, какое место на каком расстоянии находится.

Михай подошел к стене, где между двух гобеленов с пастушками и овечками висело какое-то бурое полотнище. Что на нем изображено, Дарина не смогла определить, даже прищурившись.

— Это галерея в маленьком домике, который затерян где-то в лесах, там ты будешь меня ждать, — проговорил боярин и, слегка надавив ладонью, просунул руку внутрь полотна. — Как же оно активируется, драконья мать?

Раздался сухой щелчок, запахло хвоей, от ставшей вдруг объемной картины повалил пар.

— Первым делом, как будешь на месте, запомни, какой из гобеленов ведет сюда. Если совсем туго будет, бросай все и возвращайся. Подойди поближе, представь себе, как твоя рука входит внутрь изображения, и слегка там поверни, как ключ в замке.

— А как же твой бесценный господарь? — спросила Дарина. — Мне будет позволено его оставить?

Михай схватил ее за запястье свободной рукой, привлек к себе и поцеловал:

— Забудь все несурезицы, которые я тебе раньше плел. Вы с малышом — самое для меня важное. Поняла?

— Да, — шепнула Дарина в его раскрытые губы. — Поняла...

Переход был почти незаметен. Дарина, ступив из портала в незнакомый дом,

обернулась. Картина на стене изображала спальню господя во всех подробностях: аккуратно застеленную постель, оконные драпировки, блики от разноцветных стеклышек на полированных досках пола. Вот только мужчины, на поцелуи которого она отвечала несколько мгновений назад, на ней выткано не было.

ГЛАВА 13

О божественных явлениях и неожиданных появлениях

Давать, брать, делиться тайной, расспрашивать, угощать, принимать угощение — вот шесть признаков дружбы.

Я хотела есть, пить и спать, причем в любом порядке. Плотские испытания надоели мне до зубовного скрежета. На этом круге стены коридора усеивали небольшие смотровые окошки, за которыми происходили всяческие непотребства. Я поначалу еще с любопытством туда поглядывала — мало ли, какое знание в жизни пригодится. А потом стало мерзостно.

— Это мои фантазии потаенные там изображают? — осторожно спросила я лису.

— Нет, — скривилась та. — Это адепты воплощают свои.

— Да не может быть! Меня как-то, еще в деревне, подруга водила в храм. Там все чинно, благородно: песнопения трогательные, поклоны по числу светлейших ликов, а еще жрец предсказания вещал...

— Ты видела обряды для черни, ее только запретами да скорым наказанием в узде держать можно. А здесь все для своих устроено, для приближенных.

Последней каплей стала распятая на косом кресте пудовая бабища, которую охаживали плетками два затянутых в черную кожу мужика. Баба закатывала глаза в экстазе и кричала на швабском: «Еще! Еще! Сильней!» Обнаженные тела колыхались, ручьями тек пот. Подуставшие экзекуторы подбадривали друг друга срамными возгласами. Противно, честное слово!

Прислушиваться к своим ощущениям я тоже не забывала. А то вдруг момент пропущу, когда гордыня наружу полезет. Да нет, вроде обычно все. Умница и красавица Лутонюшка выступает, как пава. Спину держит ровно, чтобы корона с головы не сползла. Я ведь так обычно и хожу. Еще, правда, шестерка пажей мне полагается, чтобы подол горностаевой мантии в грязи не пачкать. Я быстро оглянулась назад — проверить, исполняют ли гадкие мальчишки свои обязанности, и — бах! — налетела на внезапно остановившуюся Хумэнь.

— Мы пришли.

Я фыркнула, потирая ушибленное плечо. Эк меня накрыло. Расскажу кому, не поверят.

— Ты меня по кругу водила, чтобы на то же самое место вернуть?

Зал был до боли знакомый — с мраморными колоннами. И я была уверена, что, присмотревшись, смогу определить, на какую из плиток нажимала лисица перед тем, как мы вниз ухнули. Единственное отличие — теперь по центру стояло огромное зеркало на кованых ножках. А может, оно и тогда здесь было, только скрытое от меня при помощи каких-то чар. Я приблизилась. Гладкая ониксовая темнота вместо ожидаемых отражений.

— Ты меня через него вытащила?

Хумэнь не отвечала, будто прислушиваясь.

Тип-топ... топ-топ... То ли капель, то ли чьи-то неторопливые шаги.

Лисица зашипела и набросилась на меня. Затрещала разрываемая ткань платья. Я потянула соперницу к себе, чтоб в последний момент присесть и сгруппироваться. Хрустнула суставом подломившаяся нога. Мы упали на пол. Саданув наугад коленом (кажется, попала), я попыталась столкнуть с себя комок мышц, в который превратилась моя спутница. Получила удар в подбородок, голова дернулась назад, затылок встретился с полом, в глазах потемнело. Рот стремительно наполнялся соленым, саднила треснувшая губа. Лисица продолжала кромсать мою одежду. Я плюнула в ее сосредоточенное лицо.

— Прекратить!

Змеиный шепот отрезвил нас почище ведра холодной воды. Лисица молниеносно отскочила и застыла в поклоне перед высокой фигурой вещуна. Трисветлый Ив был в маске, но голос его я узнала.

— Я недоволен тобой, Хумэнь, — продолжал Трисветлый, не обращая внимания на мои попытки подняться и принять подобающий вид. — Ты слишком долго ведешь ко мне нашу гостью.

А гостя тем временем стояла на коленях, одной рукой придерживая на груди остатки платья, а другой нащупывая на полу побольше лоскутков — прикрыть срам. Из губы на подбородок текла кровь, но лишних рук ее вытереть у меня не было.

— Девчонка полезла в драку, — оправдывалась лиса. — Мне пришлось применить силу.

— Да она сама...

Моя попытка восстановить справедливость была пресечена быстрым взглядом.

— Молчи, — беззвучно шевелились губы Хумэнь. — Молчи-и-и...

— ...виновата, должок у нее передо мной, — извернулась я. — А у меня — перед ней. Кровная месть у нас. Понятно?

И, плюнув на правила куртуазности, поднялась на ноги. Ив смотрел на меня с интересом. Нет, кажется... Фиалковые глаза в прорезях маски были холодны и неподвижны.

— Пообещай мне, что в моем присутствии вы воздержитесь от выяснения отношений.

— Наверде как грецкие игрища? Помнится, у них, когда до состязаний дело доходит, даже войны на время останавливают, — блеснуть знаниями было приятно. — Только пусть тогда ваша зверушка ко мне тоже не лезет. А то мое терпение, знаете ли, край имеет.

Неожиданная разговорчивость была следствием нервного напряжения. А вот то, почему при Светлейшем я всегда стремлюсь на просторечный мохнатовский говорок перейти, — это тайна, покрытая мраком.

— Ты слышала, Хумэнь? — Вещун повернулся к лисице. — Наша гостя не хочет тебя видеть. Удались.

Та склонилась еще ниже, изображая покорность, и молча отошла. Я провожала ее взглядом, надеясь на какой-то знак. Но лисица скрылась за колоннами, даже ни разу не оглянувшись.

Мы немного помолчали. Я потому, что не могла придумать, что еще такого ляпнуть, а Ганиэль... Не знаю, о чем думал он, но в его присутствии я чувствовала себя слишком маленькой, слишком незащищенной, слишком...

— Твоя нагота волнует меня, — наконец проговорил Ив.

Мне послышалась удивленная интонация в его голосе. Я покраснела.

— Гостью нужно сопроводить в ее покои и помочь одеться.

Он резко хлопнул в ладоши, из-за колонн появилась пара закутанных в плащи фигур. Жрецы? Слуги? Трисветлый резко повернулся и пошел в ту же сторону, куда перед этим исчезла лиса. Меня повели в противоположном направлении.

На стенах зала как по волшебству появились многочисленные резные дверцы. Когда я бродила здесь впервые, их видно не было. Неужели для того, чтоб открылись глаза, нужно было пройти испытания в спиральном коридоре?

— Сюда, — негромко направили меня к нужному выходу. — Дверь со знаком клевера.

А голосок-то женский, да и фигуры у моих сопровождающих мелковаты.

Я слегка пригнулась, проходя под низким косяком. Ганиэлю небось вдвое складываться приходится.

— Ваши покои, госпожа.

Я шмыгнула носом, оглядывая обстановку, которой, кстати, было негусто. Пол, устланный коврами, слегка пружинил под ногами. У стен в беспорядке были свалены огромные подушки. В отделке преобладали красный и темно-синий цвет, отчего я на мгновение представила себя в чреве огромного животного. С потолка спадал блестящий каскад прозрачных кристалликов. Я решила, что это светильник, между прочим сделал зарубку в памяти: под этой громадиной не стоять и не сидеть, а то мало ли что, неизвестно, насколько надежно она закреплена.

— Госпожа желает раздеться?

Я обернулась. Сопровождающие уже сняли свои маски и балахоны. Как я и предполагала, они были женщинами. Две молоденькие девчонки, не старше меня, чем-то неуловимо похожие, хотя одна из них была рыжей, с усеянным веснушками улыбчивым лицом, а другая — дородной и русоволосой. И кстати, не считая шелковых набедренных повязок, обе они были обнажены.

— Как вас зовут? — устало спросила я.

Ну голые, и дальше что? Я, по-моему, сегодня разве что с содранной кожей баб не видала. И то, скорее всего, потому что не смотрела внимательно. Да и сама я, если честно, не очень-то и одета. Вон даже Ганиэль взволновался. Я опустила взгляд вниз — на кровоточащие коленки, сбитые носки туфель, сползшие до самых щиколоток чулки. Волнительное зрелище, чего уж там — сама в растрепанных чувствах.

— У нас нет имен, госпожа, — ответила рыжая. — Мы здесь, чтоб служить вам.

— Чтобы исполнять все ваши желания, — подхватила другая. — Прикажете ванну, госпожа?

Госпожа пожала плечами. Ее в этот момент накрывала такая волна паники, что хотелось визжать тоненьким голоском. Но страхи страхами, а в порядок себя привести надо. Судя по всему, впереди меня ждал очень непростой разговор.

Ванная комната была огромной, гораздо больше той, в которой мы только что были. Купальня белого мрамора с тремя невысокими ступеньками, резные скамеечки, на которых теснились склянки и плоски с разнообразными маслами, притираниями, мелкими кристалликами разноцветной соли, а также стопки белоснежных отрезков ткани.

Я повела плечами. Платье упало, я переступила через него, оставляя в грязной куче обувь и чулки. Рыжая служанка подхватила все это и куда-то унесла. За ее движениями я не следила. Гораздо больше меня интересовали действия второй девушки. Та быстро спустилась на дно пустой купальни, приблизилась к выступающей из стены трубке, потянула за какой-то рычажок, из трубы хлынула пенная струя воды. Я ахнула:

— Что за чудеса?

— Никакого волшебства, — с гордостью ответила служанка. — В подвальных помещениях постоянно подогревается огромный котел, из которого вода потом по трубам поступает в ваннные комнаты гостей.

— Хитро, — одобрила я новинку. — А что у вас для справления естественных надобностей придумано?

— Клозет, — из-за спины сообщила вернувшаяся рыжая. — Новейшее изобретение ученой мысли.

Ученая мысль удержу не знала. Фарфоровая чаша на гнутых ножках зияла по центру круглой дырой. Я подавила желание наклониться и поорать туда, чтоб услышать эхо.

— Тоже система труб. — Служанка завелась не на шутку, было видно, что гордится она не только диковинками, но и своими знаниями о них. — Все отходы поступают в специальные резервуары, спрятанные глубоко под землей.

Я поцокала языком.

— Ну так их все равно время от времени опустошать надо. Золотарей нанимать, или колдовством каким развеивать.

Девки переглянулись, будто я сказала какую глупость.

— В храме не действует магия.

— Сила Трехликого так велика, что любой стихийник опустошится в одно мгновение, только попробовав применить свое колдовство.

— Бог защищает нас от магов.

— Он защищает нас от врагов.

— Исполняет наши желания.

— Забирает страхи.

— Дарит сны.

Они трещали как сороки, подхватывая фразы друг друга. Это было, конечно, замечательно и, наверное, даже поучительно...

— Стоп! — хлопнула я в ладоши, прервав на полуслове очередную восторженную тираду. — В другой комнате договорите. Как дела свои закончу — позову.

Они послушно вышли. Дел-то у меня было немного, только чужих глаз они не терпели.

Служанки поскреблись в дверь, когда я, уже намыленная, в шапке из ароматной пены возлежала на дне купальни, позволяя струйкам теплой воды массировать мое пострадавшее тело.

— Ну чего еще? — недовольно открыла я один глаз.

— Госпожа позволит услужить ей?

Я буркнула что-то невразумительное и заорала, когда ощутила скользкую горячую ладонь на своем бедре.

— Не бойтесь, госпожа, я сделаю вам хорошо, — шептала рыжая, усиливая напор.

Я, вздымая волны, отвесила ей затрещину:

— Если еще кто-то из вас посмеет прикоснуться ко мне...

Что я в таком случае сделаю, на ум не приходило, но и просто грозной интонации хватило за глаза. Девчонки выскочили из купальни как ошпаренные.

— Мне и так лучше всех, — пробормотала я остывая. — Еще немножечко поваляюсь и...

И я уснула.

Старик сидел в большом, обтянутом чешуйчатой шкурой кресле. Его седые волосы струились по плечам, сбегали на ониксовую поверхность пола и застывали там туманным озерцом.

— Подойди.

Я послушно приблизилась, поскрипывая кожей высоких верховых сапог.

— Почему ты — мальчик?

Я пожала плечами:

— Твой сон — тебе виднее.

— Может, тебе про меня наговорили, что я девственниц на обед ем?

— Меньше всего я в жизни думаю о твоём питании.

— Наглая девчонка.

Тяжелые веки опустились, прикрывая белесые страшные глаза.

— Не сердись. Это же сон, а во сне человек себя контролировать не может.

— Это потому, что ты не стараешься, — ответил он сварливо.

— Я буду усердней, — пообещала я. — А где остальные два?

Он, не открывая глаз, пожал плечами:

— Носятся где-то... Молодые, жадные, горячие. Им еще все интересно.

— Ты меня позвал, чтобы я тебя развлекала?

Он посмотрел на меня:

— А ты можешь?

— Только не пением. И не танцами. У мужчин как-то по-другому тело устроено, я еще не очень поняла, как им управлять.

— Игры какие знаешь?

— Из приличных — шахи. Но что-то мне подсказывает, что против тебя у меня шансов нет.

Он кивнул.

— Простецкая игра. У вас, людей, все игры простые.

Мы помолчали.

— В миру какие новости?

— В Араде? — уточнила я. — Твои ребята ракшаса вызвали, он нам чуть весь город не порушил.

— Арад? Это такой городишко на разломе? Там просто вызывать.

Я начинала злиться из-за бессмысленного разговора.

— А ты хорошенькая, — вдруг сказал он. — Садись.

Я приподняла подол кружевного серебристого платья и присела на кушетку. Он закинул ногу на ногу и отбросил с лица прядь седых волос. Его желтоватые кошачьи глаза хитро щурились.

— Ганиэль меня не любит, — пожаловался он. — И уважать совсем перестал.

— Мне его убить?

— Сам справлюсь. Ты не знаешь, зачем он тебя сюда притащил?

— Нет. А ты?

Он не ответил.

— Хочешь дар?

— Спасибо, у меня есть, — вежливо отказалась я.

— Ветер? — Его смех звенел стеклянными колокольчиками. — Это же почти ничего! Хочешь все четыре — огонь, воду, землю? Будешь единственной и неповторимой.

— Я и так... хм... неповторима...

В груди горело, мне не хватало воздуха.

— Жаль, — сказал он грустно. — Жаль, что ты не успеешь познакомиться со всеми.

— Почему? Третьего нет поблизости?

— Ты умираешь.

Ах-хах! Я извергала воду на мраморный пол купальни, стоя на четвереньках. Прислужницы хлопотали рядом, придерживая мою голову:

— Вы уснули и ушли под воду, госпожа.

— Хорошо, что мы в щелочку подглядывали и вас вытащить успели.

— Госпожа, вы слышите нас, госпожа?

Я кивнула, меня опять вывернуло.

— Трисветлый Ив просит вас к себе. Нужно поторопиться, госпожа.

Я, покачиваясь, поднялась. Руки висели плетью, колени дрожали.

— У меня было видение, — равнодушно сообщила я девушкам. — Ваш бог говорил со мной.

— Какая же вы счастливица!

С этим утверждением я могла бы поспорить, но мне было лень.

Меня наскоро вытерли мягкой тканью. Одна из прислужниц быстро заплетала мои волосы, пока вторая помогала одеться.

— Спину надо прикрыть. Давно это у вас, госпожа?

Сил не было даже на пожимания плеч, я мотнула головой.

Широкие белые штаны были из шелка — полупрозрачного, почти невесомого. Рубаха доходила до бедер. Сверху к ней полагалась еще расшитая жемчугом безрукавка. Носки кожаных туфель задорно загибались вверх. Меня подвели к зеркалу.

— Вам нравится, госпожа?

— Да, спасибо. — Десятки тонких косичек, которые успели соорудить на моей голове, колыхнулись в такт словам. Я покачнулась, будто под их тяжестью.

— Она свалится по дороге. Нас накажут.

— Надо признаться, что она чуть не утонула.

— Я не хочу. Скажут, что мы должны были находиться с ней неотлучно. Скажут, что мы виноваты. Помнишь, что с нами сделали, когда ты разбила любимую чашку брата Эскудара?

— Ой!

Девчонки шептались на франкском, так что я понимала каждое слово.

Я осторожно сделала несколько шагов и присела на ближайшую скамью. Отдохну пару минут, а там видно будет.

— Она действительно хорошенькая...

— Тебя все еще интересуют женщины, Младший?

Это были уже не служанки. Их шушуканье все еще доносилось до меня, но было только фоном для нового диалога. Знакомые мужские голоса звучали прямо у меня в голове, и мне это совсем не нравилось.

— Не завидуй, Первый.

— Было бы чему...

— Она прошла по спирали. Ты почувствовал?

— Да, это сразу заметно. Это что-то значит?

— Ив не сможет ее заморочить.

— Его давно пора наказать. Он слишком уверовал в свою непогрешимость.

— У нее получится?

— Посмотрим. Она обещала нас развлечь.

— Она вас слышит! — резко проговорил кто-то третий, и из моей головы наконец-то убрались.

— Выпейте, госпожа.

Ноздрей коснулся насыщенный, незнакомый запах. Я открыла глаза. Служанка держала передо мной поднос, на котором стояла крошечная чашечка с дымящейся коричневой жидкостью.

— Это кафа — бодрящий напиток. Вам станет легче.

Я осторожно отхлебнула. Огненный шарик скользнул по горлу, оставив во рту приятный вязкий вкус. В два глотка сосуд опустел.

— Еще!

— Подождите немного, госпожа. Сейчас напиток начнет действовать.

Я решила прислушаться к совету и расслабилась. Сначала ничего не происходило, а потом по жилам будто побежали воздушные пузырьки, забрав головную боль и вялость. Совсем хорошо мне не стало, но полегчало изрядно.

— Это колдовство?

— Нет, — улынулась рыженькая. — Просто свойство плодов, растущих на другом континенте.

Я повела головой, прислушиваясь к перезвону крошечных колокольчиков, которыми умелицы успели украсить мои косицы, и поднялась с лавки:

— Мы можем идти.

Комната, куда меня привели, была выдержана в золотисто-коричневых, приятных глазу тонах. Ганиэль ждал меня, восседаая на подушке у круглого столика. Его светлого шелка одежды были похожи на те, в которые вырядили меня служанки. Только рубаха, с длинными разрезами на бедрах, была длиннее и доходила почти до колен. Девушки после поклонов удалились. Мы остались вдвоем. От курильницы, стоящей у окна, вился ароматный дымок.

— Присаживайся, — кивнул мне Трисветлый.

Я приблизилась и уселась к столу.

— Вы хотели видеть меня?

— К чему эти церемонии? Я же разрешил тебе называть меня на «ты». Мы скрепили нашу дружбу поцелуем. Ты помнишь?

— Во сне не считается, — покраснела я.

Его фиалковые глаза ничего не выражали.

— Ты голодна? Угощайся.

Я обвела взглядом стол. Сыр, фрукты, тоненькие кусочки вяленого мяса, прозрачный напиток в фарфоровых сосудах, на поверхности которого плавали розовые лепестки, пресные хлебцы, ракушки с комочками чего-то малоаппетитного. Я схватила лепешку.

— Благодарствую.

Жевалось с трудом, кажется, в купальне я приложилась скулой о мрамор.

— Вина? — Хозяин протянул мне бокал с рубиновой жидкостью. Я покачала головой:

— Что-то не хочется...

Ни беседы, ни трапезы у нас толком не получалось. Я не знала, на сколько хватит действия бодрящего кафа, поэтому с хмельным решила не рисковать. Взяв фарфоровую плошку, я понюхала содержимое и осторожно отхлебнула. Ив рассмеялся:

— Это вода для омовения рук.

Я допила до дна и отставила посуду.

— В ней же еще никто ничего не мыл?

Он опять рассмеялся.

— Прости, я не подумал о том, что некоторые обычаи моей родины могут быть тебе незнакомы. Смотри, это устрицы.

Он взял одну из ракушек и серебряной двузубой вилочкой достал из нее комочек полупрозрачного мяса.

— Лакомство это более всего ценится влюбленными, ибо тайное свойство его — разжигать страсть.

— Страсть к познанию во мне уже проснулась, — сообщила я, следуя примеру хозяина.

Несмотря на отвратный внешний вид, устрицы оказались довольно вкусными. Мясо не мясо, рыба не рыба... Хорошо еще, мне вовремя показали, как его есть, а то с меня бы стало саму ракушку оприходовать. Недаром в народе говорят, что голод лучшая приправа. Я, равномерно работая челюстями, отдавала должное предложенным разносолам. Чувствовала я себя уже получше, даже страх куда-то исчез, уступив место любопытству. Зачем я нужна Иву? Дракона не приручила, да и где он теперь, этот Дракон? Я поискала взглядом, чем бы запить еду. Вино просвечивало сквозь тонкие стенки бокала. Вкусное, наверное. Я, под пристальным взглядом Ива, выпила воду из второй рукомойной плошки. А вот еще интересно, Влад ему зачем?

— Отвести тебя к бассейну? Будешь пить прямо из него? — Сарказм в голосе Трисветлого скрывал раздражение.

— Благодарю, я закончила трапезу, — покачала я головой, колокольцы на косах задорно звякнули. — И готова к серьезному разговору.

Чем хороша была моя новая одежда, так это удобством. Я откинулась на подушке,

подтянув колени к подбородку, пальцы рассеянно перебирали тонкую ткань рубахи. Мне было хорошо и спокойно, я чувствовала себя в безопасности. Где-то вдали невидимый музыкант пощипывал струны лютни.

— Я должен задать тебе ритуальный вопрос, — сухо начал Ив. — Ты хочешь служить моему богу?

Мне показалось, что ответа от меня ждет не только и не столько мой собеседник.

— Я не хочу служить богам.

— Что ж, ты сделала выбор. — Ганиэль поднес к подбородку сплетенные пальцы, вся его поза выражала задумчивую сосредоточенность. — А теперь я расскажу тебе одну историю. Тебе должны нравиться... Как у вас называют небылицы, которые передают из уст в уста долгими вечерами?

— Сказки. Я люблю их.

— Сказка, которую я тебе поведаю, началась давно и не в вашем мире. А ты должна знать, что во вселенной существует множество обитаемых миров...

Дождавшись от меня утвердительного кивка, Ганиэль продолжал:

— Так вот, этот другой мир был прекрасен. Золотистый песок искрился под голубым солнцем, зеленые волны океана были полны жизни... А какая там была магия! Она струилась по земле подобно прибрежным туманам, она потрескивала язычками пламени в очагах, она... Ее было даже слишком много. И еще в этом мире жил бог. Это был хороший бог, справедливый и могучий. Он помогал жителям того мира, направлял и оберегал их. Они платили ему благодарностью, ведь людям надо во что-то верить. К шпилям храмов возносились молитвы и песнопения, и всегда полыхал в жертвенниках благодатный огонь. А потом этот мир стал умирать. Понемногу из него стала утекать магия, а вместе с ней и жизнь. Бог ничего не мог сделать. Ибо не в его власти было остановить быстротекущее время. И тогда он поведал людям о скорой гибели их мира.

— Возвестил? Предсказал? Поэтому вы и вещуны?

То, что Ив делится со мной историей о своем божестве, сомнений у меня не вызывало. Мне было лишь непонятно, чем я заслужила эту сказку. И еще было очень-очень интересно.

— Это вы нас так называете... Я никогда не задумывался почему.

Трисветлый отвечал обиженно, поэтому я решила больше не перебивать, только подалась всем телом вперед, чтоб не упустить ни словечка из чудного рассказа.

— Люди приняли весть стойко. Они не боялись конца, потому что потом им была обещана лучшая, вечная жизнь. Единственным, что мешало достойному ожиданию смерти, была забота о боге. Ибо его на той стороне жизни не ждало ничего. И тогда лучшие умы и самые могущественные маги мира создали артефакт — ключ между мирами, который позволял их божеству уйти, не дожидаясь конца. И бог ушел...

— А тот мир? — Я все-таки не выдержала. — Он все-таки погиб? А люди, которые там остались, получили обещанную вечность?

Ганиэль пожал плечами и не ответил.

— Вместе с богом ушли несколько доверенных жрецов. Мы скитались среди звезд, иногда находили пристанище в каком-нибудь мире, но в каждом из них были свои боги, и они не были рады нам. И вот наконец мы явились сюда...

— А у нас богов, что ли, мало? Да я прямо сейчас пару десятков могу назвать, а про скольких я еще и слыхом не слыхала!

— В том-то и дело. Здесь их много. Одним больше, одним меньше... К тому же мы все равно не сможем отсюда уйти — у нас нет ключа. При последнем переходе артефакт раскололся...

Тишина, наступившая с последним словом Трисветлого Ива, не была гнетущей. Я обдумывала только что услышанное. Ни вещунского бога, ни самих вещунов мне жалко не было нисколечко. Сочувствие вызывал только оставленный ими мир, а точнее, его обитатели. Если Трехликий был таким справедливым божеством, как его только что мне описали, он должен был либо уйти, забрав всех своих людей с собой, либо остаться с ними до конца. Потому что власть — это не только право на поклонение, но и обязанности перед своими последователями.

— Я так понимаю, это еще не вся сказка?

— Это зачин, — кивнул Ганиэль. — Как вы говорите, присказка.

Он медленно отхлебнул вино, поставил бокал на стол.

— Ты уверена, что хочешь услышать продолжение?

— А каково ваше желание?

— Да или нет, девочка. Это просто. На любой вопрос можно ответить «да» или «нет», сделав выбор, завязав узелок вероятности, выбрав свою дальнейшую судьбу.

— Не на любой! — вздернула я подбородок. — Зачем вы меня сюда притащили? Для чего вернули мне память? И за каким лешим вы вообще вмешиваетесь в мою жизнь? Ну что? Да или нет? Вы можете ответить на мои вопросы столь односложно, Светлейший?

Он вскочил и бросился ко мне. Я только пискнула, когда его длинное тело прижало меня к подушке.

— Я же просил называть меня на «ты».

Рот его был сухим и горячим. Когда Ганиэль отстранился, по его подбородку текла моя кровь: только начинающая подживать ранка опять открылась.

— Что ты теперь скажешь?

Я схватила со стола бокал, отпила, только бы смыть вкус чужого неправильного поцелуя:

— Ты победил. Ты сильный. Не трогай меня больше, пожалуйста!

— Когда я возвращал тебе память, ты не была столь целомудренна.

Я покраснела. Вопить знакомое «во сне не считается!» было опрометчиво. А то вдруг он мне вдругорядь примется что-то доказывать. Они-то в своем храме вообще на плотских утехах повернуты, как я погляжу. А чем я его отгонять буду, если он в раж войдет? Подвеской с ракшасом размахивать? Оружия-то у меня больше никакого нет. Я заполошно схватилась за грудь. Кругляш подвески жег пальцы.

— Покажи.

Ив твердо взял мои запястья, руки безвольно опустились.

— Так вот каким образом вы победили ракшаса! Арадские братья до сих пор пребывают в растерянности.

Ганиэль резко дернул кулон, цепочка звякнула и порвалась.

— Тебе это больше не понадобится.

Я проводила так и не пригодившееся оружие грустным взглядом. Ай, было бы отчего горевать! Я же все равно не знаю, каким образом эта штука активируется.

— Пользуйся на здоровье.

Ив странно на меня посмотрел, сжал кулак и через мгновение продемонстрировал мне горстку пепла на ладони.

— Ты его отправил обратно? — с любопытством спросила я.

- Слишком далеко от разлома, я его уничтожил.
- А разлом, стало быть, у нас в Араде? Что это вообще такое?
- Тонкое пространство. Бывают в вашем мире и такие места, где ткань реальности ветшает... Кстати, именно поэтому для всех лучше, когда волчьим княжеством правит колдун.
- Понятно, — кивнула я. — А ты не хочешь мне поведать, для каких целей тебе этот самый колдун понадобился?
- Хочу. Именно об этом я расскажу тебе во второй части нашей истории...

Михай осторожно провел рукой по поверхности гобелена. Кончики пальцев кольнуло. Значит, переход активен, Дарина при любой опасности может сбежать к нему. Боярину нужно было возвращаться к делам. Хотя какие могут быть дела? Лавировать между двумя разозленными женщинами, не попадаясь ни одной из них на глаза? Выиграть время, пока верные ему люди снимут все патрули городской стражи и оцепят казармы? Что ж, такая задача ему по силам. Тем более что он уже не первый день играет со всеми в прятки. Спальня Влада оказалась идеальным укрытием. После того балагана, который устроила здесь накануне властолюбивая вдовушка, никто и не думал заходить в опустевшие покои.

- Срочные известия, боярин! — В опочивальню господаря вбежал Сорин, десятник Драконьей своры. — Еле тебя нашел, пришлось след брать.
- Какие новости? — Михай уселся на кровати, рука привычно попыталась нащупать прохладный бочок фляги.

Сорин проследил за его жестом:

- Ты у невесты в комнате пойло свое забыл. Кстати, стражники до сих пор вповалку в коридоре спят.
- Как проспят, всех выпороть и к остальным — под арест, в казармы. Что там стряслось?
- Гости к нам издалека пожаловали.
- Посольство из Слатины? Не рановато?
- Бери выше. Квадрилий отряд магов прислал. Они еще вчера в Варколаре объявились. Мы бы и раньше узнали, только почтовый голубь не долетел. Они, видать, сразу голубятню чарами накрыли, чтоб информация не просочилась. Сейчас стоят у ворот, требуют выдать им метрессу Лутецию Ягг.

Михай потрянул головой:

- А чего мы ее не отдаем? Кто это вообще такая?
- Их предводитель портретом размахивает. Ну одним из тех, с которыми ты ветреницу свою искал. Судя по всему, она та самая метресса и есть.

Боярин на минуту задумался. Маленькая рутенская ведьма. Ее робость перед Драконом, недомолвки, старинные артефакты, которые девочка таскала с собой в холщовой суме...

- А ведь я дурак, — сообщил он Сорину. — Конечно, не больший, чем Влад, но тоже хорош. Бабушка ей не велит... Нет, чтоб сразу выяснить, кто у нас бабушка.

Десятник ничего не понял, но радостно кивнул. Самоуничтожение начальства было ему приятно.

- Чего делать-то будем?
- Отряд большой?

— Драконья дюжина. Три боевых квадры и командир. Судя по виду, огневик.

Михай вскочил:

— Вели открывать ворота!

— А что с домной Димитру?

— Скажешь, мы на военном положении. Пусть у себя побудет — рукодельем займется. И, Сорин, под шумок надо будет Костина Радулеску убрать.

— Совсем?

— Для начала в темницу. Пусть посидит пока за попытку переворота. Я потом указ нужный подпишу.

Колокол главной башни ударил дважды.

— Арад наш! — широко улыбнулся Сорин. — Зачистка окончена.

— Самое время политесы разводить. Распорядись там, чтоб магов разместили с подобающими почестями. И аудиенцию в Гербовом зале организуй, чтоб все честь по чести. — Михай пошел к двери. — Знал бы ты, как в такие моменты мне Дракона не хватает. Я же воин, а не царедворец.

Мужчины вышли. Некоторое время ничего не происходило. Потом из-под кровати вылетело облачко серой пыли.

ГЛАВА 14

О непростом выборе

Вскипятить молоко и томить его на маленьком огне, пока не пожелтеет. Добавить ложку сметаны и поставить скисать в прохладное место.

Самое тревожное из всего, что я за сегодня узнала, это то, что, пока я в храме трехликого божества бока отлеживаю, в миру может много времени пройти. Что там сказал Ив перед окончанием аудиенции? «Близость Трехликого искажает временные потоки». Если бы он затем не пояснил, что имеется в виду, моя коллекция бессмысленных умных слов существенно бы пополнилась. А так я даже понимаю, что это означает. И это понимание заставляет меня беспокойно ворочаться на огромной подушке. Совет нужен! Помощь и совет, да и просто поболтать с кем-то, кому я доверяю, не помешает. А где блюдо мое со знакомицей Иравари? Нет его. Я же, умница стоеросовая, вместо полезной вещицы в поход подвеску с ракшасом прихватила. Все, решено! Как обратно выберусь, попрошу арадского кузнеца дырочку в блюде просверлить, веревочку туда вдену да на шею подвешу. А чего? Значит, нагрудные знаки с ладонь величиной господалям таскать можно, а почти такого же размера блюдец девам — не положено? Я вообще за равноправие. И за удобство. Вот как здорово было бы сейчас чем-нибудь в посудку поплескать да слова заветные молвить: «Блюдечко непростое, яблочко наливное...»

За окном была ночь, стрекотали кузнечики, журчала вода в многочисленных фонтанах. Я зевнула. Порыв ветра надул оконную занавесь подобно парусу корабля.

— Лутона-а-а...

Низкий негромкий голос заставил мое сердце тревожно забиться. Если бы не тугие косицы, мои волосы точно стали бы дыбом от страха.

— Лутона... это ты-ы-ы-ы?

Я вскочила и пошла на звук. Не хватало еще после всего, что со мной уже произошло, из-за потусторонних голосов труса праздновать. Не дождетесь, ёжкин кот!

В ванной комнате тоже никого не было. От мраморного дна пустой купальни отлетало эхо моих шагов. Я поправила простыню на плечах.

— И как тебе это удалось? — спросила Иравари, глядя на меня из большого настенного зеркала. — Сидром, между прочим, даже и не пахнет.

Я обрадованно вскрикнула и подбежала поближе.

— У вас там что, карнавал? — недовольно проговорила демоница, оценив мой наряд. — Кстати, ты вообще где?

Последний вопрос был единственным, на который я могла четко ответить:

— В храме Трехликого бога.

Иравари растерянно посмотрела куда-то себе за спину, запахнула на груди шелковый халатик и уселась на стул.

— Я, между прочим, вторую ночь дежурю, твоего вызова жду.

— Не получилось раньше. Я по светящейся ниточке сюда попала...

Пару минут я путано пыталась поведать демонице все, что со мной за последнее время произошло.

— погоди, — вдруг скомандовала она мне и, обернувшись, проговорила что-то.

Этого гортанного языка я не знала. За спиной Иравари угадывалась разобранная постель, одеяло на которой вдруг зашевелилось. Из-под него на мгновение показалась нечеткая мужская фигура, которая сразу юркнула куда-то за пределы обзора.

Невидимый мужик прорычал что-то. Видимо оскорбительное, потому что Иравари сорвалась с места. До меня донесся звук хлесткой пощечины, обиженное бормотание и громкий хлопок двери.

— Ну все, — вернулась Иравари, потирая запястье. — Личная жизнь отложена на неопределенный срок. Я вся внимание.

— Он обиделся? — смущенно спросила я.

— На обиженных воду возят, — щегольнула демоница поговоркой. — Я себе таких, как он, дюжину найти могу, если понадобится. Продолжай... Значит, на тебя ментально воздействовали, чтобы затащить в храм?

— Похоже, — пролепетала я. — Вот именно так, как ты сказала, и воздействовали.

— А лисица для выработки иммунитета к этому виду магии провела тебя по спиральному коридору, а затем разыграла драку, чтобы Трисветлый Ив о твоей приобретенной устойчивости не догадывался?

— Будешь меня незнакомыми словами путать, я спать уйду! — пригрозила я.

— Чудненько! — не испугалась Иравари. — Значит, проходим путь, получаем бонусы... У тебя там крылья или хвост не выросли для комплекта?

— Нет!

— Хорошо. А то с этими богами и не такое бывает. При встрече можешь расцеловать Трехликого во все три пяточка.

— Зачем?

— В благодарность. Новоприобретенная способность работать с информационными потоками стоит поцелуя.

— Чего?

— Ты меня призвала без всяких артефактов! — отчеканила демоница. — Блюдце свое можешь теперь выбросить. И заканчивай дурочку валять. Пока ты тут чевочкаешь, вокруг столько всего интересного происходит...

Иравари смотрела куда-то сквозь меня, ее зрачки будто пробегали строчки текста.

— Давай быстрее выкладывай, чем разговор с Ивом закончился. Я пока попробую чужую передачу перехватить.

Ароматный дымок кафа витал в воздухе. Я грела ладони уже о третью чашечку и ревниво поглядывала на пузатый чайник, стоящий посередине стола, — много ли там еще осталось.

— А теперь поговорим о маленьком честолюбивом колдуне, который с таким упорством собирает по всему миру осколки нашего артефакта, — нарушил молчание Ив. — Поговорим о Драконе.

— Ты не любишь его.

— Пока достаточно, что его любишь ты.

Мне хотелось возразить, выкрикнуть что-нибудь хлесткое и обидное, но я промолчала.

— Тридцать лет назад романский князь Влад, отчаявшись удержать в руках бразды правления, обратился к нам. Валахия тогда была почти независима, вассальным клятвам никто не следовал, разлом, на котором стоит Арад, расширялся. Округу наполняли умертвия, прибывающие с той стороны. Князь попытался найти поддержку в Квадрилиуме, нанять боевых магов для сдерживания, но элорийцы отказали. Стихийники предпочли ожидать, когда ситуация совсем выйдет из-под контроля, чтобы

подмять под себя весь континент, не прилагая лишних усилий...

— Погоди, — не выдержала я. — А кто же до этого сдерживал разлом?

— Дедушка твоего суженого был очень мощным колдуном, — ответил Ив. — А вот с потомками ему не повезло. Семеро сыновей без всяких способностей, да еще, как потом выяснилось, наследники оказались бесплодны. Старик долго держался, надеясь на внуков, но время взяло свое.

— Его, наверное, тоже звали Влад? Это у них родовое имя?

— Ты правильно догадалась.

Я улыбнулась похвале.

— Значит, твой бог помог тогдашнему князю? Мужской силой наделил? То-то у него потом детей появилось без счета!

— Это был побочный эффект, — кивнул Ганиэль. — Он просил наследника-мага. Он его получил — своего бастарда.

У меня в висках заломило от появившейся догадки:

— Вы дали ему ребенка?

— Он вошел к женщине нашего рода, она понесла. Через девять лун князь забрал сына и больше к нам не возвращался.

Мне было очень грустно. Покойный отец Влада вызывал во мне противоречивые чувства.

— Зачем мне обо всем этом знать?

— Чтобы, когда придет время, ты смогла сделать правильный выбор...

Иравари смотрела на меня с материнской заботой:

— Ну а реветь-то чего?

— Получается, что его никто никогда не любил! Мать сразу после рождения отказалась, отец в Арад на воспитание к домне Димитру отправил...

— Стоп! — прервала мои всхлипы демоница. — Из чего тебе выбирать придется, Ив сообщить успел?

— Нет, — шмыгнула я носом. — Злыдень! Довел любопытство до точки кипения и окончил аудиенцию. Сказал, завтра продолжим.

— Сильный игрок, — одобрила Иравари. — Жаль, что он тебя совсем не привлекает.

— Да сколько же можно!

— Стоп! Наш Светлейший собрался с кем-то извне беседовать. Если получится...

Зеркало подернулось рябью, демоница исчезла. Я испуганно отшатнулась, когда перед моими глазами вырос Трисветлый Ив. Он кутался в вещунский балахон, маска поблескивала в опущенной руке.

— Не бойся! — ободрила невидимая Иравари. — Тебя он не видит и не слышит.

— А с кем он общается? — полюбопытствовала я, перестав дрожать.

— Минуточку...

Что-то щелкнуло. Теперь поверхность зеркала пересекала косая черта. В верхнем левом углу было слегка уменьшенное изображение Ива, а в правом... Иветта! Мачеха венценосного бастарда. Ив и Иветта... Я хихикнула, только сейчас заметив схожесть их

имен.

— Мадам, к сожалению, я не могу сейчас примчаться к вам на помощь, — шелестел Ганиэль, видимо продолжая начатый разговор. — Активные порталы в Шегешваре, несмотря на сложную политическую обстановку, готовы в любой момент перебросить к вам войска.

— С кем я буду здесь воевать? — заломила руки Иветта, и я невольно залюбовалась картинностью движения. — С этой курицей Димитру? Она, как и я, под домашним арестом. Ее сын оказался вовсе не таким остолопом, каким мы его считали! Вся его слабость характера и зависимость от алкоголя оказались не более чем игрой.

— Недооценивать противника — серьезная ошибка.

— Дело говорит, — прокомментировала Иравари. — Ты тоже мне Михая пьянчужкой описывала.

— Не отвлекай, — покраснела я. — Потом поругаемся.

— Мадам, — вдруг строго сказал Ив. — Продемонстрируйте мне артефакт, о нахождении которого вы с гордостью сообщили мне накануне!

Княгиня расплакалась:

— Я пыталась обмануть вас, Светлейший!

— Это было неосторожно с вашей стороны.

— Простите, простите меня! Тело Влада похитили, а с ним и нужную нам вещь. Я старалась!

— Вот смотри и учись, как правильно перед мужиками рыдать, — опять не выдержала демоница. — Бровки складываешь домиком, добавляешь во взор томную страсть, слезы рукавом не размазываешь, пусть стекают по щекам хрустальными капельками. И главное — не всхлипывать...

— Цыц!

— Да успокойся ты. Ничего интересного не пропустим. Сейчас твой Ганиэль пару минут властью понаслаждается, а потом ей какое-нибудь решение предложит.

— Нешто кто-то любит плачущими бабами любоваться?

— Ага. Этот точно из таких, из любителей... Кстати, ты поняла? Артефакт Дракон при себе таскает. Значит, туманная многоножка, на которую ты Драконью свору спустила, его просто обыскать намеревалась.

Я согласно кивнула. Вдовушка всхлипнула. А ведь вода Серебряного озера ей не очень-то помогла. Вон гусиные лапки у глаз, и от крыльев носа две глубокие морщинки. Я вспомнила Мейеру, жрицу индриков, с которой познакомилась в Заповедной пуще. У той тоже при налитом соком теле лицо было старым и морщинистым. Мне вдруг стало жалко вдову романского князя. Столько усилий баба прикладывает к сохранению красоты, а оно все без толку.

— Вы обещали мне, что я приручу Дракона, — продолжались меж тем стенания. — Вы заверили меня, что я под вашей защитой... А теперь, когда я совсем одна... Когда элорийцы прислали боевой отряд для спасения этой вашей девчонки... Меня просто убрали в чулан, как надоевшую игрушку!

— Какой отряд?

— Какая девчонка?

Спросили мы с Ивом практически одновременно. Его вопрос, в отличие от моего, был услышан.

— В Араде маги. Их предводитель требует выдачи Лутеции Ягг. Боярин Димитру лебезит

перед ними и тянет время.

Я ахнула. Ганиэль некоторое время молчал.

— Чего вы хотите, Иветта? — спросил он наконец.

— Что вы имеете в виду? — повела княгиня абсолютно сухими глазами. — Разумеется, власти и подобающего положения.

Тонкие губы Светлейшего тронула улыбка.

— Тогда вы немедленно пошлете верного человека к нашим братьям в Араде. Пусть он сообщит им о роспуске коллегии и незамедлительной эвакуации. Мы сейчас не готовы к противостоянию с Квадрилиумом.

— А затем?..

— О нет, мадам. Сначала исполните мою просьбу. С некоторых пор мое доверие к вам пошатнулось.

Иветта повернулась к нам спиной:

— Ты слышала, что нужно сделать. Иди!

Верная приживалка поклонилась в сторону зеркала и засемила к выходу. Все провожали взглядом ее приземистую фигуру.

— Когда вырастешь, обязательно себе шпионскую сеть организуй, — посоветовала Иравари. — Таких вот Йохан с десятков набери и горя знать не будешь.

Я прыснула:

— Обязательно! Вот только подобающее положение займу.

— А что теперь? — требовательно спросила Иветта.

— Мы сделаем шах и мат. Помнится, вы рассказывали мне о страстных ухаживаниях своего пасынка. У вас сохранились вещественные доказательства нежной привязанности? Письма? Подарки?

Княгиня задумчиво кивнула.

— Вы захватили их с собой в путешествие?

— Да. — Легкий румянец коснулся нежных щек. — Моя шкатулка воспоминаний всегда со мной.

— Чудесно. Мадам, теперь мы должны рассчитать время. Первый ход нужно сделать при большом количестве зрителей. Торжественная аудиенция, прием...

— На сегодняшнее утро запланировано нечто подобное. Слуги готовят Гербовый зал.

— Прекрасно! Вы должны любой ценой оказаться среди присутствующих и потребовать немедленного брака со своим возлюбленным Владом.

— Но его же нет!

— Тем лучше, он не сможет вам отказать. Будьте убедительны — вы влюбленная женщина, требующая овеществления вашей любви. Боярин Димитру, как правая рука господаря и владетель Арада, должен заключить с вами брак от лица сюзерена. По доверенности.

— Это невозможно! — ахнула я, когда смогла говорить.

— Еще как возможно, — возразила Иравари. — Помнишь, ты меня просила про брачные обряды ваши узнать? Так я тут порылась в разных источниках...

— Вы должны воззвать к Квадрилиуму, от лица которого выступают гости. Присутствие

магов всех четырех стихий сделает обряд законным и по островному обычаю.

На мраморном лбу Иветты залегла складка. Княгиня напряженно думала.

— Таким образом, мои вассальные клятвы господарю аннулируются. И как законная владычица Арада я смогу...

— Вы многое сможете. А особенно — помочь мне заново образовать коллегия как можно ближе к разлому.

Будущая невеста рассеянно кивнула:

— Конечно, всенепременно. А что же я буду делать, если вернется Влад?

— Покорите его, моя дорогая. С вашим опытом и красотой это не представляется мне трудной задачей.

— О да! Мой возлюбленный, мой дорогой, мой самый... дорогой...

Княгиня уже была в образе.

— Прощайте, Ганиэль! Надеюсь, в следующий раз я буду говорить с вами в новом качестве.

— Нисколько в этом не сомневаюсь. До свидания, мадам.

Изображение Иветты исчезло.

— Из вас получится хорошая пара. Именно такой наперсницы и достоин Дракон, — устало проговорил Ив и тоже пропал.

Я посмотрела в черные глаза испуганной Иравари и разревелась.

За окном рассветало. Предутренний туман заползал в комнату, заставляя меня дрожать. После бессонной ночи ломило виски.

— Ну почти со всем разобрались, — зевнула Иравари. — Я бы на твоём месте выслушала, чем ещё тебя Ганиэль заморочить попытается, и в Арад махнула. Маги тебя в обиду не дадут.

Демоница тоже выглядела не лучшим образом. В руках она держала огромную кружку, над которой вился синеватый дымок. Мне тоже захотелось хлебнуть чего-нибудь горяченького — взвару там или лучше бодрящего кафа, к которому я, кажется, успела пристраститься.

— У него точно в рукаве такой козырь против меня припрятан, что не обрадуюсь.

— Мне пока ничего умного в голову не приходит.

Я поднялась с подушки, которую ночью перетасила из спальни, и с хрустом потянулась.

— Иравари, ты только меня не бросай. Побудь тут, пока служанки явятся.

— Я и подольше могу. Зазеркалю изображение с твоей стороны, меня никто и не заметит.

— Спасибо...

— Госпожа, вы уже проснулись? — В дверь ванной комнаты просунулась рыжеволосая голова.

Ее обладательница, в отличие от меня, провела ночь с пользой для красоты: щечки румянились, зеленые глаза бодро поблескивали. Я перевела взгляд в зеркало. Страшилище! Бледная, лохматая, синяки вполлица...

— Вы сейчас позавтракаете, и мы приведем вас в порядок, — зачастила служанка,

приоткрывая дверь пошире и впуская в комнату свою напарницу с подносом.

Запах кафа меня несколько взбудрил. Пока мне расчесывали и заново переплетали волосы, я отдавала должное сытной трапезе. Все как я люблю — фрукты, сыр, хрустящий хлеб. Тем временем в купальню набралось достаточно воды, и мы спустились туда втроем.

— Кто руки распустит, без них и останется, — пригрозила я на всякий случай.

Иравари фыркнула из зеркала.

— Мы не посмеем, госпожа, — успокоила меня рыженькая, вооружившись огромной мочалкой.

— Ваши желания для нас закон...

Меня обильно намылили, втерли в кожу ступней и ладоней ароматное масло. Одна из служанок устроилась сзади и осторожно стала массировать мои плечи.

— Это было больно, госпожа? — провела она ладонью по моей спине. — Когда вам это делали?

— Картинку уродскую? — переспросила я миролюбиво. — Оно само собой как-то получилось. Сначала чесалось, потом проступили контуры...

— Почему же уродскую? — приблизилась рыженькая. — Нам очень нравится. Тонкая работа. Говорят, на далеких восточных островах так украшают великих воинов. Мы сначала решили, что вы дева-воительница.

«Вот именно что дева», — подумала я, прикрывая глаза.

— Не спите, госпожа. Трисветлый Ив ждет вас.

Я тряхнула головой и отхлебнула из услужливо поднесенной мне чашечки.

Шелковое платье теперь было голубым. Служанки зачем-то подвели мне глаза по верхнему веку, и теперь они казались огромными на осунувшемся лице. Косиц сегодня было еще больше, а их кончики украшали бусины синего горного хрусталя. Ну что ж, мастерицы справились с поставленной задачей: вся моя бледная усталость теперь выглядела благородной утонченностью.

Меня вывели во двор. Мимо фонтанов мы свернули на знакомую галерею и уже через несколько минут оказались в покоях «моего друга» Ганиэля.

На круглом столике стояла резная шкатулка, источая благородный аромат сандалового дерева. Ив был в вешунском балахоне, маски нигде видно не было. Служанки удалились, я кивнула хозяину и присела к столу.

— Ты не спала?

— Мысли разные донимали, — честно ответила я. — Доброе утро.

Он усталым жестом потер виски:

— Ты можешь отказаться уже сейчас. Я отпущу тебя без всяких обязательств.

— Куда?

— В Араде тебя ожидает отряд элорийских магов, чтобы сопроводить к месту учебы.

Я вежливо изобразила удивление:

— Квадрилюм неплохо жил и без меня, подождет еще немного. Я хочу знать окончание истории.

Ганиэль помолчал, будто собираясь с мыслями.

— Итак, ключ... Влад Дракон, о чьем не совсем человеческом происхождении я тебе поведал накануне, пытается собрать расколотый артефакт.

— Яйцо? — уточнила я на всякий случай.

— Какая разница, в виде чего выполнен ключ? — В спокойном голосе Ива угадывалось раздражение. — Влад многого добился. Разбросанные по всему континенту осколки будто сами шли ему в руки. Чем он наполняет конструкцию, мне доподлинно неизвестно, но судя по тому, что в последний раз я видел мальчишку полумертвым, — своей силой.

Я слушала так внимательно, что, кажется, забывала дышать.

— Я хочу, чтобы ты принесла мне артефакт, — неожиданно закончил Ганиэль. — Сегодня же.

— Каким образом?

— У меня есть последняя недостающая часть. Она поможет тебе найти остальные.

— А она поможет мне вернуть Дракона к жизни?

— Да, — просто ответил Ив. — И тебе придется действовать очень быстро. Сегодня утром в Араде состоится бракосочетание вдовой княгини Иветты и господаря...

— Вы пытаетесь убедить меня, что такой кровосмесительный союз возможен? — скривилась я.

— Поверь мне на слово. Как и тому, что только сам счастливый жених может ему помешать. Власть, понимаешь ли, штука довольно эфемерная и во многом зависит от того, какого мнения придерживается большинство. Без Дракона во плоти тебе нечего противопоставить желаниям княгини.

Я кусала губы. Ёжкин кот, так спешить надо! Быстренько на все соглашаюсь, отыскиваю и оживляю Влада, и пусть он сам со своей мачехой любвеобильной разбирается.

— Ты можешь удивляться сейчас моей наивности, — продолжал меж тем Трисветлый Ив. — Но если ты задумала вернуть к жизни своего суженого, а затем забыть вернуть мне ключ, я вынужден тебя разочаровать. Ты не сможешь пойти против моей воли.

«Это мы еще посмотрим, — подумала я. — По-моему, кто-то до сих пор не оставил попыток меня заморочить...»

Крышка сандаловой шкатулки откинулась. На бархатной подушечке внутри я разглядела ониксовый, похожий на скорлупку, осколок и молочно-белый полированный кристалл примерно с кулак величиной.

— Это, как ты понимаешь, часть артефакта. — Ганиэль протянул мне скорлупку, которую я быстро схватила. — А это — мой залог на случай твоего неповиновения.

Я взглянула на друзю. Мое сердце остановилось. Я перестала дышать. Из мутной глубины кристалла на меня смотрела... бабушка. Рот колдуньи был открыт, будто в беззвучном крике, разноцветные глаза, правый — зеленый и левый — голубой, были неподвижны и ничего не выражали. Я моргнула и перевела взгляд на Ганиэля:

— Что ты с ней сделал?

— Пока ничего, — ответил тот. — И не причиню ей вреда, пока ты будешь послушна.

— Так ты для этого вернул мне память? Чтобы я помнила, что могу потерять?

— И поэтому тоже. А еще мне было приятно в чем-то опередить нашего с тобой любимца.

Я часто дышала, пытаюсь успокоиться.

— Ты еще раздумываешь, ветреница? В Араде уже звучат свадебные фанфары. Если ты опоздаешь, твой Дракон навеки будет связан со стареющей властолюбивой женщиной. Хотя знаешь: ты права. Он заслужил свою участь. Подожди свершения обряда, затем

отыщи артефакт. Оживший господарь отправится к молодой супруге, а ты вернешься ко мне — выручать свою родственницу.

— Налей мне вина, — хрипло попросила я. — Что-то в горле пересохло.

Он послушно поднялся и достал из пристенного сундучка пузатую бутылку.

— Я позову слуг, чтобы принесли бокалы.

— Не надо, сама управлюсь.

Я с таким остервенением стукнула по толстому дну сосуда, что притертая пробка вылетела из горлышка сама. Сделав богатырский глоток, я поперхнулась и закашлялась. На голубом шелке платья расплзлось безобразное винное пятно.

— Я сделаю, как ты хочешь...

— Тогда вперед, ветреница!

Он хлопнул в ладоши. Молниеносно появившиеся служанки почтительно выслушали указания. Мы вышли в коридор. В правой руке я сжимала ониксовый осколок, а в левой... В левой у меня побулькивала винная бутылка. Скоро уже как Михай буду ходить. На глаза мне попался стилизованный листок клевера на одной из дверей.

— Мне еще кое-куда заскочить надо, — доверительно шепнула я рыженькой служанке. — На дорожку, так сказать.

Девушки понимающе переглянулись и позволили мне войти в комнату. Сами они остались ожидать на пороге. Я стрелой помчалась в ванную.

— Я все слышала, — сказала из зеркала невидимая Иравари. — Видимо, стеклянные украшения в твоей прическе фонили.

— Что думаешь?

— Ганиэль специально выжидал время, чтобы ты не успела. Ты вернешь Влада к жизни уже женатым.

— Это мы еще посмотрим. — Я оттирала пятно, все время путаясь со сторонами. Ведь с зеркальным отражением всегда так: то, что у меня слева, у него справа...

— А Ягу выручать надо побыстрее, — продолжала демоница. — У нас раньше казнь такая была — запечатывали провинившегося в какой-нибудь предмет и далеко в море забрасывали.

— И дальше чего? Помирали все?

— Все не все, а разума лишались частенько...

Я охнула, еще раз припомнив разноцветные глаза своей бабули, невидяще уставившиеся на меня из молочной толщи кристалла. Правый — зеленый... Может, разум ее уже помутился, может, вернет мне ее Ив безумицей... Я, открыв рот, смотрела на свое отражение...

— Иравари! Да он же меня морочит! Это не бабушка!

— Ты уверена? — недоверчиво переспросила демоница.

— У бабушки левый глаз зеленый! Левый! А у морока в стекляшке — все наоборот. Это подделка!

— Вот дерьмо! — обрадовалась Иравари. — Что делать будем?

— Мстить, ёжкин кот! Да так, чтоб из них тут все, что ты там говорила, полезло.

Фарфоровая чаша с отверстием никуда не делась. Поэтому я быстро вылила туда остатки вина из бутылки, плюнула следом и проговорила несложное заклинание.

— Любая малявка в Мохнатовке знает, что когда сказать, чтоб у соседки молоко скисло, — пояснила я свои действия. — Сейчас все, что у них под храмом в резервуарах хранится, забродит и наружу полезет. Магия у них не действует! Ты меня колдовством, а я тебя естеством!

— Ты страшный человек! — хохотала Иравари. — С тобой лучше не связываться!

— А то! — гордо согласилась я. — Теперь бы ноги унести, пока не началось.

— Тогда поспеши. На той стороне встретимся.

Я по привычке шепнула отпускающее слово и выскочила из ванной как ошпаренная.

Служанки, слегка удивленные моей резвостью, едва поспевали за мной. Мраморные колонны, черное зеркало... Я подбежала к нему. Осколок артефакта резал руку, с такой силой я сжимала пальцы. Я хлопнула свободной ладонью по поверхности зеркала, вызывая картинку. Спасибо Трехликому за подарочек. Теперь я, наверное, с любым вещунским порталом управиться смогу.

— Благодарствуйте, красавицы, — вежливо кивнула я растерянным служанкам. — И... бегите отсюда!

Мне показалось, что их носики уже к чему-то приносятся. Пол под ногами подрагивал. Пора!

Свет... тьма... Разноцветные вихри, ветер в лицо, пахнет земляникой... Три... два... раз...

Я вышла из портала и быстро оглянулась. Изображение мраморного зала понемногу теряло четкость. Комната Иветты, где я очутилась, была пуста, только огонь, весело потрескивающий в камине, приветствовал мое появление.

— Честная девочка. Потешила старика, повеселила!

— Тебе всегда нравились скабрзные шутки, Первый.

Эхо низкого грохочущего смеха под сводами храма было последним, что я услышала до того, как расколотила зеркало железной каминной кочергой.

Месть свершилась, ход был запечатан.

ГЛАВА 15

О том, что каждый сам кузнец своего счастья

Em sua casa cada qual erei.

(Каждая собака дома лев.)

Рука болела просто зверски. Но разжать пальцы я уже не могла. От скорлупки артефакта тянулась золотистая путеводная нить. Я знала, что мне нужно идти по ней, чтобы найти своего Дракона, чтобы вернуть его к жизни, чтобы успеть. Осколки зеркала хрустнули под каблуками туфелек, когда я сделала первый шаг. Со двора донесся колокольный звон. Я выскочила в коридор. Да как я вообще могла направление перепутать, когда в первый раз опочивальню господаря пыталась отыскать? Ведь ежу понятно, что находилась я сейчас в гостевом крыле, просто на пролет выше, чем сидела под арестом. Ёжик кот! А как же Йоска? Его выпустить надо! И времени сейчас нет. Может, ничего с ним еще за пару часов не станется? Может, его давно уже нашли, стражника моего непутевого...

Я выбежала на галерею. Балаган, разворачивающийся внизу, в Гербовом зале, доходил до того самого завершения, которому мне всячески хотелось помешать. Народу там собралось не очень много, если учитывать важность события: несколько бояр, окруживших плотным кольцом арадскую градоправительницу, да десяток незнакомых магов, стихийную принадлежность которых по макушкам я определить не смогла. У стен дежурили воины — волки Драконьей своры. Уж их-то облачение ни с чем не спутаешь! В центре зала стояла Иветта в блестящем черном платье, с жемчужной тиарой в высокой причёске. Михай рядом с величественной княгиней выглядел мальчиком-подростком. Перед ними на высоком одноногом столике лежал раскрытый фолиант. Мэтр Нагейра монотонно бубнил что-то всем желающим его слушать.

— ...мы собрались здесь, чтобы сочетать браком эту женщину и мужчину, который...

В правой руке маг держал перо для письма, видимо готовясь внести брачную запись в замковый реестр.

Все-таки какой злыдень мой «близкий друг» Ганиэль! Знал же, мерзавец, что не успею до свадьбы Влада оживить, знал, лиходей, и специально меня до утра в храме выдерживал. Ну ничего, вот дайте мне только его, паршивца, еще раз встретить, уж я-то...

— Если кто-то из здесь присутствующих знает причину, по которой брак сей не может состояться, пусть скажет ее сейчас или же молчит впредь... — Баритон мэтра Нагейры теперь приобрел глубину и торжественность.

Сейчас! Я поглубже вдохнула, оперлась животом о перильца и... провалилась сквозь них. Подломившиеся балясины жалобно хрустнули.

— А-а-а-а!!!

Я летела буйной головешкой вниз, жить мне оставалось всего ничего. Вот ведь ёжик кот...

— Бланка! Нага el viento!

Толчок. И меня подхватили заботливые руки ветра. Это был не мой знакомый лоботряс, а пряный, с запахом болотных лилий дамский угодник. Он осторожно опустил меня на пол, придерживая за талию.

— Спасибо, — пробормотала я, ощутив губами легкий ветреный поцелуй.

— Эффектное появление. — Женщина, в руках которой таяли прозрачные нити силы, стояла недалеко от меня. — Это и есть твоя ветреница, Зиг?

— Конечно!

Высоченный, нескладный Зигфрид фон Кляйнерманн пронесся через весь зал, чтобы заключить меня в объятия. Я тихонько заплакала, уткнувшись лицом в его грудь.

— Я же обещал вернуться за тобой.

— Да... Тебя хорошо подлатали?

— Успели вовремя.

— А очки ты опять где-то посеял?

— Они мне теперь не нужны. После ранения я стал видеть нити силы без всяких устройств. Как у вас в Рутении говорят? Нет плоха без добра?

Я шмыгнула носом:

— Не «плоха», а «худа». Правильно «нет худа без добра». Провалили вы свою фольклорную практику, студент Кляйнерманн.

В глубине его серых глаз плескались смешинки.

— Мы можем продолжать церемонию? — Высокий голос Иветты вибрировал от злости. — Будет приличнее, если барон уведет свою подругу, чтобы предаться воспоминаниям наедине.

— Я, может, тоже хочу с подругой поздороваться, — простовато всплеснул руками Михай и бочком отодвинулся от невесты. — Со своей. Я, может, ее долго не видал, пока она... где-то пропадала.

Боярин, сграбастав меня за плечи, неловко чмокнул в щеку, шепнул:

— Ив где? Вещуны сейчас за тобой прибегут мне замок рушить?

— Где надо, — отстранилась я. — И никто не прибежит. У них своих забот сейчас... по горлышко.

Зигфрид прислушивался к нашему разговору, слегка наклонив голову. Беседа проходила практически у него на груди. Боярин Димитру сделал стратегический шаг в сторону, и теперь торс барона Кляйнерманна прикрывал нас от благодарных зрителей.

— Зачем они тебя утащили?

— Вот! — ткнула я Михаю окровавленную скорлупку.

Вовкудлак явно понял, что я ему демонстрирую.

— Умница! — поцеловал он меня в кончик носа.

— Дарина как? — вытерлась я свободной рукой. — Сбежала от тебя?

— В порядке, — обиделся Михай. — Чего это ей от меня бегать? У нас, между прочим, любовь.

— Кхм! — громко прозвучало над нашими головами. — Боярин Димитру...

Зигфрид отодвинул нас друг от друга. Михай пошевелил ушами и утробно рыкнул:

— А ведь не отвертись... дуры бабы...

Он грустно мне улыбнулся и вернулся на лобное место. Иветта кивнула:

— Продолжайте, мэтр.

— ...если кто-то из здесь присутствующих знает причину, по которой брак сей не может состояться, пусть скажет ее сейчас или же молчит впредь, — зачистил Нагейра, видно уже отчаявшийся довести церемонию до конца.

Все молчали. Зигфрид придерживал меня за плечи, я рассеянно прислонилась затылком

к его груди. Тук, тук, тук — бьется его сердце. Тук, тук... А это — уже мое...

Маг вдохнул, готовясь произнести завершающую ритуальную фразу... А чего это я молчу, ёжкин кот?!

— Я! Я знаю причину!

Истошный крик, как ни странно, мне не принадлежал. Вопил Михай, радостно обернувшийся в мою сторону.

Если бы взгляды могли убивать, боярин уже лежал бы бездыханным у остроносых туфельек романской княгини.

— Ну так поведайте нам ее! — Маг сдернул с носа очки и бросил их поверх раскрытого фолианта.

Михай взял меня за руку и подвел к столу.

— Влад по прозванию Дракон давно обручен с этой девушкой и стать мужем княгини Иветты не может.

Темные глаза Нагейры были полны усталости и разочарования.

— Чудесная попытка, маэстру. Мы все осведомлены о теплых чувствах, которые вы питаете к фате Мареш, или, как правильнее ее называть, донье Лутеции Ягг, а также о вашей преданности господарю...

— Оставьте необоснованную ненависть, которую вы испытываете ко мне, — подхватила Иветта. — Не ревнуйте, Михай. Я не буду мешать вашей дружбе с Владом. Закон есть закон, и вы обязаны ему покориться.

— Но ведь это правда, — пролепетала я, пытаюсь уловить выражение доверия в желчных чертах мага. — Тринадцать лет назад был заключен магический договор...

— Не ври, девчонка! — Иветта впервые обратилась ко мне. — В это время мы с моим возлюбленным уже обменялись клятвами, но моя несвобода...

— Он же пацан тогда был совсем! — горячо возразила я. — Какие клятвы?

— О моя маленькая лгунья! — зашипела княгиня. — Если бы ты умела читать, я с удовольствием показала бы тебе его страстные ко мне письма и чудесные стихи, которые посвящал мне мой возлюбленный. Сегодня утром их просматривали все облаченные властью лица. И представь себе, проказница, подлинность моих доказательств ими подтверждена.

Мне захотелось вцепиться в вздернутый носик Иветты зубами. Правда, она всегда больше ранит. Любил он ее, еще как. И письма сочинял, я уверена. Наверняка страстные и наверняка с ошибками в каждом слове... Может, и сейчас любит... Может, я вообще зря тут хлопочу? Уйди, Лутоня, освободи место достойной. Ведь любовь не в том, чтобы брать, а в том, чтоб делиться...

— У нас тоже доказательства найдутся!

Как бы в подтверждение своих слов Михай оглушительно чихнул.

— Только я пока их придумать не могу, — пробормотал он мне шепотом на ухо. — Есть идеи?

— А то! — тряхнула я косицами, решив пофилософствовать когда-нибудь потом.

Я припечатала ладонью осколок артефакта поверх фолианта, слегка замарав кровью его желтоватые страницы. Нагейра испуганно подобрал свои очки, видимо опасаясь за их сохранность.

— Это и есть ваше доказательство? — брезгливо сморщила носик Иветта.

— Нет, — мотнула я головой и принялась стягивать одежду.

Действовала я четко, как в бане. Аккуратно за плечики сложила жилетку и передала Михаю на сохранение. Тот наблюдал за моими манипуляциями, открыв рот, но одежду принял. Рубаха скользнула с плеч, боярин подхватил ее и повесил на сгиб руки, я дернула шеей, перекидывая на грудь всю звенящую копну косичек.

— Вот!

Зал ахнул. Я пошевелила лопатками. Я знала, что гербовый валашский дракон, раскинувший черные крылья на моей спине, в этот момент задвигался, будто готовясь взлететь.

— Это же... — Досточтимый Нагейра пытался надеть очки дрожащими руками.

— Это знак судьбы, — четко проговорила я. — Печать договора, заключенного тринадцать лет назад. И это мое доказательство.

В зале повисла тишина. Я слышала только быстрый стук собственного сердца.

— Грязная ложь! — взвизгнула Иветта. — Девчонка сама его себе нарисовала!

— Это татуировка, — возразил маг. — Линии проходят глубоко под верхним слоем кожи.

— Я требую продолжения церемонии!

— Это невозможно, ваше высочество! — Зигфрид выхватил у Михая мою одежду и стал неловко через голову натягивать на меня рубаху. — Природа отметин судьбы такова, что, если магический договор не будет выполнен, печать со временем сожжет своего носителя. Девочка может погибнуть.

— А мне плевать! — В этот момент Иветта Лузитанская не была красавицей, ее нельзя было назвать даже хорошенькой — злобная гримаса исказила черты лица, рот ощерился. — Пусть сдохнет! Пусть сгорит! Есть закон...

— Мадам, успокойтесь... Именно закон, к которому вы сейчас взываете, делает невозможным произнесение обетов.

Иветта поднесла руку к прическе, в ее пальцах очутилась длинная острая шпилька.

— Игла отравлена, — сообщила вдовушка, поводя безумными глазами. — И смерть моя будет на твоей совести, маленькая рутенская тварь!

Я зевнула. Для меня история с браком по доверенности уже закончилась. В этот момент я согласна была принять на свою многострадальную совесть все что угодно, только бы мне кто-нибудь в уголочке рогожку постелил. Да и в реальность самоубийства верилось мне не очень.

— Господа, все свободны, обряд на сегодня отменяется! — Михай, куражась, поклонился. — А нам с тобой, подруга, еще предстоит важное дело...

— Какое? — ревниво осведомился Зигфрид.

— Дружку для своей невесты подыскиваю, — подмигнул повеселевший боярин. — Пошли, Лутоня.

Я схватила скорлупку.

Шпилька упала на паркет с мелодичным звоном. Иветта рыдала:

— Все неправильно! Глупая девчонка победила принцессу и получила в награду Дракона! Думаешь, ты будешь жить с ним долго и счастливо? Ты получила чудовище!

Я невольно почувствовала жалость к поверженной женщине.

— Матушка, распорядитесь, чтобы княгиню сопроводили в ее покои, — отчеканил Михай. — Я на вас надеюсь.

Домна Димитру, до этого стоявшая бледной тенью в кругу приближенных, ринулась в

гущу событий. Иветту увели. В руках стражников она казалась поломанной деревянной куклой.

— Проклинаю, проклинаю... — твердила она. — Проклинаю...

— Пошли, — скомандовал мне боярин. — Тут без нас со всем справятся, да и матушке надо помочь как-то вину загладить.

Высокая фигура Зигфрида выросла у нас на пути.

— Лутоня, нам немедленно нужно отправляться. Целью моей миссии было сопроводить тебя в Квадрилиум...

— Ты можешь мне еще чуточку времени дать? Ну совсем немного?

Пахнуло болотными лилиями.

— Оставь девочку в покое, Зиг. — Ветреница Бланка смотрела на меня с одобрением. — Ты же видишь, у нее есть прошлое, с которым она должна разобраться. Подождем еще сутки или двое...

— Но ректор...

— Брось! Я сама с ним поговорю. Тем более что боярин Димитру обещал закатить банкет в честь нашего прибытия.

Михай низко поклонился, прижав правую руку к груди:

— Обещание остается в силе. Повара готовят кушанья, музыканты настраивают инструменты.

Бланка стрельнула лукавым взглядом из-под черных ресниц:

— Вы потанцуете со мной?

— Ему будет невероятно трудно делать это с переломанными ногами, — любезно ответила я за вовкодлака. — Невеста боярина Димитру придерживается кардинальных взглядов в вопросах супружеской верности.

Бланка рассмеялась:

— Тогда мне придется ангажировать на танец кого-нибудь менее связанного обязательствами. Идите, донья Лутеция, мы подождем вас. Правда, Зиг?

Огневик раздраженно отвернулся.

Я не могла его так оставить. Ведь старался человек, обещание выполнял, а Лутонюшка тут носом крутит — более важными делами занята.

— Зигфрид, — дернула я друга за рукав, — ну не сердись...

Он посмотрел на меня глазами больной собаки:

— Я очень разочарован, что за время моего отсутствия ты сблизилась с неподходящими людьми...

«Еще один опекун на мою голову навязался», — подумала я, но промолчала. Я ему потом при случае все объясню — про независимость и свободу выбора.

— Зигфрид, — вместо упреков спросила я. — А ведь о том, что печать меня сожжет, если я договор не исполню... Ты об этом наврал?

— К сожалению, нет. — Огневик коснулся пальцами переносицы, поправляя несуществующие очки.

Все-таки некоторые привычки остаются с нами даже тогда, когда исчезают причины их возникновения.

— Просто мне один сведущий... человек говорил, что раз я не заключающая сторона, а предмет договора, то и спросу с меня никакого нет.

— Твоя подруга ошибалась. Про магические договоры информацию найти крайне непросто.

— А ты тогда почему знаешь? На лекциях в университете прилежно слушал?

— Лутоня, — серьезно проговорил Зигфрид. — Я, как только в себя пришел, отправился в библиотеку. В надежде выискать хоть что-то, что может тебе помочь.

— Иравари вашу библиотеку вдоль и поперек облазила, — похвасталась я, просто не желая верить, что печать — это серьезней, чем я думала, и должок в любом случае придется отдавать.

— Демонесса может видеть только то, что ей не прочь показать, или то, что по халатности не защищено заклинаниями. Или ты думаешь, что в Квадриллиуме не осведомлены о любопытных привычках обитателей Тонкого мира?

Я закусила губу.

— Сам видишь, мне все равно придется с этой клятвой разобраться.

— Я понимаю. Просто я надеялся, что до осени...

Зигфрид сбился и махнул рукой.

— Иди!

Я легонько поцеловала друга в щеку.

— Подумаешь, какие нежности, — пробормотал Михай, придерживая для меня створку двери.

— Много ты понимаешь! — огрызнулась я беззлобно.

— Скользкий он тип, барон твой. Я бы ему не доверял.

— Сама разберусь... А объясни мне, мил-человек, для чего ты весь балаган с запоями устраивал?

— Так дело знакомое. — Вовкудлак уверенно шел по коридору, четко повторяя золотистый след, исходящий из обломка артефакта, который я несла в вытянутой руке. — Матушка каждую пару лет переворот в Араде пытается устроить. Тут уж главное — затаиться да переждать, пока она наиграется.

— И Влад о властолюбивых стремлениях домны Димитру тоже знает?

— Конечно! У нас с ним это называется политическое напряжение сбросить. Кровопролитие никому не нужно. А чего там с вещунами?

— Ты хорошо притворялся, — будто не услышала я вопроса.

Михай рассмеялся:

— Ага! Особенно занятно было тебя из пыточной выручать. Я же как думал: подержу тебя пару дней в темнице, чтоб ты никуда не влезла, а тут Нагейра со своими дознаниями чуть весь план не порушил. Я когда услышал, что тебя каленым железом палач пользоваться собираются, чуть не поседел от страха. Ну все, думаю, братчик меня на кусочки порвет, если по моей вине его зазнобу покалечат...

— А я хотела тебя на всю жизнь ведьминим кукишем отрезвить, — призналась я, скрывая смущение от простецкого словечка «زازноба». — Интересно, если бы я тебя трезвого колданула, что бы получилось?

— Это когда ты всякие фигуры из пальцев скручивала? — уточнил хихикающий вовкудлак. — Ничего хорошего, точно.

Мы свернули по коридору и оказались перед окантованной серебром дверью. Путеводная ниточка тянулась сквозь замочную скважину внутрь комнаты.

— Пришли?

— Я с тобой не пойду. Мне еще надо проверить, как там в вещунском храме дела обстоят.

— Скорее всего, жрецы успели разбежаться, — припомнила я подслушанную беседу Трисветлого Ива. — И связи с руководителями у них нет. Так что тебе придется адептов по одному в близлежащих деревнях вылавливать.

Михай кивнул:

— Я еще и то, что они понастроить успели, с землей сровняю. Говорил же господарю, нельзя так близко к разлому их пускать. Но он же у нас самый умный — у него же планов громадьё...

Михай замолк, видимо рассудив, что слишком уж со мной разоткровенничался.

— Дарине от меня привет передавай.

— Всенепременно, — рассеянно ответила я, про себя подумав, что домовитый боярин умудрился спрятать всех дорогих ему людей в одном месте.

— Помощь с порталом нужна?

— Сами с усами.

Я толкнула дверь и вошла в комнату. Путеводная нить исчезала в одном из гобеленов на дальней стене. Робость, овладевшая мной, не имела никакого отношения к мощному магическому свечению, исходившему от портала. Я боялась встретиться взглядом со своим Драконом и не увидеть в его синих глазах отражения того чувства, которое испытывала сама.

— Кажется, кто-то трусит, — донесся до меня тонкий приглушенный голосок.

Я обернулась. Дверь была закрыта, в комнате больше никого не было. На прикроватном столике, рядом с оплавленной свечой лежало небольшое зеркальце, в которое я и посмотрела. Иравари в смешной ушастой шапке глядела на меня с той стороны.

— Отпускающие слова теперь не действуют? — Я добавила строгости в голосе. — Кажется, я никаких демонов не вызывала.

— У любой медали две стороны, — примирительно молвила демоница. — В каждом преимуществе кроются недостатки.

— Ты мне зубы не заговаривай. По спиральным коридорам ты со мной не ходила, значит, и плюшки только мне положены. Так в чем тогда подвох?

— А в том, — ноздри моей знакомицы раздувались, видно, и она начинала злиться, — что кое-какая девчонка боится последний шаг сделать, выжидает чего-то и подсознательно меня на линии держит. Давай рассказывай, что еще стряслось.

— Помнишь рисунок, который у меня на спине проступил?

— Ну?

— Зигфрид говорит, что, если я в срок договор не исполню, эта картинка меня сожжет.

— Никогда о таком не слыхала, — смутилась Иравари. — Но переживать нечего. Ты же все равно собираешься со своим господарем воссоединиться.

— Я не так хочу, не из-под палки!

— А не много ли ты хочешь?

— Вот изгоню тебя на веки вечные и другого демона для разговоров вызову, —

мстительно сообщила я. — Тогда и посмотрим, многого или в самый раз.

— Лутоня, мы с тобой уже пятнадцать лет вместе. Неужели ты думаешь, я зла тебе желаю?

Мне стало стыдно:

— Извини меня, непутевую...

— Ладно, проехали, — легко простила меня подруга. — Давай посмотрим на ситуацию с другой стороны. Влад — человек очень непростой и для счастливой супружеской жизни с кучей детишек не предназначенный. Это мы примем за аксиому.

Я всхлипнула, но промолчала.

— Твое чувство со временем перегорит и угаснет. Поверь, время лечит. Сейчас твоя задача — расслабиться и получить удовольствие. Ты оживляешь Дракона, он занимается с тобой любовью. Наутро ты свободна. Номинально клятва исполнена — ты стала принадлежать ему...

— Это же мошенничество?

— К чему громкие слова? Скажем иначе: мы изыскали лазейку в договоре. Будем трактовать формулировку «отдашь мне» именно таким образом. Тебя, кстати, с текстом клятвы ознакомили?

— В общих чертах, — отмахнулась я. — А если он меня не отпустит?

— Не отпустит, так сбежишь. Зигфрид проводит тебя в Элорию, а там у господаря гораздо меньше возможностей влиять на твою судьбу.

Мне было гадко, спина горела огнем. Как же она к осени болеть будет? Даже представить страшно.

— Давай, не смущайся, — стеклянно улыбалась Иравари. — Дело житейское. Подумаешь, пару часиков мужские ласки потерпеть. Тебе еще и понравится. Судя по тому, какие слухи про Влада ходят, юные девы от него без ума.

Меня мутило.

— И не забывай о бабушке. Если тебе несоблюдение договора грозит гибелью, что будет с ней?

Это была последняя капля. Сдерживаемые слезы ручейками потекли по моим щекам. Что ж я за человек такой поганый, если о самых близких людях думаю в последнюю очередь?

— Ты права, — наконец проговорила я. — Хватит раздумывать, дело делать надо.

— Вот и славно, вот и молодец.

— Только обещай не подглядывать.

— Клянусь! — Демоница приложила когтистую руку к груди. — Пока позывной про «наливные яблоки» не услышу, появляться не буду.

— Прощай...

Зеркало вернулось на прикроватный столик, я приблизилась к порталу.

ГЛАВА 16

О том, что, если в руках женщины скалка, — необязательно, что будут пирожки

Бігла лялька по току

У червонім ковпаку.

Їла цукор і медок.

Вийшов зайчик-корольок.

В жизни каждого человека бывают такие моменты, когда приходится выбирать. Обычно-то все больше по мелочи. Куда ленту в волосы вплести — у самого затылка или пониже, а взвару какого в кружку плеснуть — мятного или из бузины, да какой дорогой к колодцу лучше пробираться — короткой, через чужие подворья, или длинной, по главной улице? И простота выбора обманчива. Потому что из наших крошечных действий и сплетается причудливое полотно судьбы. А самое обидное, что не вернешься, не переделаешь, не изменишь свою долю. Выбор сделан.

Каблуки чудных остроносых туфелек стукнули по темному паркету. Я перенеслась. Гобеленовый зал господаревого домика окутывала тьма. Я хлопнула в ладоши. Светильники под потолком послушно зажглись. Я потопала к лестнице.

— Дарина! Ты здесь?

Испугать подругу неожиданным появлением не хотелось. Беременных вообще пугать не рекомендуется.

— Это еще что за явление? Ты кто?

Незнакомка занимала, казалось, весь лестничный пролет. Плотная коренастая бабка в коричневом переднике и забранными под льняной платок волосами. Кустистые брови сдвинуты, глаза сверкают, ноздри раздуваются. Я с удивлением обнаружила, что мне в грудь угрожающе наставлена... огромная поварешка.

— Свои, Родика, — донеслось сбоку, и на площадку выбежала Дарина. — Это моя Ленута!

Волчица раскрыла мне объятия, ожидая, когда я поднимусь. Я не заставила себя долго ждать. Мы обнялись. Я осторожно погладила плотный животик Дарины.

— Быстро растет, — счастливо проговорила она. — Представляешь, он уже шевелится!

— Так это и есть ваша ветреница с десятком разных имен? — Несмотря на строгий тон, голубые глаза улыбались. — Ладненькая. То-то мои ребята перед тобой хвостами метут!

— Это Родика — мамка Михая, — пояснила Дарина, видя мое недоумение. — Ну и Влада заодно. Кормилица их, понимаешь?

— Только больно худа, — вынесла вердикт бабка. — Пошли, покормлю тебя, горемычную.

— Действительно, чего это мы на лестнице стоим? — Дарина потащила меня на кухню.

Там одуряюще пахло запеченным мясом и свежим хлебом. Я сглотнула слюну.

— Может, я сначала Влада подлечу?

Родика вытащила из моих скрюченных пальцев обломок артефакта и принялась его отмывать в миске:

— Ничего с моим змеенышем за пару минут не сделается. А тебе поесть надо. Знаю я вас, колдунов. Сейчас как примешься силы тратить, а их-то и нет.

Я вгрызлась в предложенную горбушку. Дарина смотрела на меня с умилением.

— Михай привет тебе велел передать. — Разговаривать с набитым ртом получалось не

очень.

— Да вроде утром с ним виделись, — покраснела моя опекунша. — Вот ведь нетерпеливый...

— Это он сейчас лебезит, — проворчала Родика, нарезаая толстые ломти буженины. — А как время пройдет, начнет на других девок заглядываться. Уж я-то его знаю. Горячий волчонок, влюбчивый.

— Он не такой.

— Все они такие. — Кормилица поставила передо мной нарезку. — Ты, главное, все его трепыхания в зародыше дави. Чуть что не так — бац по лбу, чтоб впредь неповадно было. Уж я-то, слава Тзеване, знаю. Я со своим, почитай, полвека прожила. Выучила, что у них к чему.

Родика обвела грозным взглядом притихших нас и, не обнаружив мужиков, присела за стол.

— Я тебе поварешку на свадьбу подарю, — успокоила она расстроенную Дарину. — Самое верное средство от супружеских измен.

Я фыркнула.

— Ну а ты что? — Голубые глаза грозно уставились на меня.

— Спасибо, очень вкусно, — ответила я невпопад и поднялась.

В животе было сыто и тепло, стало клонить в сон.

— Ну иди, раз готова. — Родика показала подбородком на отмытый артефакт, лежавший на краешке стола. — А потом мне обскажешь, с серьезными намерениями возле моего Влада трешься или как...

— В Араде все хорошо? — пискнула Дарина со своего места. — А то нам Михай ничего не рассказывает. Обещал, к вечеру что-то важное должно решиться, он и сообщит.

— Все в порядке, — решила я не умножать сущностей без необходимости.

Если уж боярин Димитру постановил своих женщин лишний раз не тревожить, пусть сам с ними и разбирается.

Я взяла блистающую чистотой скорлупку и вышла. Спину мне жег то ли тяжелый взгляд Родики, то ли договорная магическая печать.

Влад был в спальне. Он лежал на постели, бледный и неподвижный, широкий ворот вышитой рубахи открывал ключицы и серебряного дракона на витой блестящей цепи.

— Ну здравствуй, суженый, — прошептала я и, почувствовав внезапную слабость, присела в стоящее рядом с кроватью кресло. — Сейчас буду придумывать, куда тебе этот чудной осколок приспособить.

В комнате витал легкий кисловатый запах уксуса. Видать, женщины недавно обтирали больного. Раздевали, наверное, любовались мускулами на груди, едва заметной дорожкой темных волосков, спускающейся к животу... Стоп, Лутона. Тебя чего-то совсем в другую степь заносит. Если все будет, как распланировали вы с хитрой Иравари, совсем скоро сама на все его красоты неземные насмотришься. Так! Чего я про этот вещунный артефакт знаю? Во-первых, он формой должен напоминать яйцо, или, как настаивают в трактатах грецкие мудрецы, эллипс. Ценное знание, но сейчас абсолютно бесполезное. Я повертела перед глазами свою скорлупку. По размеру оно должно где-то с куриное быть. А мест на теле, где можно было бы его спрятать, да так, чтоб окружающие не заметили, я не знаю.

Тут меня выручил сам артефакт. Мой осколок задрожал на ладони, завибрировал, и четкая золотистая нить протянулась от него к телу на постели, обвела светлым лучиком контуры господарева лица и уткнулась точнехонько в грудь, туда, где раскинул крылья

фамильный герб. Я приблизилась. Мне показалось, что серебряный черненький дракон слегка пошевелился. А чего это он вдруг так потемнел? Я же это украшение столько лет на фляге дорожной таскала, пока господарь его обратно не отобрал. Он же блестящий был, будто полированный. Я царапнула ногтем медальон, тоненькая пленочка поддалась и легко отделилась, сразу затвердев. Так и есть, ёжик кот. В моих руках оказалась еще одна скорлупка. Я улеглась животом на край постели, и один за другим сняла с фамильного герба шесть... семь... восемь осколков. Они все искрились и негромко жужжали, будто здоровался между собой крошечный рой пчел. Я свалила их прямо на простыню и вернулась в кресло. Пусть сами друг к другу приспособляются...

Жужжание нарастало, становилось пронзительным. У меня даже зубы занули от этих звуков. Скорлупки взлетели над постелью на пару локтей, их будто затягивало в водоворот. Жжжжж... Потом комнату озарила яркая голубая вспышка, я испуганно зажмурилась. Пахло раскаленным железом. Жжж... Хлоп! Все стихло. Я осторожно приоткрыла один глаз. На белой льняной простыне лежало яйцо. Черное, блестящее, будто выточенное из цельного куска обсидиана. Так вот ты какая — смерть Кашеева!

Ресницы Влада дрогнули, он часто задышал. Я во все глаза смотрела, как на бледных щеках появляется румянец.

— Просыпайся, соня, — тихонько тронула я его за руку.

Он перехватил мое запястье, дернул на себя, ценный артефакт упал с кровати и, судя по звуку, закатился куда-то в угол. Я свалилась на постель, попыталась оттолкнуть его разгоряченное тело. Но куда там... Господарь сгреб меня в охапку, прижал спиной к груди, доверительно сообщил на ухо:

— Спать хочу, не мешай, — и размеренно задышал мне в затылок.

«Ну надо же, он еще не выспался, — подумала я, устраиваясь поудобнее. — А у некоторых, между прочим, уже который день даже подремать не получается. То вещуны, то маги, то пожар, то потоп, то в лоб, то по лбу...»

Я заснула. И мне было хорошо. Тепло, спокойно, безопасно. Снилось мне бескрайняя водная гладь под ярким небом. И кричали чайки, и пахло солью. И ветер надувал паруса и играл моими волосами. И рядом был кто-то, в чьих синих глазах плескалось море. Он обнимал меня за плечи. Я звонко хохотала, запрокидывая голову.

— Ты опять в моей постели, — серьезно проговорил Дракон.

Я вздрогнула и проснулась. В комнате было темно.

— А еще ты странно одета, странно пахнешь и у тебя очень горячая спина.

Все это сообщал он мне деловым тоном, будто диктуя опись невидимому чиновнику.

— А еще я спасла тебе жизнь.

Он нависал надо мной, упираясь руками в постель.

— А еще у тебя дурацкие косицы на голове...

— А еще где-то на полу валяется яйцо-артефакт-ключ, который я для тебя собрала. А еще я попала в тюрьму и вышла на свободу с чистой совестью, побывала в храме Трехликого бога, победила Ива, расстроила твой брак с мачехой...

— И они тебе абсолютно не идут...

— А Михай жениться собрался.

— Теперь-то на ком?

— На Дарине! — фыркнула я, удивленная монаршей непонятливостью. — А у нее скоро малыш родится. Он уже в животе шевелится. Представляешь?

— Нет, — подумав, ответил господарь и сел на постели. — Я сколько без сознания провалялся? Судя по количеству событий, лет двадцать?

— Да нет, седмицу вроде, всего ничего.

— Я так понимаю, еще пара дней — и ты разрушила бы мне весь город?

— А нет! Надо было тебя в катакомбах оставить и к морю бежать!

— Стоп! — Влад поднял руки в примирительном жесте. — Я еще не в состоянии вести споры такой интенсивности. Давай по порядку: где артефакт?

Я соскользнула с кровати и бросилась на поиски. Яйцо было под креслом. Его глянцевый бочок выглядывал из-за дальней ножки. Пришлось лечь животом на пол и подальше вытянуть руку, пальцы соскальзывали, я пыхтела от напряжения. Ну еще чуточку!

— Помощь нужна?

Господарь, пошатываясь, приблизился и просто отодвинул массивную конструкцию в сторону. Да уж, легких путей я в этой жизни не выбираю. Я вытерла лоб пыльным рукавом рубахи.

— Дарина! Надо бы чечевицу перебрать, — донеслось из коридора.

— Сейчас... Как там Ленута?

— Спят они, я недавно проверяла...

— Мы не одни? — встревоженно спросил Влад.

— Михай сюда еще невесту свою отправил и кормилицу, ей в помощь.

— Родик? — Заострившиеся черты господаря осветила улыбка. — Молодец у меня братчик, быстро соображает.

— Они, я так понимаю, за тобой ухаживали все эти дни. Ну Дарина с кормилицей.

— Поварешкой тебе мамка наша уже грозилась?

— А то...

— Это у нее первейшее оружие. Я в детстве его боялся просто до колик. Один раз не выдержал и в колодце эту ложищу утопил. Так Родика из сундука другую достала, еще больше прежней.

— Да уж, бойкая у тебя мамка.

— Она же меня сейчас кормить примется! — не на шутку встревожился господарь. — И жизни учить.

— И что?

— И поговорить нам не даст, пока я не лопну, — не слушал меня Влад. — Давай-ка сбежим на время, птица-синица?

— Куда? В гобеленовый зал можно пройти только мимо кухни. А колдовать ты, наверное, еще долго не сможешь, чтобы зеркальный лабиринт проложить.

— Есть способы, — хитро улыбнулся Дракон, вертя в пальцах артефакт.

— Яйцо? — спросила я с интересом. — Мне говорили, что этот ключ может открывать двери между мирами. Мы с его помощью убежим?

— Нет, эта магия не для меня. Слишком неотвратима. Она действует, разрывая пространство и намертво запечатывая возможность возвращения.

Влад нетвердой походкой подошел к пристенному сундуку и откинул крышку. До меня донесся едва заметный аромат розовых лепестков. Небрежно бросив яйцо внутрь, господарь достал пергаментный свиток.

— А тогда зачем тебе этот артефакт вообще понадобился, если пользоваться им ты не

собирался?

— Да так... Для разного...

Я немножко обиделась. Я, значит, стараюсь изо всех сил, осколки ему в зубах приношу, прямо как собака подстреленную утку, а мне в ответ ни благодарности, ни пояснений достойных.

— Смотри!

Дракон развернул лист, оказавшийся тонко выполненным акварельным пейзажем. Живописью я вообще-то не очень интересовалась, но тут ахнула, увидев небольшой пруд с кустиками осоки, кувшинку, прикрывшую прозрачные лепестки, и фрагмент тропинки, выложенной желтым кирпичом. Поверхность воды как будто дрожала.

— Это ты рисовал?

— Да. Тайное убежище. Для самых важных разговоров.

Я, забыв об обиде, помогла разложить рисунок на полу, придавив уголки стопками первых подвернувшихся под руку книг.

— Ну что, птица-синица, доверишься мне?

— Где наша не пропадала! — залихватски ответила я и послушно вложила свою ладошку в ледяные пальцы господаря. — Веди!

Мы ступили в пергамент, сердце ухнуло вниз.

— Можешь открыть глаза.

Это было странное место — как будто не существующее на самом деле. Казалось, только фантазия художника вызвала его к жизни, и то, что творец не озаботился перенести на пергамент, было размытым и нечетким. Хижина. Три стены, на одной из которых красовался рисунок господаревой спальни в охотничьем домике, соломенная крыша, полированные доски пола, на которых лежала полосатая тигриная шкура. Желтая тропинка, ведущая к пруду, начиналась прямо от тесаной деревянной ступени, которой настил заканчивался. Вот и все, что мне удалось рассмотреть. Окрестности утопали в молочном тумане. Где-то угадывались силуэты деревьев и крутой склон горы, где-то светила луна, чьи серебристые лучи рассеивались в окружающем мареве.

Господарь опустил на шкуру, свернув ноги калачиком. В простых полотняных штанах и вышитой по вороту рубахе его можно было принять за присевшего на минуточку передохнуть валашского пастуха.

— Присоединяйся, — предложил он мне. — Мебели тут нет, так что придется обходиться малым.

— А мамка твоя напольную картину не порушит, когда заметит, что нас нет?

— Родика очень уважительно относится к магии. Вот когда вернемся, есть шанс поварешкой огрести за то, что сбежали.

— Понятно...

— Слушай, птица-синица, иди сюда. — Господарь насильно усадил меня на шкуру. — Я на твои косицы смотреть уже не могу.

— А другим нравилось, — мстительно сказала я. — Между прочим, на далекой родине Трисветлого Ива именно так женщины и причесываются.

— Это я уже понял. — Влад одну за одной стягивал хрустальные бусины и расплетал мои волосы.

Я не сопротивлялась.

— А еще едят устрицы, моют руки в чашках и пьют кафу. Ты пробовал? Вкуснотища, а не

напиток!

— Я тебе потом сварю, — пообещал господарь. — В Араде где-то пара мешков с зернами в кладовых пылится. Может, ты мне все по порядку расскажешь? С того момента, как я загнал огненную сущность ракшаса в пустую сферу земли.

И разверзлись хляби небесные. Я вообще поговорить люблю, особенно если слушатель попадаете правильный — внимательный да вдумчивый. А уж если мне при этом с волосами что-то делают... только успевай за мной записывать.

— А Нагейра жук еще тот, — заметил господарь, отбрасывая очередную бусину. — Давно надо было его куда-нибудь изгнать.

— Он же мне помог, — возразила я.

— Чем? Тем, что в пыточную тебя отправил? Червяк земляной! Он просто пытался перед Квадрилиумом выслужиться да силы дармовой от ветреницы получить.

— Так зачем он тогда вообще в Араде нужен?

— Положено при замке мага иметь, вот я его и нанял. Михай еще на силе земли настоял — посевы, покосы да урожай два раза в год. Братчик у меня хозяйственный.

— А потом домна Димитру переворот затеяла, и всем сразу не до меня стало.

— Ожидаемый ход, — хмыкнул Влад. — Кто же на этот раз поддержал нашу рукодельницу?

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Меня как раз к вещунам занесло, так что не до политики было. Михай, наверное, тебе лучше расскажет.

— Угу. — Последняя бусина звякнула об пол. — Так гораздо лучше.

Я тряхнула волосами:

— Расчесывать не дамся. После последнего раза нет у меня доверия к твоему цирюльному мастерству.

— Как знаешь, — согласно кивнул Влад, присаживаясь напротив. — Тем более что гребешка мы с собой не захватили.

Я удовлетворенно кивнула и принялась рассказывать про вещунов.

— Ив тебя домогался? — строго перебил меня господарь на третьей минуте. — Приставал?

— Нет, — соврала я, подумав, что сухие змеиные поцелуи Трисветлого могут и не считаться. — Меня же по спиральному коридору водили. По-моему, к плотским утехам у меня теперь на всю жизнь неприязнь образовалась.

— Мы это скоро проверим.

Меня бросило в жар.

— Ганиэль передал мне последний осколок артефакта...

— Что взамен?

— Хотел, чтоб я ему целое яйцо принесла.

— За «спасибо»? Погоди, он должен был тебя на что-то подсечь. Может, он тебе встречу с родителями пообещал?

— С покойными? — ахнула я. — Я духовидцев боюсь!

— Значит... Бабушку грозился убить?

— Что-то вроде. Он мне показал кристалл, в котором как будто она заточена.

— Ты же понимаешь, что это не могла быть Яга? Для того чтоб поймать в такую примитивную ловушку твою бабушку, нужно гораздо больше тех ошметков силы, которыми делится с адептами Трехликий.

— Я не поэтому догадалась, — пробурчала я. — Он глаза перепутал — левый зеленый...

Влад рассмеялся:

— Ив кто угодно, только не дурак. Ты не поняла, кто в этом кристалле старую колдунью изображал?

— Лисица?

— Конечно! Я не знаю, зачем она решила тебе помогать, но подсказку она придумала знатную.

Мне многое стало ясно, только и вопросов тоже прибавилось. Эх, встретить бы хитрюгу да поговорить с ней по душам.

— Ты чего погрустнела? Хочешь, я тебе это яйцо отдам, а ты к Иву вернешься за разъяснениями?

— Некуда возвращаться, — ответила я в сердцах и скороговоркой поведала о своей страшной мести.

Дракон ржал как полоумный:

— Ты опасная женщина! Как тебе только в голову такое пришло?

— Ну я когда-то читала, что за брожение отвечают такие крошечные козявки, глазу не видные... Я их просто очень-очень попросила да вина плеснула, потому что они кислоту винную уважают. Это если по науке. А ежели по-простому — любая баба в деревне знает, как надо глянуть, чтоб у соседки молоко скисло. Вот так-то...

— А Трехликий истинный лик тебе на радостях не явил?

— Нет. А что, у него еще какая-то ипостась бывает?

— Я потом тебе картинку покажу, — махнул рукой Влад, утирая слезы. — Дальше рассказывай.

Про Иветту он слушал, хмурясь и рассеянно теребя нагрудный медальон. А когда я дошла до «шкатулки воспоминаний» с его письмами, вовсе скривился, как от неспелого крыжовника.

— Чудны нити судьбы. Она была такой потерянной и одинокой, когда появилась в Шегешваре. Мачеха... Девчонка с золотистыми локонами и влажным взглядом наивных глаз... И властный отец, озабоченный только продолжением рода и выгодными связями, которые обеспечил брак с молодой принцессой.

Мне захотелось плакать.

— Ты ревнуешь?

— Нет, — всхлипнула я. — Мне Иветту жалко. У нее же ничего не осталось, ни рычагов управления, ни власти, ни поддержки. Понимаешь? Она даже не колдунья...

— Лутона, — проговорил Влад, серьезно глядя мне в глаза. — Поверь, если бы она могла, ты уже давно лежала бы мертвой в какой-нибудь канаве или твой труп замачивали бы в огромном чане с медом для дальнейшего использования.

— Зачем? — шмыгнула я носом.

— Затем, что существуют люди, любое непотребство оправдывающие своими интересами. Чем Михай смог разрушить ее доказательства?

— Чего это сразу Михай? — в очередной раз обиделась я. — Я им сказала, что ты обручен со мной, еще и знак на спине продемонстрировала.

— Показывай! — скомандовал Дракон.

Я поднялась на ноги. И тут мною овладела какая-то непонятная робость. Раздеваться по пояс перед толпой народа в Гербовом зале было ни капельки не стыдно, тогда меня больше заботила эффектность предстоящего действия. А сейчас... Я сбросила жилетку и замерла в раздумьях. Как бы это так повернуть, ёжкин кот, чтоб приличия соблюсти? Я стянула через голову ворот рубахи, оставив руки в рукавах, прижала к груди матерчатый ком и повернулась спиной к благодарному зрителю:

— Смотри! Если ты мне сейчас сообщишь, что у тебя подобной отметины на теле не имеется, я очень-очень разозлюсь.

Он молчал. Я испуганно дернулась. Его лицо выражало удивление.

— Пообещай больно не бить, — проговорил он с шутливой мольбой. — Я не ожидал, что давняя клятва через тринадцать лет обернется таким образом.

Я натянула рубаху:

— А чего ты вообще ожидал?

— Молод был и горяч, неужели непонятно?

— Нет! Вот подробнее мне и поясни.

— Тогда я еще не знал, что твоя бабушка станет земной ипостасью своей богини. Поверь, с Макошью, пряхой судеб, я не стал бы связываться. Мне было пятнадцать, я хотел знаний, хотел чуда. И тогда заключить обычный магический договор с обычной рутенской ведьмой, бродящей в наших лесах и скрывающейся от преследований, показалось мне... забавным. Нет, я, конечно, знал о твоей бабушке довольно много и даже такого, о чем не догадывалась она, но... Это было так давно...

Мне захотелось прямым ударом в челюсть стереть с его лица поганую беспомощную ухмылку.

— Ты бы не пришел за мной? Скажи! — Мой голос дрожал от ярости. — Через тринадцать лет ты бы просто не вспомнил обо мне? И я сгорела бы этой осенью под печатью вашей драной клятвы, так и не узнав, что все произошло потому, что тебе было забавно?!

Я орала в голос, сжимая кулаки. Меня душила такая чистая всепожирающая ненависть, что, если бы могла, я бы на месте испепелила синеглазого Дракона и всю эту соломенную хибару и вскипятила бы воду в пруду так, что вознеслась бы она облачком пара под самые небеса.

— Скажи!

— Да, — просто ответил он.

В этот момент я почти умерла, будто кто-то задул пламя свечи и я осталась одна в кромешной темноте.

«Он не создан для любви... нет у него органа, который за это чувство отвечает... это мы примем за аксиому... расслабься и попробуй получить удовольствие...» — глумливый голос демоницы Иравари звучал в ушах, мешая сосредоточиться. Я мотнула головой.

— Ты хотя бы честен.

— Девочка моя, моя дорогая девочка! — Дракон вдруг оказался близко-близко. Обхватив меня за плечи и зарывшись лицом в мои волосы, он горячо зашептал: — Какая разница, что было в прошлом? Сама судьба привела тебя ко мне, не нужно ей противиться.

Я пошатывалась под его напором, отвечала на поцелуи и ничего не чувствовала. Ненависть ушла, оставив после себя выжженную душу. Забавно... Ветер играл кустиками

осоки у пруда, я легко улыбнулась старинному приятелю.

— Твоя отметина скоро исчезнет. Ведь ты станешь моей. Доверься мне...

«...В горе и радости, в богатстве и бедности, в болезнях и здравии...» — Слова брачных обетниц припомнились мне вообще не к месту. Какое у нас может быть супружество? Где между «моя» и «принадлежать» оно могло притаиться? Получается, я обманом расстроила его свадьбу с Иветтой. И мне, лгунье, с интересом внимали облеченные властью. Потому что это красиво: полуголая ветреница, магическая клятва, неземная любовь. Люди склонны верить сказкам. Я же поверила. Поверила, что у сказки «О предназначении и старинном договоре» может быть хороший конец. И жили они долго и счастливо, и умерли в один день...

Ёжкин кот, какая же я дура! Я полжизни бегала от того, кто вообще не стремился меня настигнуть. Я скрывала свое происхождение, чтоб он не догадывался, что самой судьбой предназначен быть моим... Хозяином? Из каких пыльных сундуков достала я это противное словечко «суженый» и на все лады примеряла его? Бестолковка!

— Ты дрожишь, птица-синица?

— А от тебя пахнет уксусом, — лукаво улыбнулась я, все-таки стараясь лишний раз не встречаться с ним взглядом.

— Это просто исправить.

Он еще раз меня поцеловал:

— Предлагаю искупаться вместе.

— А вода не холодная? — подняла я брови в картинном испуге. От собственных ужимок меня мутило.

— Она станет такой, как ты захочешь, — многозначительно пообещал он.

— Иди первый и отвернись. Я стесняюсь.

Лихорадочный румянец появился на моих щеках очень вовремя. А то, что вызван он был не страхом перед его наготой, Дракону знать было вовсе не обязательно.

— Хорошо...

— Я люблю тебя, — шепнула я одними губами.

Он услышал, но не ответил, его бледное лицо озарила довольная улыбка:

— Поторопись!

«Конечно, господин, — подумала я, — ваша вещь здесь для того, чтобы служить вашим желаниям», — но промолчала, рассудив, что это будет уже перебор. Да и манеры сластолюбивых храмовых прислужниц вряд ли дадутся мне без тренировки.

Я отвернулась, уголком глаза заметив, что Влад раздевается.

— Птица-синица! Я жду тебя с нетерпением, — напевно окликнул Дракон уже из водоема.

Вода доходила ему до ключиц, скрывая от меня все то, что мне видеть не хотелось. От поверхности пруда поднимались туманные струйки пара.

— Сейчас... — Я сделала несколько неуверенных шагов. — Отвернись, ты же обещал!

Он рассмеялся и нырнул.

Я быстро подхватила с пола стопку его одежды и шагнула к стене. Портал был неактивен, но мне каким-то образом была понятна его конструкция. Я провела ладонью по картине, продавливая ее внутрь. Когда рука по запястье скрылась в мутном мареве, я нащупала изогнутый штырь, который и провернула — на манер ключа в замке. Щелчок и

яркое синее свечение возвестили о возможности переноса. Мне очень хотелось оглянуться. Мне почему-то казалось, что в спину мне грустно и потерянно смотрит Влад по прозвищу Дракон. Я обернулась, поверхность пруда была неподвижна. Я шагнула в портал, вывалилась из него в спальне и боком откатилась с разложенного на полу пейзажа.

Испуганная Родика, вбежавшая в комнату с поварешкой наперевес, застала меня за методичным уничтожением пергамента. Ломать чужие порталы уже входило у меня в привычку.

Через два часа я сидела на кровати и редела. В правой руке у меня была кружка с отваром валерианового корня, а в левой — рюмочка с какой-то на редкость вонючей настойкой. Хлопочущие надо мной женщины до хрипоты спорили, чей способ успокоения моих растревоженных чувств лучший, и, не придя к единому мнению, заставили меня пить все подряд.

— Ты правильно все сделала, — бухтела Родика, втаскивая в спальню сервировочный столик с легкими закусками. — Ежели он тебя не любит, так и бегать за ним нечего.

— Время пройти должно. — Дарина время от времени вытирала мне слезы передником. — Он, может, и любит, только сам этого еще не осознал. Ты глупостей пока не делай. Подумай, пережди...

— Чья б корова мычала! — Кормилица с азартом включилась в спор. — Молоденькая она еще. Ты тоже по молодости моему Михаю от ворот поворот дала.

— Нашла что сравнивать...

Я обвела комнату мутным взглядом и икнула:

— Жить больше не хочу...

— Никто про яблочко наливное ничего сказать не хочет? — Требовательный голос принадлежал Иравари, выглядывающей из настенного зеркала.

Первой опомнилась Родика. Она кинулась в бой с поварешкой наперевес, свободной рукой скручивая обережный знак.

— Сумасшедшие бабки! Кия-а! — закричала Иравари, принимая защитную стойку. — Лутона, уйми старуху. Зеркало дорогое, флоринов на двести напыления по вашему курсу.

— Двести пятьдесят, — ответила кормилица, осторожно постукивая по гладкой поверхности.

— Значит, инфляция, — продолжался бредовый диалог. — Ложки на пол, это ограбление!

Я опрокинула в себя рюмочку настойки и быстро запила отваром. На вкус питье оказалось еще отвратительнее, чем обещал запах.

— Родика, это моя подруга Иравари. Она демон из Тонкого мира и во плоти попасть к нам не может.

— К тому же она вроде пьяная, — пошевелила ноздрями кормилица.

— Не пьяная, а эксцентричная!

— Будешь заклинаниями браниться, поколочу! И зеркала не пожалею!

Я перевела взгляд на Дарину. Та сидела в уголке тихонько, как мышка, только часто дышала и держалась за живот. Я подскочила к ней, забыв о своих горестях:

— Болит? Где? Успокойся, сестренка...

— Все в порядке. Просто малыш ножкой топнул.

— Уже придумала, как назовешь?

— Да. Только тебе пока не скажу — примета плохая.

Я шмыгнула носом от умиления.

— Кхм, — привлекла внимание Иравари. — Судя по вселенским рыданиям, которые я здесь застала, воссоединения влюбленной пары не произошло.

— Не-а, — покачала я головой. — В последний момент струсила. И не могу я вот так, без любви...

— И о бабушке своей ты в этот момент не подумала?

Дарина хихикнула:

— В эти моменты все мысли только о бабушках, как же иначе.

Иравари шутку оценила и тоже рассмеялась:

— Ты понимаешь, что мы с тобой профукали единственный шанс безболезненно решить вопрос с магическим договором?

— Понимаю... — Я опять принялась реветь. — Только изменить уже ничего не могу.

— Ну так пойди к своему Владу и скажи, что передумала.

— Куда? Я его неизвестно где абсолютно голым оставила. И одежду его с собой забрала-а-а... — Я кивнула на трогательную тряпичную кучку в углу спальни.

— Ты страшный человек! — Иравари потеряла виски. — Кажется, я уже говорила тебе об этом. И как по твоему коварному плану Дракон должен из этого «не знаю где» выбираться?

— Не знаю-у-у-у...

— Прекращай реветь, — присела рядом и приобняла меня за плечи Родика. — Выберется мой змееныш. Никуда не денется. Он же у нас великий колдун. И его уже давно пора было по носу щелкнуть, а то он слишком высоко его задрал.

— Думаешь, Влад ее простит? — заинтересовалась демоница.

— Что значит «простит»? Без надобности нам такие снисхождения. Он теперь за ней бегать будет, чтобы свое получить. А то, вишь, взял моду: чуть бровью пошевелил — девки голубицами подбитыми к ногам падают. А мужики того, что в руки само идет, нисколько не ценят.

— С этим я, пожалуй, соглашусь, — вздохнула Иравари, видно припомнив какие-то свои житейские негоразды. — Только вот нам теперь как изворачиваться?

— Есть у меня одна мысль, — перестала я на минуточку плакать. — Но она совсем уж...

— Ну так расскажи. Кстати, этот мелкий, который уже с полчаса в дверях топчется, в нашем новом плане задействован?

Все строго посмотрели на Михая.

— И вам доброго вечера, — разбил он приветствием повисшее молчание.

Дарина пискнула и бросилась обниматься. Я завистливо вздохнула:

— Он-то как раз главное действующее лицо и есть.

И я вывалила на окружающих свою задумку. Боярин Димитру ломался недолго.

— Влад — мой друг, — бубнил вовкудлак, опасливо косясь в зеркало. — Я его интересы впереди прочих блюсти обязан.

— А Лутоня тебе не друг? — наседали демоница. — Если ты откажешься, она, между прочим, помереть может. А с твоего господаря как с гуся вода...

— Светик мой ясный, — гладила жениха по колену Дарина.

Родика молчала, но поварешкой помахивала очень красноречиво.

Я испытующе посмотрела в хитрющие голубые глаза:

— Неужели не поможешь? А, братец Волчек?

— Помогу, — улыбнулся тот. — Куда ж я от вашей боевой квадры денусь?

Все облегченно вздохнули, поварешка была убрана до лучших времен. Дарина подставила щеку для поцелуя.

— Самое главное, чтобы слухи быстрее пошли, — поучала Иравари, пока женщины быстро приводили меня в порядок, насильно окуная мое лицо в миску с ледяной водой. — То есть церемония должна проходить при свидетелях. Это называется закрепить факт в информационном поле.

— Прислугу позови, не забудь. — Родика быстро пробежалась по моим волосам гребнем и заплела косу. — Знаешь, как у них — тот тому сват, тот тому брат... Словечко там, словечко здесь — и все, кому интересно, знают, что брачный обряд состоялся и ветреница стала принадлежать Дракону.

Мои щеки горели огнем.

— Мы сделаем все на рассвете, — проговорил Михай из коридора, на минуточку перестав целоваться с Дариной. — И ты сразу же уедешь с элорийцами. Я прикажу на конюшне, чтоб с ночи седлали.

— А Зигфрид что?

— Пирует он сейчас. Не будем ему мешать.

Зная арадское гостеприимство, я могла предположить, что завтра магов к лошадям придется привязывать веревками.

— Тогда пошли, — твердо проговорила я. — Нечего медлить.

— И оденься там поприличнее! — напутствовала Иравари, которая не могла не оставить последнее слово за собой.

Дальше все происходило как в тумане. Мы с Михаем вернулись в замок, я беседовала с какими-то людьми, невпопад отвечала на вопросы, отдавала какие-то распоряжения. Когда первые робкие лучи солнца показались из-за горизонта, незнакомые горничные помогли мне одеться. Платье было черным с серебряным шитьем. Цвета Дракона, все правильно. В Гербовый зал меня сопровождала четверка ратников. Охраной озаботился братец Волчек, и, как я теперь убедилась, не напрасно. Одной мне ни за что не удалось бы преодолеть толпу народа, желающего присутствовать на бракосочетании. Мэтр Нагейра несколько видоизменил церемонию в честь того, что сегодня в брак вступали маги. Он испросил благословения Источника и обратился по очереди ко всем четырем стихиям. Когда он воззвал к ветру, небольшой пыльный вихрь пронесся по залу. Боярин Димитру надел мне на палец кольцо, я протянула ему такое же.

— Обязательно передам, — улыбнулся Михай и спрятал украшение в карман.

Нам предложили поцеловаться, что мы и сделали сомкнутыми губами.

Маг возвестил, что отныне Влад по прозвищу Дракон и Лутеция Ягг — муж и жена. Мне показалось, что в этот момент моя спина испытала облегчение.

Потом я принимала поздравления, нацепив на лицо стеклянную улыбку. Михай произнес прочувственную речь о том, как его господарь будет рад и признателен всем за то, что его желания осуществились таким приятным для всех образом. Я отпила из предложенного бокала и покачала головой на чье-то невпопад выкрикнутое «горько!».

— Давай, птица-синица, уходи, — шепнул боярин. — Я их отвлеку.

Здравица пошла по второму кругу, и никто не обратил особого внимания на выскользнувшую из зала новобрачную. Зигфрид ждал на конюшне; основной отряд отбыл, не дожидаясь окончания церемонии, мы намеревались нагнать его в пути. Я скептически оглядела богатое дамское седло, крепившийся к сиденью приступок для ног был даже позолоченным.

— Да я с этой громадины навернусь еще до того, как за ворота выедем!

— Я могу взять тебя на своего коня, — предложил огневик. — А твоего в поводу поведем.

— Буду признательна, — кивнула я, подбирая юбку черного платья. — На ближайшем постоялом дворе я переоденусь и сменю седло. И, Зигфрид, не называй свою кобылу конем, она может обидеться.

Барон вскочил на лошадь и протянул мне руку.

— Лу... до... — через двор со всех ног бежал ко мне мой незадачливый охранник Йоска. — Ленута!

Я похолодела. Что случилось? Дракон выбрался и жаждет мести? Я молниеносно взлетела в седло вслед за Зигфридом.

— Уф... — Стражник тяжело дышал. — Вы, госпожа моя, в опочивальне вот...

Внезапно перешедший на уважительную манеру разговора Йоска протянул мне холщовую сумку. Тетрадки, блюдце, гребень...

— Спасибо тебе, добрый человек.

— А блюдце-то у вас, досточтимая метресса государыня, как есть волшебное.

— С чего ты взял?

— Сколько хмельного в него ни нальешь, в мгновение ока исчезает. Чудная диковинка!

Да уж, теперь я поняла, кто напоил мою зазеркальную подругу, а также чем развлекался запертый стражник в мое отсутствие.

— Так оставь себе, — легко предложила я. — На память. Зря мне посуду не спаивай, а раз в седмицу яблочного сидра в блюдце налить можешь.

Под хриплые благодарственные крики покидали мы конюшенный двор арадского замка. А в это время в Гербовом зале неизвестно по какому случаю приглашенный лэутар пел долгую грустную песню о несчастливой любви.

ЭПИЛОГ

О том, что, как только заканчивается одна история, сразу же начинается другая

Счастье в нас, а не вокруг да около.

Крестьянка, бодро топающая по едва заметной тропке между заросшими вереском холмами, была одета как на праздник. Холщовая камаса, подпоясанная богато расшитым стеганым платом, шерстяные носки, нарядно белеющие сквозь сыромятные ремешки обуви. Голову путешественницы покрывала шаль с кистями, кончики которой кокетливо спускались поверх ворота рубахи.

Солнце краснело на западе, прощаясь до рассвета. Женщина поправила на плече котомку и осмотрелась.

— Не садись на пенек, не ешь пирожок, — донесся откуда-то тонкий голос.

— Покажись, — велела женщина. — С полудня по кругу брожу.

— А как бы я иначе убедилась, что ты на хвосте никого не привела?

Холмы задрожали, будто отражение на поверхности пруда от брошенного в воду камня. Женщина моргнула. Старая колдунья сидела на бревне у самой обочины.

— Ну здравствуй, Яга.

— И тебе не хворать, Йохана.

Бывшая приживалка присела рядышком, бросив котомку на землю.

— Я смотрю, ты ступу свою из чулана вытащила, — похлопала она ладонью по тому, что сначала приняла за обрубок дерева. — Не забыла еще, как управлять?

— С вами забудешь. Только какой портал откроешь, сразу набегит толпа... заинтересованных лиц. А так, если еще по ночам летать да в сумерках... А ты свою арадскую кампанию завершила?

— Выше бери — лузитанскую. Теперь на все четыре стороны идти могу.

— Понятно. Удачи, хорошие шпионы всегда нужны. А уж такие ловкие, как ты...

— Куда мне против тебя!

— Так это с опытом приходит да с возрастом. С десяток лет пройдет, про тебя уж и сказки сочинять примутся.

Женщины немного помолчали. На холмы спускались сумерки, принеся с собой ночную прохладу. Стрекотали кузнечики, вдалеке ухала сова.

— Лисица велела передать, что должок за жизнь свою тебе вернула — помогла Лутоне из лап Трисветлого Ива ускользнуть.

— Наслышана, — хмыкнула Яга. — А также наслышана, кто хинской твари в Араде помощь оказывал.

— Работа такая, — пожала плечами Йохана. — Тебе ли не знать?

— Я зла не держу.

— Ты элорийцев в Валахию направила?

— С чего ты взяла? — поджала губы Яга. — Может, Кляйнерманн пороги обивал, пока не добился.

— Уж мне-то сказать можешь?

— Надо было внучке помочь. Вот я и расстаралась.

— Понятно. Что теперь делать намерена?

— Не знаю. Загостились я в этом мире, дальше двигаться пора. Но и Лутоню без присмотра оставлять боязно.

— Но она у тебя теперь мужняя жена...

— Вот и я о том же — боязно...

Они опять помолчали, каждая думая о чем-то своем.

— Вдовья княгиня твоя как? — наконец нарушила молчание Яга. — Мстить Лутонюшке не будет?

— Иветта сбежала сразу после брачной церемонии. После второй. Когда поняла, что больше ей ничего не светит. Трисветлый Ив ей портал наладил односторонний где-то за городом. Правда, она все же попыталась яблоко твоей внучке подсунуть. Ну из тех, знаешь, ядовитых.

— Вот ведь баба неумная!

— Ага. Лутеция на это подношение глянула и с вашей фамильной яговской усмешечкой говорит: «Благодарю, мадам, но мне в детстве бабушка эту сказку рассказывала». А потом приказала весь замок перерыть и все яблоки в ров сбросить. Там до сих пор рыба кверху брюхом плавает.

— Ох-ох-ох, не отцепится княгиня от девки. Попомнишь мое слово.

Йохана нахмурилась:

— Если что узнаю, тебе весточку передам.

— Хорошо. Я же говорю, там теперь за внучкой моей глаз да глаз нужен.

Женщины беседовали еще долго: строили планы, делились воспоминаниями. Им было что обсудить. И только в полночь случайный прохожий мог бы заметить на фоне полной луны силуэт ведьмы, летящей в ступе и помахивающей большим помелом.

В это же время гораздо западнее, за крутыми отрогами валашских гор, на крошечной лесной поляне, окруженной соснами, происходила другая встреча. Князь Влад по прозвищу Дракон разговаривал с закутанной в черный вещунный плащ женщиной. Полная луна выглядывала из-за туч, будто подслушивая, но не решаясь помешать.

— Здравствуй, мальчик мой. Мы давно не виделись.

— Я принес тебе ключ.

— Я знаю, ты же не любишь приходить просто так.

Дракон молча протянул сферу женщине. Артефакт исчез в складках плаща.

— Он работает.

— Я была уверена, что тебе это по силам. Теперь мы сможем покинуть этот умирающий мир.

— Отец отошел.

— Я знаю. — В голосе женщины послышалась грусть. — Я почувствовала, что его не стало.

— Он просил меня... Нет, не так. Он любил тебя.

— Что ты можешь знать о любви...

— Я был свидетелем последнего вздоха.

— Он вспоминал обо мне?

— Он хотел вернуться, просил меня о помощи.

— И ты согласился?

— Да.

Глаза женщины в свете луны блеснули синим:

— Дай!

В ее требовательно протянутую руку легла потрепанная колода карт.

— Я проводил его в туманные пределы. Думаю, ты сможешь найти его.

— Конечно... — В тонких пальцах женщины колода слабо мерцала. — Я разыщу его в любых вероятностях. Влад...

— Ты сейчас зовешь его или меня?

Она негромко засмеялась:

— Мой Дракон, мой ледяной рыцарь... Ты решил? Ты отправишься с нами?

— Нет. У меня есть дела в этом мире.

— Ты хочешь погибнуть вместе с ним? А, я знаю... Маленькая чернокожая ветреница. Ив приводил ее в храм. Ну так давай возьмем ее с собой.

— Нет. — В голосе Дракона слышалась непривычная мягкость. — Она вряд ли согласится путешествовать с вами по мирам, оставляя за собой смерть и пустоту.

— Как знаешь, — вздохнула женщина. — Хочешь дар? Способность уйти перед самым концом, прихватив с собой всех, кто тебе дорог?

— Нет, — в третий раз отказался Дракон. — За ваши дары придется слишком дорого расплачиваться.

— Хорошо. — Она пожала плечами. — Как знаешь...

— Вы скоро там закончите, Второй? Мы начинаем скучать! — Надтреснутый старческий голос накрыл поляну, будто гигантский колпак.

— Уже иду, — отозвалась женщина, подняв лицо к небу. Ее острые бледные скулы отливали серебром. — До свидания, сын, — шепнула она, приблизив лицо. — Еще увидимся.

— Прощай, мама...

Она пропала, растворилась в воздухе, дематериализовалась, оставив после себя легкий мускусный аромат. Влад Дракон немного постоял, глядя перед собой, пробормотал несколько рифмованных строчек и тоже исчез.

Полная луна удивленно взирала с небес на опустевшую поляну.

А через четыре седмицы была в Араде свадьба. Свадьба гудела, пела, плясала, пила хмельное, пробовала разнообразные яства и дебоширила. Это была свадьба из тех, о которых потом рассказывают всем, кто не смог на нее попасть. И невеста была прекрасна и слегка испугана, как и положено невесте. И жених был торжественен и строг и готов порвать на месте любого, кто осмелился бы пошутить о его невысоком росте.

— Ты Дарине едва до плеча достаешь, — шепотом сообщил добрый правитель своему вассалу, поднимая бокал за здоровье молодых. — Подданные, наверное, смеются.

— Разве это смех? — легко ответил боярин Димитру, отыскивая взглядом жену, в этот момент о чем-то беседующую со своей свекровью. — Вот когда ты в замок полуголый прибежал, вот это было веселье. Про тебя уже песнь сложили, «Князь в тигровой шкуре» называется.

— Как не преминула бы заметить одна наша с тобой общая знакомая, — криво улыбнулся господарь, — правильно говорить не в «тигровой», а в «тигриной»...

— Да, мне тоже Лутони сейчас не хватает. Уж она бы повеселилась. И Дарина никого больше за дружку не хотела.

Влад хмыкнул, покручивая в руках изящный хрустальный бокал.

— По закону замужняя женщина не может быть подружкой невесты.

— Какая же она замужняя? — перебил друга Михай. — Это так, фикция, чтоб магический договор обойти. Ты теперь запросто можешь развестись или признать ваш брак недействительным. И все по-прежнему будет.

— Это Лутоня тебе так законы растолковала?

— Ну да, я иначе и не согласился бы от твоего имени брачные обеты произносить.

Дракон поставил на стол опустевший бокал.

— И на том спасибо.

— Ты отступать не собираешься? Она свою часть договора исполнила, не так, конечно, как тебе хотелось. Так что власти над ней у тебя нет.

— Да, да, нет.

— Что?

— Да — власти нет, да — она хитро обошла все ограничения магической клятвы, и нет — я не хочу аннулировать наш брак.

Михай заметил на правой руке господаря тонкий ободок венчального кольца.

— Ты же любишь ее. Еще тогда, в Рутении, когда с ней в шахматы играл, заметно было...

— Помнится, ты тоже ею увлекся, — скривился Влад. — Даже предложение сделал.

Вовкудлак покраснел:

— Она милая, и умненькая, и хорошая, и добрая, и верная. Только тогда я еще не знал, чем любовь от влюбленности отличается. Найди ее и скажи о своих чувствах.

— Советы от раскаявшегося бабника мне сейчас нужны как никогда.

— Влад...

— Горько! — закричал господарь, заканчивая разговор. — Горько!

И пока Михай отыскивал среди танцующих молодую жену, пока не совсем трезвые гости хором считали поцелуи, Влад по прозвищу Дракон исчез. И боярин Димитру догадывался куда. Туда, где ждут его янтарные глаза и улыбочивые губы новоиспеченной студентки университета, будущей метрессы и повелительницы ветров, валашской владычицы доньи Лутеции Ягг.

Примечания

1

Румынская народная баллада «Миорица» в переводе Ю. Кожевникова.

2

Мне нужна ваша помощь, срочно (*португал.*).

3

Сделай ветер! (*португал.*)